

ДАНА АЙСАЛИ

моя
ЛЕТНЯЯ
интрижка

A romantic couple embracing on a beach at sunset. The man is wearing a dark red t-shirt and the woman is wearing a dark red tank top. They are both looking at each other and smiling. The background shows the ocean and a bright sunset sky. The text is overlaid on the image.

Милли в восторге от того, что будет устраивать свадьбу старшего брата в своем пляжном домике. Но они живут на разных концах страны, что оставляет ей возможность планировать все самой.

То есть до тех пор, пока не появился Ноа Хардинг.

Она была тайно влюблена в лучшего друга своего брата с детства. У них есть история... секретная, интимная и очень неприятная история.

Несмотря на протесты девушки, Ноа приезжает на лето в ее маленький островной городок, чтобы помочь.

Милли не требуется много времени, чтобы снова почувствовать то самое притяжение, но на этот раз она отказывается слушать сердце, и между ней и Ноа был заключен договор: никаких эмоций, никаких привязанностей, только секс. Но ее чувства настолько глубоки, что Милли уже не так уверена, что все закончится хорошо.

Видимо, эта летняя интрижка была не самой лучшей идеей...

ДАНА АЙСАЛИ

МОЯ ЛЕТНЯЯ ИНТРИЖКА

Серия: Вне серии

Группы:

vk.com/towwersauthors

vk.com/yourbooks12

Переводчики: Татьяна Н., Ольга Л.

Редактор: Виктория К.

Вычитка и оформление: Виктория К.

Обложка: Виктория К.

«Все еще не знаю, как сидеть напротив, и не влюбляться во все, что ты делаешь».
— William C. Hannan

Милли

— Милли-Му! Это ты?

Я внутренне стону. Ладно, шучу. Судя по тому, как бармен смотрит на меня, я сделала это вслух.

Этот голос — единственная причина, по которой я не хочу быть здесь. Я боялась этого дня с тех пор, как месяц назад мой брат обручился. День, когда мне придется общаться с его лучшим другом... Ноа Хардингом.

Годы подавляемого смущения превратились в гнев, который осел глубоко в животе.

Я поворачиваюсь, улыбаясь, когда он приближается ко мне. Интересно, чувствует ли он всю ярость, которую я прячу за своей излишне широкой улыбкой? На него почти больно смотреть. Сейчас он намного старше, и время было очень, очень благосклонно к нему.

Его каштановые волосы выглядят небрежно и стали длиннее с последней нашей встречи. Щетина покрасила его острую челюсть. И я не могу не заметить, что на его левом пальце все еще нет кольца.

— Это я! — говорю я сквозь стиснутые зубы.

— Посмотри на себя! — кричит он, обхватывая меня своими большими руками и поднимая в воздух. Я не обращаю внимания, насколько сильны его руки. И я определенно не делаю глубокий вдох, чтобы ощутить его запах. — Ты так выросла!

Мои руки прижаты к бокам, а волосы, на укладку которых ушло слишком много времени, теперь растрепаны и падают на лицо. Я хмыкаю, когда Ноа сжимает меня в последний раз, а затем опускает обратно. Я поправляю платье и откашливаюсь, поднимая стакан, который бармен только что поставил на стойку.

— Ты тоже! — говорю я ему после того, как мои нервы на секунду успокоились. — Это морщины? — Я протягиваю руку и касаюсь линии между его бровями. В ответ Ноа просто смеется и обнимает меня за плечи.

— Я скучал по тебе, малышка. — Он целует меня в макушку, как будто я все еще та маленькая девочка, которая бежит по дому, пытаясь не отставать от них с братом.

— Миллисент! — я слышу голос брата. Закатываю глаза, но не могу сдержать улыбку, которая расплывается на моем лице, слыша, как он называет меня полным именем. Я высвобождаюсь из-под руки Ноа, ставлю свой напиток обратно на стойку и поворачиваюсь лицом к брату.

— Теодор! — кричу я, раскидывая руки по бокам, когда он подбегает ко мне. Между нами ничего не меняется. Все началось с того, когда мы были маленькими, пытаясь понять, кто кого больше смутит, выкрикивая наши полные имена на публике. Но потом забава укоренилась в нас, и мы смеялись, ведь нас называли в честь наших бабушек и дедушек, у которых были ужасные старомодные имена.

Я обвиваю руками его шею, когда он поднимает меня. Боже, я скучала по брату. Я редко вижу его, так как мы живем на разных концах страны. И мы — единственные в семье, кто остался...

Я сильно скучала.

— Тебе нужно подстричься, — говорю я, взъерошивая его макушку, как только он

опускает меня.

Он закатывает глаза в ответ.

— И Ноа Хардинг, — говорит он, смотря на стоящего друга позади меня, и подходит к Ноа для объятий. Тьфу, я почти забыла, что он вообще там стоит. — Два человека, которых больше всего я хотел увидеть!

Не припомню, что я вообще когда-нибудь видела своего брата таким счастливым. Его лицо покраснелось от возбуждения, и я уверена, что это отчасти из-за алкоголя. Будучи рыжими, мы постоянно краснеем.

— Сколько времени прошло с тех пор, как вы видели друг друга? — спрашивает нас Тедди.

— Я не знаю...

— Восемь лет, — невозмутимо отвечаю я, прерывая Ноа и его чушь. Он точно знает, сколько прошло времени.

Они оба с любопытством смотрят на меня, но я просто делаю большой глоток коктейля, а затем улыбаюсь своему брату. Мы с ним так похожи, что окружающие до сих пор думают, будто мы близнецы. Рыжие волосы, голубые глаза, куча веснушек... вылитые наши мама и папа.

— Итак, старший брат, — говорю я, меняя тему, — что это за важная вещь, о которой ты хотел меня спросить?

— На самом деле, есть две важные вещи, и у меня также был вопрос к Ноа.

Мой желудок сжимается.

Черт.

— Давайте присядем, — говорит Тедди, оглядываясь в поисках свободного места. Мы находимся в баре на крыше в центре города, но брат арендовал для нас всю площадь, так что здесь не так многолюдно.

Я оглядываюсь в поисках своей собаки, зная, что она, вероятно, где-то занимается проституцией в поисках домашних животных. Замечаю, что она лежит на диване, на спине, ее язык вывалился изо рта, пока один из друзей Ноа потирал ее живот.

— Энни! — кричу я, и собака резко поднимается. Как только она замечает меня, стремительно подбегает ко мне, и мы следуем за Тедди и Ноа к пустой кабинке.

— А вот и моя милая девочка! — Тедди воркует, потирая уши Энни, когда она запрыгивает на сиденье рядом с ним. Что вынуждает нас с Ноа сесть вместе.

Моя собака — предательница.

Ноа обнимает меня за плечи, прижимая ближе к себе. От этого жеста по всему моему телу пробегает ток, и это не самое приятное ощущение. Я стряхиваю его руку, как могу, не привлекая внимания, а он просто улыбается и подмигивает. Я смотрю в его большие карие глаза.

Ноа смеется.

И это приводит меня в бешенство.

Он наклоняется ближе, шепча мне на ухо, пока брат отвлекается на собаку:

— Откуда столько дерзости, Милли-Му? Хм? — Его дыхание обжигает, и мне приходится напоминать себе, что он плохой.

— Итак, — начинает Тедди, заставляя Ноа отстраниться от меня. — Во-первых, Милли, я хотел спросить, не могли бы мы провести свадьбу на острове Поули и воспользоваться твоим доступом к пляжу?

— Конечно! — взволнованно говорю я ему. — Бабушке бы очень понравилась эта идея. — Я протягиваю руку через стол и беру своего брата за руку, крепко сжимая ее, пока мы вспоминаем бабулю.

Я живу в ее доме на острове в Южной Каролине с тех пор, как она скончалась несколько лет назад. Будучи хедхантером (*прим. ред.: специалист по подбору персонала*) я могу работать практически из любого места. Поэтому, когда бабушка в своем завещании оставила дом нам с Тедди, мне не составило труда принять его.

Тедди уехал на Западное побережье. Он работает в Голливуде, а я и не могу представить его в другом месте. Калифорния у него в крови, и он не был бы счастлив, живя в маленькой лачуге на побережье Атлантики.

— Ты уверена, Милли? Я не хочу создавать тебе проблем. Мы с Бет не обидимся. Но в ином случае нам придется сильно положиться на тебя.

— Девяносто процентов времени я работаю из дома, — успокаиваю я его. — На самом деле, в этом нет ничего сложного. Я позову своих друзей помочь. Многие из них помнят бабушку, и я уверена, они с удовольствием помогут ее единственному внуку жениться на острове.

— И, может быть... — он замолкает, поворачиваясь к Ноа. — Может быть, Ноа поможет, если согласится стать моим шафером.

— Чувак, конечно! — взволнованно кричит Ноа, поднимаясь со своего сидения и перегибаясь через стол, чтобы обнять Тедди.

Я снова пытаюсь не застонать. Черт возьми. Я не хочу застрять с Ноа. Только не с ним... Нам придется организовывать свадьбу вместе.

Внезапно я начинаю жалеть, что вообще согласилась.

— Милли-Му! — Ноа ликует, садясь обратно и заключая меня в сокрушительные объятия. В следующий раз, когда он назовет меня этим прозвищем, я перережу ему глотку. — К счастью для тебя, я тоже могу работать практически из любого места. Могу сесть в самолет и прийти на помощь в любое время, когда понадобится!

— О, я уверена, что в этом нет необходимости, Ноа, — говорю я ему, пытаюсь изобразить улыбку на лице. Я не позволю тому, что произошло между нами, испортить радость брата.

— Используй его, Миллс, — говорит Тедди, прежде чем осыпать Энни тоннами поцелуев в макушку. Она счастливо виляет хвостом. — Будет много работы.

Я улыбаюсь и киваю, сосредоточившись на своем коктейле, а не на горячем теле Ноа рядом с собой.

Ноа

О, черт. Если бы взгляды могли убивать.

Милли не рада видеть меня, но, черт возьми, зато я очень рад. Я пожираю ее взглядом, как будто умираю с голоду. Я не видел ее лет восемь. Черт, Милли хорошо выглядит. Длинные ноги и соблазнительные изгибы. Волосы завиты в идеальные волны, которые так хорошо смотрелись бы, обернутые вокруг моего кулака, пока я трахаю ее сзади.

Она косится на меня, пока я глазею на нее, и затем подмигиваю ей, улыбаясь так, что у меня появляется ямочка на щеке. Милли закатывает глаза и отводит свой взгляд, отодвигаясь от меня на несколько дюймов, к краю сиденья.

— Когда знаменательный день? — спрашивает она Тедди, изо всех сил стараясь отвлечь свое внимание от меня.

— Мы выбрали двенадцатое августа. — Тедди почти все внимание уделяет собаке. Целует и гладит ее.

— Свадьба на пляже в самый жаркий месяц года, — говорю я, откидываясь на спинку кресла и расставляя ноги так, что мое колено соприкасается с коленом Милли. Она быстро отстраняется, и я не могу удержаться от улыбки, глядя на выражение ее лица. — Я надеюсь, там необязательна одежда? Можно прийти в плавках? Я бы хотел увидеть всех подружек невесты в купальниках.

Я толкаю Милли локтем, и она стонет.

Ну, хотя бы Тедди рассмеялся.

— В твоих мечтах, Ноа.

— О, определенно в моих мечтах, Милли-Му.

— Фу... — начинает Тедди, прежде чем Милли разворачивается и хватается за ухо, как побитого щенка.

— Назовешь меня так еще раз, Ноа Александр Хардинг, и я тебя задушу.

Моему члену нравится, как это звучит.

— Такая жестокая, — говорю я после того, как она отпускает мое ухо. Я делаю вид, что потираю его. — Мне нравится.

— Я и не так могу, — обещает она, голубые глаза вспыхивают раздражением. Ее лицо покраснелось от нашей словесной перепалки, от этого ее милые веснушки стали еще более заметными.

Прежде чем она успевает остановить меня, я фоткаю ее, запечатлевая хмурое выражение ее лица. Она стонет и толкает меня в плечо.

— Ладно, вы двое, — перебивает Тедди. — Ссоритесь, как пожилая супружеская пара, да, Энни?

— Наверное, надо предупредить гостиницу, а может быть, и весь курортный персонал, что к нам приедет много гостей, — говорит Милли, меняя тему. — Господь свидетель, никто не поместится в маленьком коттедже бабушки Милл.

— Хорошая идея. Позвоню им на этой неделе.

— Все в порядке. Я сама разберусь, когда приеду туда.

Бет зовет Тедди, и он быстро извиняется, проползает мимо Энни и целует Милли в

макушку, прежде чем убежать. Она не хочет даже смотреть на меня, не говоря уже о том, чтобы говорить.

Я не совсем уверен, что такого сделал и чем заслужил такой гнев. Конечно, мы расстались не в лучших отношениях, когда она училась в Южной Калифорнии, но это было много лет назад. Так давно, что она не может заикливаться на этом...

Верно?

— Милли, — начинаю я, но она быстро перебивает.

— Послушай, Ноа, — говорит она, поворачиваясь ко мне всем телом. — Я могу справиться со всем сама. Мне не нужна твоя помощь. И я не хочу, чтобы ты прилетал ко мне, хорошо?

— Миллисент Айрис Буфорд, — тихо говорю я, протягиваю руку и убираю несколько локонов с ее лица за ухо. Ее взгляд становится немного мягче, и я пользуюсь возможностью наклониться и прошептать ей на ухо: — Если ты думаешь, что сможешь держать меня подальше от себя, ты, черт возьми, сошла с ума.

— О, пошел на хрен, Ноа.

Она встает и зовет Энни к себе, стремительно возвращаясь в бар.

— А сможешь мне с этим? — кричу я ей вслед.

Она так быстро поворачивает голову, что, я боюсь, как бы она не слетела с плеч. Ее щеки такие яркие, что могли бы стать маяком. Она отмахивается от меня, и я просто подмигиваю, прежде чем она поворачивается обратно и пытается забыть о моем существовании.

Но я не хочу забывать ее. Я наблюдаю за ней остаток ночи, пока она переходит от одного человека к другому. С ней так легко ладить, она заводит друзей, куда бы ни пошла.

Я знаю, она чувствует, что я наблюдаю за ней. И не пытаюсь это скрывать. Но Милли очень хорошо справляется с тем, чтобы игнорировать меня. И когда она выходит на танцпол, танцуя с Бет и ее подругами, я пользуюсь возможностью сделать еще несколько снимков.

Один миг, зафиксированный фотографией, где она, откинув голову назад, смеется, и сверкающая гирлянда над ее головой, что идеально отражают медь в ее волосах. На другом снимке Милли обвивает руками шею своего брата, а он смеется и поднимает ее на руки.

И еще, когда она слегка поглядывает в мою сторону — ровно настолько, чтобы камера смогла это уловить. Она быстро отводит взгляд, как будто ничего не произошло, но у меня это на пленке.

— Еще кое-что, Ноа, — говорит она невнятно, когда подходит ко мне, прежде чем сесть в такси.

— Да, красотка?

Ее дыхание может опалить брови. Моя девочка пьяна.

— Ты никогда, никогда больше не залезешь ко мне в штаны. — Она тычет указательным пальцем мне в грудь с удивительной силой. — Капишс (*прим. пер.: итал. «Понял?»*)?

Я смотрю в эти покрасневшие глаза и одариваю ее своей лучшей ухмылкой, прежде чем наклониться. Она слегка наклоняется ко мне и вдыхает.

Если бы я был менее мужественным, я бы настоял на том, чтобы отвезти ее обратно в отель. Не думаю, что она бы долго ломалась. Но это виноват алкоголь. И если я хочу затащить Милли в постель — снова, — то только не в состоянии алкогольного опьянения. Я не хочу, чтобы она проснулась и пожалела об этом.

— Кто сказал, что я вообще хочу в них залезать, Милли-Му?

Я даже не уверен, зачем это сказал. Хочу пнуть себя по яйцам за это. Словесная рвота. Чертова словесная рвота.

Когда я отстраняюсь, Милли смотрит на меня более настороженно, чем ранее, и весь юмор покинул ее выражение лица. Я испортил ей вечер. Одной глупой фразой улетучилась радость, которую я видел всю ночь.

Щелкнул выключатель света.

— Спокойной ночи, Ноа. — Она закатывает глаза и забирается в машину с собакой.

— Спокойной ночи, — говорю я, закрываю дверь и смотрю, как машина едет по дороге.

Так о многом приходится сожалеть, когда дело касается ее.

Но следующее лето может все изменить. Целых три месяца непрерывного времени с Милли. Я улыбаюсь при мысли о том, как она отреагирует, когда я появлюсь в ее родном городе.

Дерьмо будет бесценным.

Громко смеюсь, когда подъезжает мое такси. Забираясь в машину, я всю дорогу домой мечтаю обо всех выходках, которые смогу вытворить следующим летом.

Милли

Следующее лето...

— Вы знаете, сколько людей придет?

Я смотрю на пекаря и пытаюсь быстро проглотить кусочек торта «Красный бархат».

— Последний раз было сто тринадцать. Верно, Миллс?

Клянусь богом, я чуть не выплюнула кусок изо рта.

Ноа обходит вокруг и, черт возьми, плюхается на стул рядом со мной. Я сглатываю и просто смотрю на него, когда он закидывает руку на спинку моего стула, и его пальцы сжимают мою руку сбоку.

— Тогда трехъярусный свадебный торт был бы идеальным! — восклицает пекарь, улыбаясь, когда Ноа подмигивает ей.

Я едва могу сдержать рвотный рефлекс.

Он наклоняется вперед, откусывает кусочек моего торта и стонет. Бедное лицо пекаря становится ярко-красным, когда Ноа большим пальцем стирает глазурь с нижней губы. Он точно знает, что делает, и я вот-вот потеряю самообладание.

— Ноа, — говорю я, почти рыча, — что ты здесь делаешь?

— Пойду, сделаю несколько заметок... — бормочет пекарь, явно чувствуя напряжение и желая убежать в противоположном направлении. Я не виню ее. Потому что, если бы взгляды могли убивать, Ноа лежал бы мертвый на полу.

— Я же сказал, что приеду помочь тебе летом, не так ли? — спрашивает он меня, улыбаясь от всей души. Он откидывается на спинку стула и раздвигает свои очень... мускулистые... бедра ...

— Мои глаза здесь, наверху, злючка, — дразнит он, приподнимая мой подбородок голову пальцем.

Я отбрасываю его руку прочь.

— Ноа, я сказала, что позвоню, если ты мне понадобишься. Я тебе звонила?

— Нет, — признает он. — Но знаю, что ты все равно не позвонила, даже если бы я был тебе нужен. Ты у нас гордая, детка. — Ноа подмигивает. — В любом случае, я приехал, и у меня здесь есть кое-какие дела. Мне придется немного попутешествовать; поеду в Миртл-Бич на несколько других свадеб. Но в остальном я весь твой!

— И где ты остановился? — спрашиваю я, отодвигая свой стул. Его всепоглощающий запах и жар от его тела затуманивает мой разум. Я ненавижу, как мое тело реагирует на его прикосновения. — На острове только один отель, и там все бронировано.

— Да. Ты была права, когда говорила, что нужно заранее бронировать места для ночлега в этом районе. Но я обыскал все вокруг и в итоге нашел местечко на южной стороне острова. Я забронировал его на все лето.

Он выглядит таким чертовски самодовольным. Я хочу стереть это выражение с его красивого лица.

— Итак, если мы сделаем трехъярусный с одним вкусом, то получится триста пятьдесят долларов. Но если вы хотите смешать и сделать разные вкусы, это увеличит цену до

четырехсот двадцати пяти долларов.

Я отвожу взгляд от Ноа и отмечаю в своем телефоне понравившиеся мне вкусы и цены. Благодарю женщину и отталкиваюсь от стола, чтобы уйти.

— Большое спасибо. Я поговорю с женихом и невестой и перезвоню вам завтра.

Она улыбается нам обоим, даже когда Ноа берет оставшийся шоколадный кусок торта на тарелке, забирая с собой. Я закатываю глаза, когда она протягивает ему свежую пластиковую вилку. Он подмигивает ей — снова, — и я хватаю его за руку, увлекая за собой к двери.

— погоди, красотка! — Ноа смеется. — Из-за тебя я потеряю свой торт!

— Ноа, серьезно, — рычу я, разворачиваясь, чтобы встретиться с ним лицом к лицу на тротуаре. — Мне не нужна твоя помощь. Я же сказала, что позвоню, если не смогу справиться.

— Ах, ну ладно, Милли-Му! — дразнит он, отступая с высоко поднятыми руками в знак капитуляции, когда видит, что я серьезно относилась к своей угрозе прошлым летом.

Его улыбка озаряет лицо, когда он делает шаг ближе ко мне, используя свободную руку, чтобы заправить выбившиеся волосы мне за ухо. Я знаю, что означает этот взгляд. Я знаю, как он раньше заставлял мои колени подгибаться. Больше не надо. Я не позволю снова этому случиться. Не сейчас, когда я взяла себя в руки.

— Разрешить помочь. По крайней мере, сегодня. — Ноа дергает меня за волосы, отчего я закатываю глаза. — Позволь показать, насколько я могу быть полезным. Я даже отвезу нас в следующее место! Куда дальше, лютик?

Могло быть и хуже. Я могла таскаться с Брэндоном. Он хоть и неплохой любовник, но у этого парня нулевые навыки межличностного общения. Он бы просто сидел и играл в «Ферму» на телефоне, или сидел на форуме «Reddit».

Однажды я попросила его съездить со мной вглубь страны, в горы. Я хотела сменить обстановку. Но он побоялся, что в домике не будет никакого сигнала, а в «Ферме» есть важные задания, которые он не хотел пропустить.

Придурок. Но он удовлетворяет мои другие потребности. Поэтому я не шлю его к черту. Я вздыхаю.

— Мне нужно сходить к флористу и посмотреть варианты, которые она приготовила.

— Тогда поехали! — подбадривает он, бросая торт в ближайший мусорный бак и разворачиваясь, чтобы взять меня за руку. — Моя машина прямо здесь.

Я осторожно высвобождаюсь из его руки и отодвигаюсь на некоторое расстояние.

— Просто дружеское прикосновение, Миллс. Я не собираюсь лапать тебя на публике.

Было время, когда я хотела, чтобы он лапал меня где угодно.

— Я знаю, Ноа. Но моему парню не понравилось бы, что я иду под руку с другим. — Я достаю свой телефон, чтобы проверить, не пропустила ли какие-нибудь сообщения. Конечно, нет. Брэндон никогда бы не осмелился проявить интерес к моей жизни.

Я замечаю, что Ноа притих, и когда снова смотрю на него, его суровое лицо словно окаменело. Он открывает дверь своей арендованной машины и даже не смотрит на меня.

Не знаю, что я сделала, что внезапно лишила Ноа Хардинга дара речи. Это немного жутковато. Я всегда хочу, чтобы он заткнулся, но теперь, когда это действительно произошло... мне это не нравится.

— Адрес? — спрашивает он, его голос лишен эмоций.

Я диктую ему, и Ноа вводит адрес в GPS. Не говоря больше ни слова, мы отправляемся

вниз по дороге.

Похоже, это будет тихое путешествие.

Ноа

У нее есть парень.

Я не знаю, почему сжимаю руль так, словно пытаюсь сломать его, черт возьми, пополам. Я дуюсь, как ребенок, который не получил свою конфету. Мне не нравится, что кто-то прикасается к ней, не говоря уже о том, чтобы встретаться с ней.

Тедди знает об этом? Он ничего мне не говорил, когда я сказал ему, что уезжаю сюда на лето.

Брэндон. Я стараюсь не издеваться вслух. Я никогда не встречал парня по имени Брэндон, который бы мне нравился. Как можно стонать «Брэ-эндон»?

Я пытаюсь избавиться от плохого настроения, в которое эта новость меня повергла, потому что, если я этого не сделаю, то разрушу шансы на то, что Милли разрешит помочь ей. Она ерзает на сиденье рядом со мной, крутит волосы и смотрит в окно.

Протягивая руку, я хватаю ее за запястье и убираю от ее бедных волос, прежде чем она вырвет их все. Она смотрит на меня и высвобождает руку. На ней светло-голубое летнее платье, которое задрано слишком высоко для моего комфорта. Но оно почти идеально подходит к ее глазам.

Боже, ее кожа выглядит такой нежной. Я мог бы протянуть руку и впиться пальцами в ее бедро, медленно, понемногу продвигаясь вверх, ее дыхание будет сбиваться, а трусы промокнут...

— Первый раз ты такой молчаливый, — говорит она, откидывая голову на подголовник и глядя на меня из-под своих густых ресниц, и ухмыляется: — Не то что бы я возражаю. Это единственная в жизни возможность сидеть так близко к Ноа Хардингу и при этом пребывать в покое.

Я смотрю на нее и прочищаю горло.

— Расскажи мне об этом Брэндоне. Твой брат знает о нем? Я не слышал ни слова.

— Не знаю, почему ты думаешь, что должен знать о нем, Ноа. Ты не мой отец. — Она закатывает глаза и снова смотрит в окно. — Но, нет. Тедди о нем не знает. Это случилось не так давно и... — Она делает паузу, и я вижу, как крутятся колесики в ее голове, пока она пытается найти правильные слова. — Это несерьезно.

Когда я смотрю на нее, ее щеки покраснели, и она избегает моего взгляда.

— Выкладывай, Милли. Что ты пытаешься сказать? Что он просто доставляет оргазмы?

Я говорю это игривым тоном, но чувствую, как во мне закипает раздражение.

— Именно, — фыркает она. — Иногда просто нужен кто-то рядом, чтобы, ну, знаешь...

Почему я мучаю себя этим разговором? Я не хочу это обсуждать. Но ничего не могу с собой поделать. Я хочу знать, хорош ли он, может ли он заставить ее выкрикивать его имя — потому что я уверен, что, черт возьми, делаю это лучше. Я до сих пор помню, как она вздыхала и стонала подо мной, и какой вкус был у каждого дюйма ее кожи.

И если я не перестану думать об этом, то буду щеголять со стояком в машине.

— И как он? — спрашиваю я ее, мысленно пиная себя за этот вопрос.

— Ноа! — восклицает она, громко смеясь и пытаясь скрыть свое смущение. Но я считаю это победой. По крайней мере, она смеется вместо того, чтобы смотреть на меня так, словно

хочет, чтобы я ушел и умер где-нибудь.

— Что? — Я заставляю себя рассмеяться. — Мы же друзья, верно? Мы можем обсудить дружеские вещи.

— Мы определенно не друзья.

— И это определенно не было ответом. — Я бросаю на нее взгляд, а она просто закатывает глаза.

— С ним все нормально, спасибо, что спросил. Мы можем двигаться дальше?

— Нормально? Нормально?! — я смеюсь. Внезапно я перестаю чувствовать себя таким раздраженным из-за сложившейся ситуации. — Малышка, жизнь слишком коротка, чтобы заниматься плохим сексом.

— Разве я сказала, что он плохой?

— Ты не сказала «хорошо», — возражаю я. — Тогда позволь мне внести поправки в предыдущее заявление. Жизнь слишком коротка, чтобы заниматься посредственным сексом.

— Ты у нас все знаешь, да? — спрашивает она, бросая на меня взгляд, который говорит о многих вещах.

— Что это значит? — Стараюсь, чтобы мой голос звучал непринужденно, и возвращаю игривое поведение.

— О, ты знаешь, что это значит, Ноа. Я даже не хочу знать, сколько у тебя партнеров было.

— Хорошо, во-первых, не выставляй меня бабником, Миллисент Буфорд. Во-вторых, — я делаю паузу и смотрю на нее, пока ее полные юмора глаза не находят мои, — кто-то, похоже, немного ревнует.

Ее щеки становятся ярко-красными, а глаза расширяются. Она смеется так громко, что это кажется слишком фальшиво.

— Я не могу ревновать, Ноа, — говорит она, разглаживая платье и ерзая на сиденье, когда мы въезжаем на парковку. — Когда уже все познал, нечему завидовать.

— Если мне не изменяет память, с твоей сладкой киски капало для меня, малышка. И я знаю, как отличить фальшивый оргазм от настоящего. — Я паркуюсь на первом попавшемся месте и поворачиваюсь, чтобы уделить ей все свое внимание. — И все твои были настоящими.

— Боже, ты меня бесишь! — Милли толкает меня и начинает собирать свои вещи. У нее с собой сумка, блокнот и отдельный маленький держатель для телефона. — Такой высокомерный, — бормочет она, прежде чем сесть и посмотреть на меня. — Я сожалею, что позволила тебе пойти со мной. Но теперь придется возвращаться домой на твоей дурацкой машине, давай просто покончим с этим.

Мой желудок сжимается. Иногда мой рот открывается, и слова вылетают прежде, чем я успеваю их остановить. Я не хотел показаться придурком. Я знаю, что для нее это явно щекотливая тема, и вместо того, чтобы не придавать этому значения, я швырнул это ей в лицо.

— Милли, подожди, — умоляю я, хватая ее за руку, прежде чем она сможет выскользнуть из машины. — Прости, хорошо? Да, я такой. Не знаю, что в тебе такого, что пробуждает во мне худшее, но дерьмо просто выскальзывает наружу. Иногда я просто хочу нажать на все твои маленькие кнопочки.

Я одариваю ее своей самой раскаивающейся улыбкой и щенячьими глазами.

Она вздыхает. Сдается.

— Ты просто такая милая, когда злишься.

Судя по тому, как ее лицо только что снова стало сердитым, это определенно неправильные слова. Опять.

Упс.

Она высвобождает руку и выскальзывает из автомобиля, оглядываясь только для того, чтобы сказать мне поторопиться. Мне приходится посидеть там минутку и подумать о чем-нибудь противном, так как я не могу принять холодный душ, чтобы мой член, черт возьми, успокоился.

Она стучит в мое окно и жестом просит меня выйти. Я просто улыбаюсь ей и выхожу. Стояк, который пытался выскочить, опущен... пока что. Надо просто не бесить ее до конца дня. Потому что в следующий раз, когда она разозлится, не думаю, что смогу удержаться.

Милли

Кувшин с «Сангрией» (*прим. пер.: среднеалкогольный напиток на основе вина*) в моем холодильнике зовет меня, как песня сирены после тяжелого дня. Я уже выпила пару «Трули» алкогольный напиток, когда вернулась домой, но решила, что мне нужно что-нибудь покрепче. Беру кувшин и наливаю в огромный пластиковый стаканчик, которые дают на вынос.

Я немного вешу, и уже навеселе от «Трули», наверное, с этого я точно напьюсь. Но я это заслужила. Сегодня пятница, и мне пришлось терпеть язвительные комментарии Ноа весь день. Честно говоря, я могу вытерпеть. Но когда он говорит вещи, которые вызывают очень неприятные воспоминания о том, что произошло между нами... это слишком сложно.

Ноа истощает меня, и даже при том, что он, кажется, сам нервничает каждый раз, когда грубит, мне от этого не становится лучше. Лично я не умею говорить неподобающие вещи, чтобы подколоть другого. Может, у меня и есть язык за зубами, но я не могу намеренно разбрасываться словами, как это делает он, не заботясь о том, что они каждый гребаный раз бьют по больному.

Ставлю «Сангрию» обратно в холодильник и беру телефон со стойки, набирая номер своего брата, и иду к парадному крыльцу. Энни лежит на ступеньках, наостряя уши, когда видит меня. Я несколько раз чешу ее за ухом, и она снова засыпает.

Волны сумасшедшие из-за штормового ветра. Облака собираются за океаном, создавая сердитое, но прекрасное зрелище. Я сажусь на качели на веранде, цепи стонут от ржавчины.

— Миллисент! — говорит брат в качестве приветствия.

— Теодор, — я улыбаюсь, — сегодня получила твою крайне раздражающую посылку.

— Хм? — Похоже, он искренне смущен. — Я ничего не посылал, Миллс.

— Ты не посылал Ноа на остров, чтобы помочь мне? — Я делаю несколько больших глотков напитка, надеясь, что сладкий алкоголь поможет избавиться от плохого настроения. Но он лишь разжигает маленький костер у меня в животе.

— Э-э, нет, Миллс. Но разве это не хорошо, что он там? Последний месяц ты бегала, как цыпленок с отрезанной головой, пытаюсь все организовать. И хоть я ценю это и люблю тебя до смерти, нам с Бет будет намного лучше, если тебе помогут.

— Намного лучше! — слышу, как Бет кричит на заднем плане.

— Но... — хнычу я, не успев остановить себя. У них и так достаточно дел. Мне не нужно добавлять проблем лишь потому, что я не могу ужиться с одним человеком.

— Что случилось, Милли? — голос Тедди приобретает другой оттенок, он внезапно переходит в режим старшего брата, готового защитить меня или улучшить настроение.

Я делаю глубокий вдох.

— Ничего. Я сегодня перепробовала слишком много тортов, — говорю я, стараясь, чтобы мой голос звучал радостно.

Я перечисляю различные виды тортов и те, которые мне понравились. Он записывает все, включая цены и различные варианты. Я рассказываю ему о флористе и посылаю фотографии примеров букетов, которые она придумала для нас.

Ставлю телефон на громкую связь и кладу его на колени, потягиваю «Сангрию»,

слушая, как они с Бет обсуждают варианты. Звук волн расслабляет. Грозовые тучи становятся все ближе, и ветер колышет пальмы вокруг дома.

Мне никогда не надоест жить здесь. Каждый раз, когда я сижу тут, чувствую связь со своей бабушкой. Помню, как сидела на этих самых качелях с ней и дедушкой, когда была маленькой, и смотрела, как океанские волны набегают на берег, а потом засыпала у них на коленях. Даже запах Атлантики для меня отличается от запаха Тихого океана.

Тедди снова разговаривает с Бет, и я записываю в телефон, какие варианты они выбрали, чтобы завтра позвонить и заказать все необходимое. Когда мы заканчиваем телефонный разговор, я начинаю ощущать действие алкоголя. Возможно, эта порция была слишком крепкой.

Поэтому, когда я вижу, как Ноа прогуливается по пляжу перед моим домом, я несколько раз моргаю, думая, что у меня галлюцинации. Или я заснула и попала в кошмарный сон. Но когда он просто продолжает приближаться, ветер развеивает его идеальные волосы, а его пресс напрягается при каждом шаге — потому что, конечно, он без рубашки, — я понимаю, что, к сожалению, не сплю.

А Энни? Она на седьмом небе от счастья. Он поднял камеру и сфотографировал ее, когда она бежала к нему, виляя хвостом и облизывая его руки, пока он смеется. После минутного молчания он следует за ней в направлении дома.

— Мне пора, Тедди, — говорю я, удерживая взгляд Ноа, когда он поднимается по нескольким ступенькам, ведущим к моему крыльцу.

— Еще раз спасибо за все, Миллс. И передай от меня привет Ноа, ладно? Позволь ему помочь тебе!

— Да-да, — говорю я, в то время как Ноа просто стоит там и самодовольно улыбается.

Я нажимаю кнопку завершения вызова на телефоне и аккуратно бросаю его на столик. Поджимаю босые ноги под зад и делаю еще несколько больших глотков жидкой храбрости. Он просто стоит там. Не сказал ни слова, так что мы просто застряли здесь в неловком, напряженном молчании.

Храп Энни — единственный шум между нами. Эта собака засыпает быстрее, чем человек с нарколепсией.

— Я пришел извиниться. И объявить перемирие, — наконец говорит он, нарушая тишину. — Можно? — спрашивает он, указывая на другую сторону качелей.

Я киваю и наблюдаю за ним, когда он подходит и осторожно садится на искореженное дерево, проверяя его прочность. Он кладет камеру на маленький стеклянный столик рядом с собой.

— Не волнуйся, — говорю я ему. — Дерево, может, изнашивается, а цепи старше меня, но пока ты остаешься на той стороне, мы будем спокойно сидеть.

Ноа поднимает взгляд на металлические цепи, которые жалобно скрипят под нашим весом.

— Ты беспокоишься о каких-то цепях? — Его глаза игриво скользят по моему телу. Он начинает придвигаться ближе ко мне, но я выставляю ногу и толкаю его обратно. Он хватается за нее и начинает массировать, смеясь. — Хорошо, Милли, хорошо. Я останусь на своей стороне.

Должна ли я отдернуть ногу назад? Да. Ослабил ли алкоголь мою реакцию на упомянутый массаж ног? Да. Развернула ли я также свою вторую ногу, чтобы он мог помассировать ее, как только закончит с этой? Тоже да.

Все дело в балансе.

— Ты говорил что-то об извинениях, — напоминаю я, откидывая голову назад и закрывая глаза. Мне сейчас слишком комфортно.

— Послушай, Милли, — говорит он, вздыхая, когда переходит к другой моей ноге. — Во-первых, я должен извиниться за прошлое лето. Я сказал что-то неуместное, когда сажал тебя в такси. И корил себя за это всю дорогу домой. И в последующие дни.

Я точно знаю, о чем он говорит. Это испортило мне настроение по дороге домой. И, если честно, на следующий день ничего не изменилось. Я позволила Ноа контролировать слишком много моих эмоций. Мне не нравится, что я считаю, будто должна нравиться всем.

Когда я смотрю на него, его взгляд устремлен на океан, и это дает мне время изучить его. Честно говоря, Ноа действительно выглядит раскаявшимся. И между нами много общего. До того, что случилось, мы были так же близки, как он с моим братом. Мы делились секретами и устраивали семейные ужины. Может быть, я была слишком строга к нему.

Или, может быть, это просто говорит алкоголь.

— И сегодня, — вздыхает Ноа. — Прости, Миллс. Не знаю, зачем говорю подобные вещи. — Он смотрит на меня, и мы выдерживаем взгляд друг друга. — Нечто в тебе пробуждает во мне худшее. Рядом с тобой у меня не существует фильтра, я говорю первое, что приходит на ум, просто потому, что могу.

— М-м-м, — говорю я, делая еще один большой глоток из стакана.

— И, — говорит он, придвигаясь ближе ко мне. Качели сдвигаются и снова скрипят, но я слишком пьяна, чтобы заставить его остаться на другой стороне, — я должен извиниться за то, что произошло между нами.

Мой желудок сжимается, цепь скрипит.

Много чего происходит одновременно. Цепь рвется с моей стороны, я падаю на крыльцо вместе с напитком. Пытаюсь удержаться, но, по-моему, делаю только хуже. Красная жидкость разбрызгивается по мне, по полу и по ярко-белой краске дома. А потом резко Ноа падает на меня сверху, выбивая каждый глоток воздуха из моих легких.

Энни немедленно набрасывается на нас, слизывая сладкий красный коктейль, который разлился по всему моему лицу.

Там же немного оставалось, откуда так много брызг?

Когда я отталкиваю Энни и поднимаю взгляд, встречаюсь с темно-кариими глазами Ноа. Там есть какое-то напряжение, которого я не чувствовала уже очень давно. Мои внутренности становятся липкими, а кожа покрывается мурашками. Его голова слегка наклоняется, и я чувствую, как его дыхание танцует на моих губах.

А потом Ноа смеется.

Ноа

Качели сломались.

Милли покрыта каким-то коктейлем, который она пила, так же, как дом и веранда. Собака сидит в нескольких футах от нас — просто смотрит, — в то время как я не могу перестать смеяться в лицо Милли.

Ее рыжие волосы стали еще темнее, а маленькая белая майка определенно испорчена. Она насквозь промокла, и да... м-м-м... мой член пытается дернуться, когда я замечаю, что на ней только бюстгалтер, и ее соски напрягаются от холодного напитка. Ее лицо приподнимается ровно настолько, давая понять, что она не дала бы мне пощечину, если бы я поцеловал ее.

Но она пила, и, судя по всему, навеселе, если не пьяна. Поэтому я смеюсь и скатываюсь с нее, пытаюсь глотнуть воздуха, чтобы прояснить мысли, пока Милли садится прямо и ругается. У меня было искушение, действительно чертовски сильное искушение поцеловать ее. Я до сих пор помню, какая она на вкус, и какие мягкие у нее губы. И мой член определенно хочет вернуться к ним.

— Черт, — говорит она, нежно касаясь своего лба. На ее пальцах остался след от крови. Я мгновенно протрезвел.

— Черт, Милли. Твоя голова.

Гремит гром, и Энни, скуля, бежит к двери. Я встаю и хватаю Милли, неся ее, как маленького ребенка, пока она слабо протестует. Травмы головы всегда ужасно кровоточат, но из-за алкоголя в ее организме кровь стекает по лицу быстрее, чем мне бы хотелось.

Я открываю дверь, и Энни вбегает внутрь, запрыгивает на диван и поджигает хвост.

— Она боится грозы, — тихо говорит мне Милли.

Я посадил ее на столешницу рядом с раковиной. Убирая ее волосы с лица, тщательнее осматриваю порез. Рана не выглядит слишком глубокой, но несколько дней она определенно будет чертовски болеть.

— Где есть старые тряпки? Те, которые можно испачкать и выбросить?

— Шкаф в прихожей рядом с ванной. Есть несколько старых простыней, которые я порезала на тряпки. Вторая полка внизу.

— Просто посиди здесь, хорошо? — я приказываю ей.

Она закатывает свои великолепные голубые глаза.

— Я не собака, Ноа.

Я смотрю на нее, приподнимая бровь и ожидая ответа.

— Да, сэр, капитан Ноа, сэр! — она шутливо отдает мне честь, и я не могу удержаться от смеха, когда выбегаю в коридор. Это небольшой уютный коттедж, а стены выкрашены в яркие цвета пляжа. Они даже пахнут ей, и мне приходится напоминать себе, что в данный момент Милли истекает кровью на кухне.

Я нахожу тряпки — на ткани изображены старые диснеевские персонажи — и возвращаюсь, видя, что Милли сидит на том же месте. Она подпрыгивает, когда еще один громкий раскат грома сотрясает дом.

— Без парня сегодня вечером? — спрашиваю я, чтобы отвлечь ее, пока смачиваю одну

из тряпок теплой водой. Ну, и, может быть, еще потому, что я любопытный сукин сын.

Она снова закатывает глаза.

— Он не мой парень, Ноа. И нет, на самом деле, я не разговаривала с ним несколько дней.

— М-м, — мычу я себе под нос. Расположившись между ее бедер, начинаю осторожно вытирать сангрию с ее лица. Смачиваю ткань, отжимая ее, прежде чем аккуратно прижать к порезу над ее виском. Милли вздрагивает, отчего ее ноги сжимают мои бедра.

— Прости, — бормочу я, кладя другую руку ей на бедро. Я вывожу большим пальцем маленькие круги по ее теплой коже, и мне нравится, как она покрывается мурашками. Милли прислоняется к теплой ткани и закрывает глаза, пока я придерживаю ее на ране.

Боже, она прекрасна. На ней немного макияжа, который подчеркивает ее длинные ресницы и загорелую кожу. Но веснушки все еще видно, они создают целую кучу созвездий на ее носу, щеках и лбу.

То, что она мутит с каким-то парнем, немного нарушило мои летние планы. Я хотел, чтобы она принадлежала только мне. Не уверен, какими на самом деле были мои планы, когда ехал сюда. Неужели я просто хотел загладить свою вину? Стать ее другом? Трахнуть ее? Встречаться с ней?

Я мысленно пинаю себя под зад. Милли все еще младшая сестра моего лучшего друга. Это знание держало меня подальше от нее в детстве, и оно заставило меня сбежать после той ночи. Тот факт, что мы выросли, не дает мне права делать это снова... верно?

Я оцениваю ее тело и придвигаюсь немного ближе, позволяя своей руке скользнуть вверх по ее бедру. Когда она не отталкивает меня, я чувствую себя смелее, чтобы продвинуться еще немного выше.

— Он удовлетворяет тебя? — спрашиваю я Милли, ухмыляясь, когда она открывает глаза, и ее лицо приобретает приятный оттенок розового. Я споласкиваю тряпку, а затем промокаю рану еще немного.

— Я не совсем понимаю, что ты имеешь в виду. — Она прочищает горло и отодвигается подальше на тумбе. Но я не позволяю ей разрушить атмосферу между нами. Обнимаю ее и притягиваю обратно. Я не должен ничего предпринимать по отношению к ней, но мне нравится мучить себя ее ароматом и жаром ее тела, прижатого к моему.

— Ты знаешь, что я имею в виду, Милли, — говорю я с улыбкой. Рискуя показаться эгоцентричным мудаком, я знаю, что у меня появляются ямочки на щеках, когда я так улыбаюсь. И знаю, что большинство девушек обожают это. Поэтому, когда Милли закатывает глаза, напряжение немного спадает. И я немного шокирован, что она просто не превратилась в лужу у моих ног.

Бросаю грязную тряпку в раковину и прижимаю сухую чистую ткань к порезу на ее лбу. Я так близко, что ее дыхание щекочет мое лицо, и жар между ее ног передается мне. Ее тело откликается, и она глубоко вдыхает мой запах.

— С ним ты так себя чувствуешь, Милли?

Я не должен был говорить с ней об этом. Я пользуюсь преимуществом, и очень хорошо это осознаю. Она пила, а я знаю, насколько быстро пьянеет. Милли становится более ласковой, более цепкой и чертовски более прямолинейной, чем обычно.

— А что? — спрашивает она, ее глаза прищуриваются. — Думаешь, что ты лучше?

Свободной рукой я обхватываю другую сторону ее лица и наслаждаюсь тем, как ее глаза закрываются всего на минуту от моего прикосновения. Оглядываю ее, не торопясь, чтобы

насладиться тем, как ее соски набухли под прохладным воздухом и мокрой майкой. Джинсовые шорты задрались и оставляют небольшие вмятины на ее бедрах.

У меня слюнки текут при мысли о том, чтобы взять в рот эти упругие соски. Если я правильно помню, она любит, когда их кусают. И мои зубы умирают от желания вонзиться в эти пухлые бедра, оставив свой след, чтобы она помнила меня утром. Мой член наполовину тверд от одной мысли об этом.

— Я думаю, ты знаешь, что я могу лучше, Милли. — Я перемещаю руку к ее волосам, мягкие пряди падают на мои пальцы, когда медленно спускаюсь к ее шее. Ее пульс бешено бьется под моей ладонью, пока большим пальцем поглаживаю ее подбородок.

Когда наши глаза встречаются, я вижу, что она близка к тому, чтобы сдаться.

Боже, я хочу, чтобы она сдалась. Хочу удовлетворить ее. Когда Милли рассказала мне о парне, ревность, вспыхнувшая в моей груди, была нереальной и всепоглощающей. Я облажался годы назад, но могу наверстать упущенное сейчас. Я мог бы стереть ту ночь из ее памяти.

Дождь теперь льет сильнее, шум доносится из-за сетчатой двери, когда вокруг нас гремят раскаты грома и сверкают молнии. Ее взгляд опускается на мой рот, она облизывает нижнюю губу.

Она думает об этом.

Черт, ее губы выглядят такими заманчивыми.

— Погода довольно плохая, — почти шепчет она. Ее глаза снова скользят по моему лицу. — Ты не сможешь вернуться в свой отель. Это небезопасно.

— Определенно небезопасно, — соглашаюсь я. Все мое тело горит для нее.

— Может быть, — начинает она, протягивая руку, чтобы снять ткань с лица и отбросить ее в сторону. Большая часть кровотечения остановилась. — Может быть, тебе стоит остаться на ночь. Знаешь, просто для твоей безопасности.

Милли начинает руками нежно исследовать мое тело, начиная с бедер и пробегая вверх по груди, останавливаются на моей шее, она придвигается ближе. Ее киска идеально прилегает к моему теперь уже очень твердому члену, и я не могу удержаться, чтобы не прижаться к ней. Я помню, каково это — погружаться в нее, как будто это было только вчера, ее тело идеально обволакивало мое собственное.

Я наклоняюсь, мои губы едва касаются ее, но в последнюю секунду я целую ее в лоб, где она ударилась. Я задерживаюсь там, глядя мимо нее на шкафы и вдыхая сладкий аромат ее волос. Я хочу поднять ее и бросить на кровать, трахать до тех пор, пока она не сможет стоять.

Но когда отстраняюсь и смотрю на нее, из пореза снова стекает кровь по виску, а ее глаза остекленели не только от возбуждения. Она пьяна, и я не думаю, что у меня хватит духу вот так воспользоваться ею.

— Милли, — я делаю несколько глубоких вдохов, пытаюсь успокоить свое бушующее либидо, — мы не можем этого сделать.

Взяв чистую ткань и прижав ее обратно к порезу, я отстраняюсь от ее тела. Мне нужно время, чтобы остыть. И холодный душ или немного уединения, чтобы привести себя в порядок.

— Останься здесь на ночь, — говорит она, глядя на меня снизу вверх своими невинными голубыми глазами.

— Милли, — говорю я с предупреждающей ноткой в голосе.

— Заткнись, Ноа, — стонет она. — Посмотри на погоду. Ты не можешь вернуться в свой отель. Я постелю тебе на диване.

Она спрыгивает со стойки, отталкивая меня и грязную тряпку в сторону, и внезапно спотыкается. Я ловлю ее и смеюсь.

— Ты выпила много алкоголя и ударилась головой, думаю, я сам постелю.

— Постельное белье в том же шкафу, — говорит она, указывая на коридор. — Я хочу принять душ.

Ее настроение определенно испортилось. Игривой Милли больше нет. И Милли с поднятыми стенами вернулась в полной мере.

Я вздыхаю, когда она уходит в ванную. Воспользовавшись моментом, облокачиваюсь на стойку и пытаюсь собраться с мыслями. Энни высовывает голову из-за спинки дивана и смотрит в мою сторону.

— Составишь мне компанию? — спрашиваю я ее, когда она наклоняет голову набок. Мгновение спустя она спрыгивает с дивана и несется в спальню. — Окей, я сам по себе.

Я тихо смеюсь про себя и бросаю все окровавленные тряпки в раковину, прежде чем пойти взять постельное белье из шкафа. Если я смогу держать свои руки при себе всю ночь, я заслужу гребаную награду.

Милли

Громкий раскат грома сотрясает маленький коттедж и будит меня. Я переворачиваюсь на другой бок и проверяю время — четыре часа утра. Стону от стука в голове и встаю с кровати, чтобы пописать.

Энни крепко спит в своей лежанке и едва обращает на меня внимание, когда я прохожу мимо. После ванной я на цыпочках выхожу на кухню, пытаюсь бесшумно достать немного воды и аспирина. Ноа храпит на диване, и я не могу не посмотреть на него.

Его большое тело раскинулось, татуированная нога свисает с дивана, одна рука над головой, а одеяло свисает низко под животом. Когда вспыхивает молния, я отвлекаюсь на твердый пресс, который она освещает, а затем бегу прямо в свой кофейный бар, звеня кружками и пакетами с кофе.

— Миллс? — спрашивает Ноа, вздрогнув, когда садится. Его волосы растрепаны до гребаного совершенства, а голос все еще хриплый после сна. Господи боже. — Ты в порядке?

— Да, извини, — шепчу я, хватаясь за бедро, на котором определенно будет синяк. — Я пыталась вести себя тихо и выпить обезболивающее. — Пытаюсь небрежно рассмеяться, но у меня не получается.

— Хорошо, — говорит он, сбрасывая одеяло и вставая. — Давай я найду. Уверен, что ты чувствуешь себя дерьмово.

Когда он обходит диван, я вижу, что он полностью разделся до своих очень узких боксеров. И, похоже, чувствует себя как дома...

— Смотри вверх, злючка, — шутит он, проходя мимо, его мужской запах вторгается в мое пространство.

Я ошеломленно замолкаю. Раньше я могла винить алкоголь в том, что он заставлял меня чувствовать. Но сейчас? Тут нечего винить, кроме того, что, может быть, я все еще наполовину сплю. Черт, я не знаю. Мой мозг борется с телом в жестоком перетягивании каната. И тело, кажется, побеждает.

Я могла бы сделать это снова, верно? Теперь я взрослая. Я знаю, как отделить чувства от секса. И он был прав, когда сказал, что может удовлетворить мои потребности лучше, чем Брэндон. Если он мог сделать это девять лет назад, будучи молодым и относительно неопытным, то сейчас определенно прокачал свои навыки.

Влюбленность в человека более половины жизни, как правило, портит эмоции. Трудно избавиться от притяжения. Даже если он был ослом все эти годы, сейчас он здесь. Ноа появился, извинился, и он, черт возьми, прямо передо мной, а моего брата нигде нет. Мы могли бы провести все лето вместе.

Любуясь тем, как изгибается и двигается его пресс, когда он бродит по кухне, я внезапно испытываю сильную, очень сильную жажду. И я хочу не пить.

— Ноа, — мой голос срывается, когда я произношу его имя. Звучит отчаянно, но, на самом деле, в данный момент меня это не слишком волнует.

— Да? — Он наливает стакан воды и идет навстречу, передавая его мне. — Что еще тебе предложить? Ты плохо себя чувствуешь?

Снова вспыхивает молния, освещая его лицо. Он смотрит на меня серьезно, как будто

готов сделать все, что угодно.

После его извинений ранее я чувствую себя немного слабой в плане решимости.

Он протягивает руку, проводит по моим волосам и подходит ближе. Я делаю глоток воды, а затем ставлю стакан на стойку рядом с собой. Дождь хлещет по окнам, и гром раскатывается по дому. Каждый раз, когда ударяет молния, она освещает его тело, и меня охватывает возбуждение, которое не хочет отходить на второй план.

— Ты извинился.

Его брови сходятся вместе.

— Да, извинился.

— Спасибо тебе за это.

— Не за что, Милли. Я не должен был... — Он изо всех сил пытается выговорить эти слова, но вместо этого просто притягивает меня в объятия, прижимая к своей груди, целует в макушку и вдыхает мой запах. — Мне так жаль, милая. Я был придурком. Я обращался с тобой хуже всех. И я никогда больше так не сделаю. Я знаю, что причинил тебе боль, но хочу загладить свою вину. Я хочу, чтобы мы снова стали друзьями.

— Это было частью твоего плана, когда ты приехал сюда? — спрашиваю я его. — Вернуть мою благосклонность?

Он смеется.

— Я планировал просить у тебя прощения все лето. Я собирался целовать задницу так сильно, как только могу. Но появился и сразу же разозлил тебя.

Я притворяюсь уверенной, рукам блуждаю от его спины к бедрам, а затем между нами к его прессу, потом мягко отстраняюсь, чтобы посмотреть на него. Я запускаю пальцы в пояс его боксеров и прижимаю его бедра вплотную к своим. Он все еще наполовину тверд, его член пульсирует напротив.

— Знаешь, есть более веселый способ извиниться. — Мой голос выдает нервозность и немного дрожит, когда я пытаюсь звучать сексуально. Я благодарю богов за покров тьмы. Без этого, у меня хватило бы смелости произнести эти слова.

Его хватка на моих волосах усиливается, оттягивая мою голову назад и обнажая шею.

— Правда? — спрашивает он, его глаза сверлят мои. Одна из его рук перемещается к моему горлу, в то время как его большой палец проводит по моей челюсти. — Что бы это могло быть?

— Возможно, вместо разговоров ты мог бы использовать свой рот для чего-то более... интересного?

Он ухмыляется, эта приводящая в бешенство ямочка появляется на лице, он наклоняется.

— Вот так? — спрашивает Ноа низким голосом, когда его дыхание опалает мое лицо, а губы касаются щеки. — Или так? — Его рот перемещается чуть ниже моего уха, медленно целуя точку на пульсе. — Или так? — Он снова двигается, захватывая зубами мягкую кожу моего горла. Я ахаю от небольшой боли, и он лижет то же самое место, которого только что касались его зубы.

Моя спина выгибается, пальцы впиваются в его бедра, притягивая ближе, поскольку я надеюсь получить немного трения там, где мне это нужно. Мой клитор пульсирует, и мне нужны его руки и рот, чтобы двигаться быстрее. Я хочу, чтобы он прикасался ко всем местам, в которых я нуждаюсь больше всего. Но Ноа не торопится, позволяя мне все прочувствовать.

Я обнимаю его за шею, и он, наконец, понимает намек, опускает руки к моей заднице и поднимает меня. Мои ноги обхватывают его талию, а мое лицо нависает над ним.

Между нами нет ни звука, кроме дыхания и дождя, барабнящего в окна. Мы задерживаемся на мгновение, глядя друг другу в глаза, позволяя напряжению нарастать, пока оно не становится осязаемым.

— Милли, — бормочет он, его губы едва касаются моих, — ты младшая сестра моего лучшего друга. Я не знаю, стоит ли нам это делать...

— Только на лето, — говорю я ему, практически задыхаясь. Он мне так сильно нужен. Я просто хочу, чтобы он заткнулся и делал то, что я хочу, будь проклят мой брат. — Никаких эмоций. Никаких чувств. Просто секс.

Я наклоняюсь вперед и целую его, беря инициативу в свои руки и проводя кончиком языка по складке его губ. Как будто это все, что ему было нужно. Его рот приоткрывается, и он стонет, поднимает меня своими сильными, мускулистыми руками. Зайдя в спальню, Ноа ставит меня на пол и стягивает мою слишком большую футболку через голову, оставляя меня полностью обнаженной для него.

Я залезаю на кровать и ползу на четвереньках, давая ему хороший обзор на свою задницу, а затем ложусь на середину кровати.

— Черт, Миллс, — стонет он, опускаясь на колени между моих бедер. — Ты чертовски идеальна.

Ноа поднимает мою ногу и начинает целовать лодыжку, икру, колено и бедро. Он пропускает то место, где я хочу его видеть, и поднимается вверх. Я прибавила в весе с тех пор, как видела его в последний раз, и я бы солгала, если бы сказала, что это не было у меня на уме, когда его язык чертил круги по моему животу.

— Я уже не тот мужчина, которым был все эти годы, Милли, — шепчет он, приподнимаясь и нависая надо мной. — Сейчас мне нравится пожестче. Как думаешь, ты сможешь с этим справиться? — Его горячее дыхание касается моего уха, когда он наклоняется. — Насколько ты мокрая?

С каждым словом его пальцы начинают опускаться все ниже, один из них едва касается клитора, пробегая по моей щели и собирая там влагу. Электрические разряды пульсируют по телу и доходят прямо до клитора. Я промокла насквозь. И я хочу, чтобы он прикоснулся ко мне. Двигаю бедрами, умоляя его продолжить толкаться в меня.

Вместо этого Ноа дразнит меня. И я смотрю, как он подносит этот палец к губам и засовывает его в рот, пробуя меня на вкус. Он закрывает глаза и стонет. Мой клитор пульсирует, когда я пытаюсь потереться бедрами друг о друга, чтобы получить хоть какое-то трение. Он сводит меня с ума. Я хочу чувствовать его вес на себе, чувствовать его рот на моей груди и его член внутри себя.

— Ноа, — жалуясь я.

— Такая же, какой я помню. Ты сладка на вкус, как солнечный свет.

Я обхватываю его руками и притягиваю к себе, ловя его рот своим, когда наши бедра соприкасаются. На нем все еще боксеры, и я пытаюсь сбросить их ногами, но Ноа отстраняется, не позволяя мне взять все в свои руки.

— Есть одна вещь, которую я хочу, чтобы ты сделала, прежде чем мы начнем, Милли. — У него серьезное выражение лица, и его тон подразумевает, что это важно. Я делаю вдох и концентрируюсь на его лице. Он смотрит мимо меня, а затем протягивает руку и хватается мой телефон с тумбочки.

— Мой телефон? Позвонить кому-то? — спрашиваю я его, поддразнивая, потому что не понимаю, к чему все это.

— Нет, Милли. — Он улыбается, и эта ямочка снова появляется. — Если мы собираемся сделать это — быть вместе этим летом, — ты не будешь ни с кем другим. Ты моя. — Ноа целует меня. — И я твой. — Снова целует. — Так что напиши своему мудаку и скажи, что все кончено. Потому что я отказываюсь делиться.

Милли

Это маленькое высказывание творит самые разные вещи с моими мозгом и вагиной.

Также с моим сердцем, но я не обращаю на это внимания.

Я открываю свой телефон и нахожу переписку с Брэндон. Это действительно дерьмово — расставаться с кем-то по смс, но он не мой парень. Мы договорились вести себя непринужденно. Ни один из нас не хочет ничего серьезного, просто случайный секс, когда кому-то из нас это нужно.

— Привет, Брэндон, — читаю я вслух, печатая. — Я тут подумала, у меня много дел этим летом. — Ноа целует мою руку, а затем боковую часть груди, прежде чем взять сосок в рот. Я задыхаюсь, но продолжаю: — Я думаю, будет лучше, если мы все прекратим. Извини, что делаю это по смс, — добавляю я в конце, когда зубы Ноа касаются чувствительного соска. — Но мне нужно разобраться в себе. Я желаю тебе только самого лучшего.

— Отправь, — рычит Ноа, прижимаясь бедрами к моему центру. Мой клитор вспыхивает от гребаной радости, наконец-то получив желанное внимание. Я нажимаю «Отправить» на телефоне и бросаю его на пол, беру лицо Ноа в свои руки и поднимаю его для поцелуя.

Наши языки танцуют вместе, и он, наконец, позволяет мне спустить его боксеры, освобождая член.

Напряжение растет в моем животе, когда он снимает их до конца. Меня сводит с ума от вожделения, от осознания, что я могу сделать это с ним. Я — причина этого огромного стояка.

— Господи, — выдыхаю я, когда Ноа садится обратно на колени, и мои зрачки расширяются. — Я не помню, чтобы он был таким большим.

Я не уверена, что он подходит для меня. Конечно, его член подходил раньше... но он выглядит намного больше. Могут ли члены увеличиваться?

Я не могу решить, повезло ли моей киске, или она должна бояться...

Его смех вырывает меня из хаотичных мыслей, возвращая обратно.

— У тебя все написано на лице. — Мягкие ладони его рук пробегают по моим бедрам и ложатся на колени.

— Он увеличился? Бл*дь. Он огромный, Ноа.

— Он того же размера, что и раньше. Он не увеличился. И тебе понравится, принцесса, — уверяет он меня, ухмыляясь мне сверху вниз. — Я не причиню тебе вреда.

Ноа подталкивает мои колени почти к груди, широко раскрывая мои бедра. Он устраивается между моих ног и мягко вдует прохладный воздух между моими складками. Я шиплю сквозь зубы и сжимаю в кулаке его волосы, пытаюсь прижать его еще ниже.

— Посмотри, какая у тебя хорошенькая маленькая киска, Милли. — Он так близко ко мне, что я чувствую жар его дыхания на своем клиторе. Он пульсирует в ответ. — Такая розовая и тугая.

Кончик его пальца обводит мой клитор, а затем весь путь вниз и обратно вверх, дразня края моего входа.

Я задыхаюсь, постанываю, когда мои бедра двигаются, чтобы найти его пальцы.

— Ноа, пожалуйста, — умоляю я.

— Похотливая девочка, — воркует Ноа. — Ты хочешь, чтобы я поиграл языком с твоим клитором? — спрашивает он, пока кончик его языка дразнит мой набухший клитор. — Или тебе нужен палец внутри? — Один из его пальцев легко скользит внутри меня, и мои бедра прижимаются к нему для большего трения.

— И то, и то, — я стону, пытаюсь вернуть его рот туда, куда я хочу.

— Скажи «пожалуйста». — Ноа целует мои нижние губы и вводит палец глубоко, поглаживая чувствительное местечко. — Умоляй, моя маленькая шлюшка.

— О, боже мой. — Его слова вызывают новую волну вожделения. Со мной никогда так не разговаривали во время секса, но, черт возьми, это возбуждает.

— Милли. — Ноа опускает руку на мой клитор, шлепая по нему и заставляя вскрикнуть. Это смесь острой боли и тупого удовольствия, которая превращает мой визг в стон. — Я сказал тебе умолять. Не заставляй повторять.

— Пожалуйста, Ноа, — умоляю я. — Пожалуйста, прикоснись своим ртом к моему клитору. Растяни меня и наполни своими пальцами. Пожалуйста, заставь меня кончить.

— Хорошая девочка, — мурлычет он, и его рот накрывает меня. Он добавляет еще один палец и двигает ими внутри. Сосет и тербит мой клитор, жар нарастает.

— Да, да, да, — повторяю я, пока он подводит меня все ближе и ближе к краю. — Ноа, прямо здесь. Да.

Он мычит, сохраняя тот же ритм, то же давление, и вибрация сводит меня с ума. Я кончаю с его именем на губах, а мои бедра крепко сжимаются вокруг его головы.

Ноа высвобождает пальцы и лижет меня кончиком языка, пока я не начинаю извиваться от этого ощущения. Я слишком чувствительна, и его поддразнивания сведут меня с ума.

— Я хочу поглотить каждый твой дюйм, — говорит он, поднимаясь вверх по моему телу, пока его член не оказывается на одном уровне с моей вагиной. Ноа целует меня, и я ощущаю свой вкус на его губах. — В следующий раз я посмотрю, как ты заглатываешь мой член, погружаясь на каждый дюйм в твое маленькое тугое горлышко. Но сейчас мне нужно быть внутри тебя.

Все в моем сознании резко останавливается, когда я понимаю, что мы не подумали о защите. Я принимаю таблетки и знаю, что чиста, но как насчет Ноа? Он трахает все, что движется. Я кладу руки ему на плечи и отталкиваю назад.

— Защита, — выдыхаю я, все еще задыхаясь от оргазма, который он подарил мне всего минуту назад.

— Черт, — ругается он. — Я увлекся и не подумал. У тебя есть презервативы? Я точно не думал, что мы будем трахаться. — Он смеется. — Так что пришел совершенно неподготовленным.

— Да. — Я улыбаюсь ему и быстро целую в губы в последний раз, прежде чем перевернуться и отползти на край кровати. Я выдвигаю ящик и роюсь в нем, пока не вижу маленький пакетик из фольги. — В следующий раз, — говорю я ему, открывая его, — я покажу тебе, как умею надевать его без рук.

Я ухмыляюсь ему, натягивая презерватив на его член. Он твердый и дергается в моей руке.

— Не могу дождаться. — Он подмигивает. — Я сейчас трахну тебя, Милли, — говорит Ноа мне, его член прижимается к моему входу. — Я трахну тебя жестко и быстро. Пока ты не начнешь выкрикивать мое имя и брызгать на мой толстый член.

— Черт, Ноа, — стону я. Его грязные разговоры превосходят все, что я когда-либо испытывала. Я хочу этого. — Да, пожалуйста.

Он проскальзывает на дюйм, и хотя я уже знала, что будет туго, думала, что, может быть, на этот раз будет немного легче. Я старше, опытнее. Но Ноа просто такой большой, и этот опасный взгляд в его глазах говорит мне, что мягкий романтик похоронен глубоко внутри.

Я сжимаюсь вокруг его головки в предвкушении.

— Ну, чего ты ждешь? — спрашиваю его. — Трахни меня, Ноа.

Он ухмыляется, а затем врывается в меня одним быстрым толчком, растягивая мои внутренние стенки до абсолютного предела. Это больно, но в хорошем смысле этого слова. Я чувствую каждый твердый дюйм внутри себя, он касается стольких мест, к которым так давно не прикасались. Он стонет и прижимается лбом к моему плечу, позволяя мне приспособиться.

— Бл*дь. Как. Туго, — он выдавливает слова, как будто ему трудно сдерживаться.

— Не сдерживайся, — соблазнительно говорю я, прикусывая зубами раковину его уха. Я улыбаюсь, когда Ноа стонет и дергается внутри меня.

— Держись за меня, злючка. — Он медленно выходит из меня, а затем толкается обратно с такой силой, что все мое тело приподнимается на кровати.

Я задыхаюсь, но он двигается снова и снова. Каждый толчок внутри меня разжигает пламя, посылая мурашки по спине. Мои ногти впиваются в его плечи, а его пальцы в мягкую плоть моей задницы, Ноа входит в меня с безрассудной самоотверженностью.

— Ноа, — хнычу я, чувствуя, как нарастает оргазм.

— Да, детка? — спрашивает он, встречаясь со мной взглядом. — Тебе нравится? Скажи мне. Скажи мне, как сильно тебе нравится чувствовать мой толстый член внутри себя.

— Черт, Ноа, мне это нравится. Офигенное чувство.

— Правда, Милли. Теперь эта киска моя. Все лето. — Его толчки набирают скорость, когда он начинает врезаться в меня еще сильнее. Я так близка к тому, чтобы кончить, если он будет так продолжать... этот... ритм...

— Да, — стону я снова и снова, чувствуя, как мои пальцы на ногах сжимаются, а киска начинает сокращаться. Он шлепает меня, я хватаю ртом воздух.

— Да, красавица. Выдои из меня все до последней капли.

Его толчки становятся более хаотичными, поскольку он ищет своего собственного освобождения. Я как тряпичная кукла, едва держусь, когда Ноа входит в меня снова и снова. Его рот опускается к моей шее, покусывает и посасывает точку пульса, заставляя меня снова застонать.

— Кончай, Ноа, — умоляю я его. — Я хочу это видеть.

Я хватаю его за лицо и заставляю смотреть мне в глаза, пока его охватывает оргазм. Его темно-карие глаза на секунду закатываются, прежде чем вернуться ко мне. Его бедра замедляются, а затем полностью замирают.

Я целую его, пока он переводит дыхание, его член все еще подергивается внутри меня. Мне больно, но, боже, как приятно чувствовать боль от секса. Когда Ноа, наконец, оправляется от своего кайфа, то выскальзывает из меня и откидывается в сторону. Притягивая меня обратно к себе, он целует мою шею и гладит волосы.

— Я могу уйти попозже, — бормочет он напротив моей разгоряченной кожи. — Но я просто хочу обнять тебя. — Рой бабочек порхает у меня в животе. Черт, я надеюсь, что это

не ошибка...

— Меня все устраивает, Ноа Хардинг. Меня это вполне устраивает.

Ноа

Прошла почти неделя с тех пор, как я в последний раз видел Милли или по-настоящему разговаривал с ней, потому что ходил на свадьбу своих знакомых.

Я как раз возвращаюсь в свой отель после нескольких дней на Миртл-Бич. Я писал ей смс, пытаюсь удержать ее рядом. Но эта маленькая соплячка избегает меня. Она либо занята работой, либо тусуется с друзьями.

Якобы, у нее нет дел по организации свадьбы, но я считаю это чушью собачьей.

Особенно, когда получил сообщение от Тедди, спрашивающего меня, помогаю ли я ей со встречами сегодня вечером.

Я: Да, но я не могу вспомнить время. Только что вернулся с Миртл-Бич. Напомни время, чтобы не испытывать гнев твоей сестры?

— Мистер Хардинг!

Я поворачиваюсь и смотрю на стойку регистрации, где мужчина в костюме и галстуке зовет меня по имени.

— Да? — спрашиваю я, пробираясь к нему.

— Сэр, — начинает он, вытирая потный лоб носовым платком, — у нас произошла путаница. Очень серьезная путаница. — Он смотрит на парнишку, стоящего рядом с ним.

— Что не так? — спрашиваю я их, искренне недоумевая, что сделал этот парень, и как это касается меня.

— Мы перебронировали весь отель. Похоже, что это была системная ошибка, а не человеческая, но это еще предстоит выяснить. В общем, сэр, мы дважды забронировали номер, в котором вы остановились. И пока вас не было, похоже, мы поселили в этой комнате еще одного человека.

— Черт. — Это вырывается прежде, чем я даже осознаю. Я не знаю, где еще могу остановиться. Когда я смотрел, на острове больше не было свободных мест, и я отказываюсь ехать дальше от Милли.

— Черт, действительно, — почти рычит он, оглядываясь на съездившегося парня рядом с ним.

Я собираюсь протестовать, потому что должен быть способ, которым мы можем это уладить, чтобы мне не пришлось искать другое место для ночлега, но тут звонит мой телефон.

Тедди: Лол, чувак, 18:00. В ее доме. Помни, что это декоратор и компания по прокату всех столов, стульев и прочего дерьма, которые нам понадобятся. У нее будет полно дел.

Я быстро отправляю ему сообщение, в котором пишу, что буду там. Но ему не надо знать, что я планирую там и остаться. Милли не сможет отгородиться от меня, если я буду с ней под одной крышей.

— Все хорошо, чувак, — говорю я, улыбаясь своему телефону и благодаря Тедди за информацию. — Я могу остановиться в другом месте. Спасибо!

— Конечно! Еще раз, мне очень жаль.

Я не могу дождаться, чтобы увидеть взгляд Милли, когда появлюсь у нее дома с сумками в руках, намереваясь остаться с ней до конца лета. Она не сможет избегать меня, если я буду находиться совсем рядом.

Дом Милли находится чуть дальше по дороге, так что через несколько минут я въезжаю на ее подъездную дорожку. Выношу все свое барахло на крыльцо и нахожу Энни, сидящую на ступеньках. Когда она видит меня, ее уши сразу же наостряются, и она подбегает, чтобы поприветствовать меня.

— Энни? — Я слышу, как Милли зовет изнутри. — Куда ты убежала?

Когда она открывает дверь и видит, что я стою там со своим чемоданом и спортивной сумкой, ее лицо бледнеет.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает она немного обеспокоенным тоном. — Со всем этим... барахлом. — Она указывает на меня.

Я несу все свои вещи вверх по лестнице и ставлю все на пол, пока Энни исполняет свою роль дружелюбной сторожевой собаки на ступеньках. Я подхожу прямо к Милли и вдыхаю ее аромат, пока мои пальцы пробегают по ее волнистым волосам. Боже, я скучал по ее запаху.

— Ну, кое-кто избегал меня. И когда Тедди написал мне и сказал, что у тебя сегодня вечером встреча по поводу свадебных дел, я подумал, что должен подойти к тебе и назвать соплячкой, — я ухмыляюсь, глядя на ее суровое выражение лица. В этих бурно-голубых глазах видно множество эмоций, и мне интересно, на какой из них она остановится.

— Ты не можешь просто так появиться здесь без всякого предупреждения, Ноа.

Ах, гнев.

— Слишком поздно, злючка. — Я целую ее в лоб и беру свои сумки. — Я также собираюсь провести остаток лета на твоём диване, если ты не против, — бросаю я через плечо, толкая дверь и бросая свои вещи в гостиной.

— Прости? — недоумевает она, врываясь следом за мной.

Черт, ее нахальное отношение действительно заводит меня.

— О, ты хочешь, чтобы я спал с тобой? Я был бы счастлив, малышка.

Я начинаю относить свои вещи в ее комнату, но она догоняет, встает передо мной и останавливается. Ее дыхание затруднено, а лицо покраснелось от раздражения.

— Ты не останешься со мной до конца лета.

— Милли, — я наполовину вздыхаю, наполовину стону. Такая упрямая. — В отеле произошла системная ошибка. Все заведение переполнено. Случайно поселили кого-то в мой номер. Мне больше некуда идти.

— На материке много отелей.

— Это слишком далеко от тебя.

— Нормально. На самом деле, твое возвращение в Калифорнию — вот идеальное расстояние.

— Милли, — я снова бросаю все на пол и тянусь руками к ее лицу, большими пальцами пробегая по гладкой коже ее скул, — что происходит? Почему ты так реагируешь?

Она закатывает глаза и пытается освободиться от меня, но я ей не позволяю. Мы обсудим это, хочет она того или нет. Потому что я хочу повторить произошедшее на

прошлой неделе.

И, да, я также не хочу, чтобы она беспокоилась из-за этого. Не хочу, чтобы она сожалела о всем, что мы делаем.

— Ноа, — говорит она предупреждающим тоном.

— Милли, — говорю я, передразнивая.

Она вздыхает.

— Честно говоря, я немного боялась снова встретиться с тобой лицом к лицу.

— Почему?

— Потому что в последний раз, когда я тебя видела, ты убежал утром, даже не выпив кофе.

— Мне нужно было пойти на свадьбу, милая. — Я запускаю пальцы в ее волосы, и мой член приходит в движение, когда она закрывает глаза и делает глубокий вдох. — Мне жаль, что я недостаточно хорошо обращался с тобой. Но я бы остался с тобой в постели на весь день, если бы мог. Я бы вылизал каждый дюйм твоего тела в тот день, если бы мне не нужно было уходить.

Ее глаза открыты, а зрачки расширены. Я подхожу ближе к ней, сокращая расстояние, которое было между нами мгновение назад, и сильно тяну ее за волосы. Милли отклонится назад, обнажая шею, и стонет от жжения в коже головы.

Наклоняясь вперед, я облизываю ее от ключицы до основания уха, кусая мягкую раковину.

— Перестань бороться, — шепчу я. — Позволь мне провести лето с тобой. Позволь мне поклоняться тебе и твоему телу при каждом удобном случае. Позволь мне остаться здесь.

Она пальцами крепко сжимает мою футболку, притягивая меня сильнее к своему телу, когда мои губы скользят по ее губам. Мы смотрим друг на друга, наши лица едва в дюйме друг от друга.

— Скажи мне, что я могу остаться.

Она едва заметно кивает мне.

Я набрасываюсь на нее. Прижимаю ее к стене. Мой язык просит о проникновении, и она раздвигает для меня свои пухлые губы. Моя милая девочка. Такая упрямая, но в то же время чертовски податливая.

Прижимаюсь бедрами к ее животу, и она тянет руки вверх, чтобы пробежаться по моим волосам, дергая за кончики. Я хватаю ее за задницу и приподнимаю так, что она прижимается к стене бедрами. Мой член тверд и пульсирует, умоляя оказаться внутри нее, когда я оказываюсь на одной линии с ее горячей киской.

Сегодня на ней светло-голубое платье, нас разделяют только ее трусики. Когда ее ноги обвилились вокруг моей талии, я позволил своим пальцам проникнуть под ее платье и кружевную ленту нижнего белья.

— Ты мокрая для меня? — спрашиваю я ее, прежде чем опуститься еще немного ниже.

Милли кивает и подается вперед, целуя меня и проводя своим языком по моему.

— Насколько мокрая, Миллис? Насколько сильно ты этого хочешь? — спрашиваю я ее между поцелуями.

— Я не хочу, — признается она мне в губы. — Мне это нужно, Ноа.

— Черт, — стону я. Я опускаю пальцы полностью вниз и позволяю кончикам пробежаться по ее щели. — Мне тоже это нужно, малышка.

Когда я провожу кончиками пальцев по ее клитору, она прижимается к моей руке, ее

тело молит о большем.

— Обещай, что ты больше не исчезнешь, — требую я, когда один палец скользит внутрь нее.

— Обещаю.

Я вырываюсь и позволяю другому пальцу скользнуть внутрь нее.

— Обещай, что ты не оттолкнешь меня.

Я сгибаю их, и она ахает.

— Обещаю.

Мой большой палец нажимает на ее клитор.

— Обещай, что посветишь мне лето.

Она близко, задыхается и прижимается ко мне.

— Обещаю.

Еще несколько толчков, и она кончает.

— Ноа!

Я смотрю, как Милли разваливается на части, приоткрыв ротик и зажмурив глаза.

И тут раздается стук в дверь.

Милли

Этот стук в дверь пугает меня, но Ноа пугается сильнее.

Откуда мне знать? Ох, потому что он бросает меня на задницу.

Он отступает от меня так быстро, что я падаю на пол и приземляюсь прямо на копчик.

— Черт! Милли! Мне так жаль. — Он наклоняется и помогает мне подняться, в то время как Энни продолжает бегать между нами и дверью, гавкая, потому что она так взволнована появлением еще одного гостя.

— Ты бросил меня, как будто думал, что за дверью будет стоять Тедди, — говорю я ему, потирая задницу и надевая трусики.

— Эй? — зовет кто-то от двери.

— Одну минуту! — говорю я в ответ своим самым приятным, бл*дь, сдержанным голосом.

— Прости. Я очень испугался. Ты в порядке?

— Все нормально, — говорю я ему, наполовину смеясь над ситуацией. Бедняга все еще щеголяет стояком в обтягивающих джинсах. — Может быть... ты подумаешь о своей бабушке или о чем-то еще? — спрашиваю я его, смеясь, когда он смотрит вниз и стонет. — И отнеси свои вещи обратно в гостиную. Ты можешь остаться здесь, но ни за что на свете ты не будешь спать в моей кровати.

Я шлепаю его по заднице, проскальзывая мимо него и направляясь к парадному крыльцу.

— Здравствуйте! — говорю я женщине, стоящей по другую сторону двери. — Извините. Я потеряла счет времени.

Она замечает состояние моих волос и платья, когда я открываю дверь, а затем улыбается, как будто мы делимся секретом.

— Нет проблем. Меня зовут Мередит. Я декоратор.

— Отлично, я Милли. — Мыжимаем друг другу руки, и Ноа подходит ко мне сзади.

— А я Ноа, — говорит он, пожимая ей руку. — Я шафер.

— Прелестно! И вы сказали, что человек, отвечающий за столы и тому подобное, тоже придет, верно?

— Да, он должен быть здесь с минуты на минуту, — говорю я ей, указывая на кресла на крыльце. — Мы можем присесть здесь.

Энни трусит позади нас, позволяя Ноа почесать ее за ушами.

— Я надеюсь, что вы сможете вместе помочь выяснить, что нам нужно. Какие цвета основные? — спрашивает она, вытаскивая свой айпад.

Разблокировав свой телефон, я открываю информацию, которую сохранила на доске Pinterest. Бет присылала мне всевозможные идеи по цветам и украшениям, но, в конце концов, мы ограничились синим омбре с золотыми вставками.

Пока я показываю ей все, то слышу, как камера Ноа щелкает на заднем плане. Когда я поднимаю глаза, он смотрит на Энни, как будто фотографирует ее на фоне океана.

Но, клянусь, я вижу, как он возвращает камеру ко мне, как только я перестаю смотреть.

Он всегда меня фоткал. Когда мы были моложе, я думала, что это что-то значит. И я

впитывала это внимание, как губка. Но когда я стала старше, то заметила, что он фотографирует всех, не только меня. Именно тогда поняла, что его страстью были фотографии, а не я.

В течение следующего часа мы обошли мой дом и осмотрели лучшую часть частного пляжа, чтобы все подготовить. Обсуждали детали, например, сколько шестов воткнуть в песок одновременно, и чем мы будем занимать гостей между церемонией и приемом, пока Тедди и Бет фотографируются, а рабочие преобразуют пространство для ужина.

И не только это, еще мне пришлось объяснить, как вообще будет подаваться ужин, потому что пир будет на пляже, а не в доме. Я сказала, что весь мой дом в распоряжении любого, кто в нем будет нуждаться, и что нам придется вызвать электрика, чтобы электричество не замкнуло из-за всех приборов и удлинителей.

— Слава богу, это маленькая свадьба, — пошутил Ноа после того, как оба организатора ушли. — А то пришлось бы обратиться в электрическую компанию, чтобы настроить свою собственную электросеть.

Я посмотрела на него и улыбнулась.

— Забавно, что ты упомянул об этом. Потому что я действительно хотела попросить именно об этом. Я не хотела никаких сюрпризов в этот знаменательный день.

Мы оба смеемся и садимся на ступеньки крыльца. Отсюда открывается прекрасный вид на океан, если не считать нескольких пальм, которые росли еще до того, как здесь жила моя бабушка.

— Кстати, спасибо тебе, — говорит он. — За то, что позволила остаться здесь. Я знаю, что нагелел на прошлой неделе и сегодня вечером. Но я действительно ценю это. Ты можешь считать меня самым надоедливым человеком, который когда-либо появлялся в твоей жизни, но обещаю, что просто хочу самого лучшего для Тедди. Я хочу быть хорошим другом.

Вот оно снова. Сокрушительный груз разочарования. Он здесь из-за Тедди, а не из-за меня. Что я и думала. В тот момент, когда он появился, я поняла, что он здесь из-за Тедди. Я просто маленький бонус. И да, понимаю ли я, что моя надежда, что он пришел сюда ради меня, нелепа, поскольку это я отшила его?

Конечно, понимаю.

Но я все еще человек. Я все еще та девушка, которая была влюблена в него десять лет.

— Эй? — спрашивает он, возвращая меня к настоящему. Я мысленно избавляюсь от противоречивых эмоций и улыбаюсь ему, пока он рассеянно гладит Энни.

— Я просто думала о Тедди, — говорю я ему. — Хочу сделать для него все идеально. Он много делал, защищал, любил, воспитывал, даже когда мама и папа были живы. Мы всегда были близки. Так что, устраивая эту свадьбу для него, я чувствую, что могу вернуть ему часть того, что он дал мне.

— Знаешь, он никогда не умолкал о тебе, когда мы были детьми, — говорит мне Ноа, откидываясь назад на ладони и улыбаясь. — Когда мы отправлялись куда-нибудь без тебя, или когда ты навещала своих бабушку и дедушку, а он не мог поехать... — Он замолкает и смотрит на меня. — Всегда болтал «Милли это» и «Милли то», беспокоился, все ли с тобой в порядке, скучаешь ли ты по дому, нормально ли питаешься.

— Ну и зануда, — признаю я.

— Меня это не беспокоило, — говорит он, когда его рука находит мою и большим пальцем потирает тыльную сторону. — Тогда я был по уши влюблен в тебя. Так что, слушая о тебе двадцать четыре на семь, я радовался.

Я смотрю на него, и он подмигивает. Не знаю, шутит он или говорит серьезно.

— М-м-м, — мычу я, убирая руку и вставая. Моя задница слишком болит, чтобы и дальше сидеть на этом дереве. Такое чувство, что у меня будет хороший синяк после падения. — Кстати, о еде. Ты уже поел?

— Нет, я поздно пообедал, а потом понял, что я бездомный, и пришел прямо сюда.

— Тогда давай. Покормим Энни, а потом спустимся на Пароход, поужинаем и выпьем.

— Это, наверное, лучшая еда, которую я когда-либо ел, — Ноа стонет, откусывая последний кусочек рыбы, фаршированной крабами.

— Рад, что тебе понравилось, чувак, — говорит бармен, смеясь над стонами Ноа и убирая наши тарелки. — Еще по одной?

— Нет, спасибо, — отвечает Ноа за нас обоих, прежде чем я успеваю заговорить. Я собираюсь сказать ему, чтобы он говорил сам за себя, когда он бросает на меня взгляд, который прямо указывает на мои женские прелести. — Я думаю, мне пора отвезти эту хорошенькую девушку домой. Да, Тайлер?

Тайлер, бармен, только ухмыляется и подходит к компьютеру, чтобы получить наш счет.

Честно говоря, нам, наверное, пора возвращаться домой. Еще одна рюмка, и он бы понес меня на руках. Думаю, что выпила четыре или пять, а это значит, что я очень пьяна.

Когда Тайлер приносит счет, Ноа забирает его раньше меня, вручая ему яркую карточку. Обменявшись несколькими любезностями, мы выходим из бара. Но сказать, что мне не везет, было бы преуменьшением. Кто-то сталкивается лицом к лицу с Ноа, когда он выводит меня за дверь.

И этим кем-то, так уж случилось, оказался Брэндон.

— Извини, чувак, — говорит Ноа, делая шаг назад, но не выпуская мою руку, когда мы отходим в сторону. Я думаю на мгновение, может быть, мы выберемся из этой ситуации так, чтобы Брэндон меня не увидел. Ноа высокий, и у него широкие плечи, так что я хорошо спрятана за ним. Но как только Брэндон обходит нас, его взгляд падает прямо на меня.

— Милли? — спрашивает он, сбитый с толку, когда видит, что я держусь за руки с Ноа.

— Привет, Брэндон. Мы как раз собирались уходить.

Услышав имя, слетающее с моих губ, Ноа оборачивается и оглядывает его. Там, где Ноа весь такой задумчивый со своими темно-каштановыми волосами, темными глазами и щетиной, Брэндон — настоящий серфер с белокурыми волосами, голубыми глазами и детским личиком, на котором никогда не было щетины.

— Кто это, черт возьми, такой? — спрашивает Брэндон, оглядывая Ноа. Они одинакового роста, и Брэндон в хорошей форме после всех плаваний и серфинга. Если он устроит здесь сцену... черт. Я не хочу, чтобы Ноа втягивали в драку.

Брэндон по пьяне слишком громкий и чертовски злой.

— Значит, ты быстро двинулась дальше, да, Милли? — спрашивает он, когда Ноа пытается прикрыть меня своим телом.

— Как сказала леди, — перебивает Ноа. — Мы как раз собирались уходить.

Брэндон закатывает глаза и делает глоток своего пива.

— Шлюха, — выплевывает он.

Я слишком потрясена, чтобы что-то сказать в ответ. Я никогда не слышала, чтобы он

говори́л что-то подобное какой-либо девушке, не говоря уже обо мне, с которой он вроде как встречался последние пару месяцев. И чтобы он смотрел на меня так, как сейчас...

И, о мой гребаный Иисус Христос, Ноа взял и ударил его.

Ноа

Я ударил его.

— Ты ударил его! — восклицает Милли.

— Он назвал тебя шлюхой.

Для меня этого достаточно. Тедди сделал бы также. Любой достойный парень сделал бы также.

— Ты не можешь так неуважительно относиться к женщинам, — говорю я, глядя на вырубившегося парня.

Тайлер что-то кричит, и затем я вижу, как к нам подходят офицеры безопасности. Не похоже, чтобы они куда-то спешили. Во всяком случае, они выглядят довольно расстроенными из-за того, что им вообще приходится покинуть свои посты. Брэндон все еще без сознания на полу, его скула уже приобрела уродливый пурпурный оттенок.

Что, черт возьми, Милли нашла в этом парне?

— Привет, приятель, — говорит вышибала покрупнее. — Я уверен, что он это заслужил, как всегда.

— Как всегда? — Милли шепчет в шоке, и он продолжает:

— Но тебе лучше убраться отсюда. Должно выглядеть так, будто мы защищаем целостность бара. — Они оба наклоняются и поднимают Брэндона с пола. — Он не будет выдвигать обвинения.

— Никогда не выдвигает, — замечает другой парень, когда они уходят.

Я беру Милли за руку и тащу ее за дверь. Я так зол, что перед моими глазами появляется красная пелена. Как она могла уделять ему время, не говоря уже о своем теле? И то, как он смотрел на нее и говорил...

Если бы я был мультяшным персонажем, у меня бы сейчас из ушей шел пар.

— Ты сломаешь мне руку, Халк, — шутит она, спотыкаясь позади меня. Я отпускаю ее и набрасываюсь на нее. Ее глаза расширяются, и она замирает на месте.

— О чем, черт возьми, ты думала?

— Прошу прощения?! — кричит Милли, когда я начинаю возвращаться к ее дому. Это всего в полумиле вниз по дороге, и с такой скоростью, с какой меня охватывает гнев, я доберусь туда ровно за четыре минуты.

— Эй!

Она бежит, пытаясь догнать меня, пока, наконец, не сдастся, и я чувствую, как она начинает отставать от меня. Мы идем так в тишине, Милли время от времени бежит трусцой, чтобы сократить расстояние позади, пока мы возвращаемся к ней домой. Когда я успеваю свернуть на ее подъездную дорожку, она снова заводится.

— Боже, ничего, бл*дь, никогда не меняется! Давай, Ноа! — кричит она. — Всегда устраиваешь сцены, гребаный беспорядок, а потом убегаешь и оставляешь других собирать чертовы осколки!

Я поворачиваюсь на каблуках, топаю обратно к ней, тяжело дышу, смотрю ей в глаза. Черт, она злится. И это меня заводит. Моя маленькая злючка. Но я тоже зол. Поэтому я не останавливаюсь. Вместо этого решаю подтолкнуть ее ближе к краю, проверяя ее пределы.

— Ты пускаешь в свою постель всякую дрянь, — рычу я.

— Не первый раз.

Мы оба молчим, пока этот маленький кусочек накопившегося гнева и сожаления сидит между нами.

— Что, черт возьми, это должно означать? — спрашиваю ее, хотя уже знаю. Я знаю, что она говорит обо мне. Я знаю, что причинил ей боль. И она явно долго держалась за эту обиду.

— О, я думаю, ты знаешь, что это значит, Ноа, — выплевывает она, отталкивает меня со своего пути и идет по своей подъездной дорожке. Я легко догоняю ее, когда она обходит дом сбоку и поднимается на крыльцо.

Качели все еще сломанные наполовину висят, наполовину лежат на деревянном полу веранды. Я делаю мысленную пометку починить ее завтра.

— Я сказал, что сожалею, Милли. — Мой голос тверд. Я не хочу идти по этому пути. Я извинился, и она простила меня. На этом все должно было закончиться. То, за что она держится, слишком болезненно для меня. Я не хочу мусолить эту тему.

— О, да, Ноа. Я забыла. Твои невероятно искренние, не пытающиеся залезть мне в штаны, извинения. Вот эти, верно? — Она замолкает на секунду. — Да, я помню. Интересный факт: извинения не означают, что вся боль просто исчезает, черт возьми.

— Милли, — стону я, вытирая руками лицо, внезапно ощущая усталость, когда прихожу в себя от адреналинового кайфа. — Мы можем не делать этого?

Она усмехается.

— Не делать? Ты что, издеваешься надо мной? — Милли дико жестикулирует руками в мою сторону. — Ты все это начал! Ты пошел и ударил Брэндона без всякой причины.

— О, у меня была причина. Он проявил к тебе неуважение, — перебиваю я, делая шаг ближе, врываясь в ее личное пространство.

— Неважно. А потом ты вытаскиваешь меня из бара, как пещерный человек, претендующий на свою собственность. А потом! — кричит она. — А потом ты фактически оставляешь меня позади, заставляя идти домой в одиночестве, потому что у тебя ужасное настроение!

— Следи за своим языком, моряк Джерри, — говорю я, улыбаясь ей сверху вниз. Ее отношение направило мой гнев в совершенно другие эмоции. — Ты итак сегодня много раз обматерила меня.

— Пошел ты! — кричит она, толкая меня в грудь.

Я хватаю ее за руки и притягиваю так, что ее тело крепко прижимается к моему. Она теплая, и соленый запах океана смешался с шампунем с ароматом кокоса. Это головокружительное сочетание, и я хочу большего.

— Плохая девочка Милли, — ворчу я, когда она пытается вырваться из моих объятий. — Я думаю, мне нужно преподать тебе урок хороших манер.

Прежде чем она успевает среагировать, я наклоняюсь и поднимаю ее, перекидывая через плечо. Она визжит, а затем начинает бить меня по заднице снова и снова. Я вхожу в гостиную, и Энни только виляет хвостом, когда я глажу ее по голове по пути в спальню.

— Тьфу, предательница! Ты никогда не была на моей стороне!

— Она знает, кто здесь главный, — говорю я, прежде чем сильно шлепнуть ее по заднице. Поскольку платье, которое на ней надето, задралось у нее на бедрах, когда я поднял ее, между моей рукой и ее кожей нет ничего, кроме трусиков.

— Ай! — кричит она на меня, снова шлепая по моей заднице. — Больно, Ноа!

— Я предупреждал тебя, злючка, — говорю я, бросая ее на кровать. — Пришло время преподать тебе урок.

Она переворачивается и пытается переползти через кровать, но я хватаю ее за лодыжку, притягивая обратно к себе. Платье задирается еще выше, собираясь над бедрами и обнажая сексуальные белые кружевные трусики. Они так идеально подчеркивают мягкий изгиб ее попки, что мне не терпится вонзить в нее зубы.

— Ах, ах, ах, — говорю я, забираясь на нее сверху, устраиваясь на ее бедрах, чтобы она не могла пошевелить ногами. Я провожу ладонями вверх по задней поверхности ее бедер и по заднице. Ее кожа такая невероятно мягкая.

— Что ты собираешься делать? — спрашивает она, запыхавшись и тяжело дыша, пытаюсь повернуться и посмотреть на меня.

Я сжимаю мягкую плоть ее задницы, мои большие пальцы раздвигают ее. Я вознагражден тихим стоном, в то время как ее спина слегка выгибается для меня.

Я снова шлепаю ее в ответ, и все ее тело напрягается.

— Пошел ты, Ноа, — рычит она, ее тело извивается подо мной.

— Я думаю, еще по два с каждой стороны будет достаточно, не так ли? — спрашиваю я ее, успокаивая место, которое только что шлепнул. Мой член тверд как камень, он борется с жестким поясом моих джинсов, и чем больше она сопротивляется, тем напряженнее я становлюсь.

Шлепок. Шлепок. Шлепок. Шлепок.

Я шлепаю в быстрой последовательности, не давая ей времени вывернуться из-под меня.

К тому времени, как заканчиваю, задница Милли покраснела, и она превратилась в маленькую стонущую лужицу подо мной. Она ерзает и пытается потереть свои аппетитные бедра друг о друга, чтобы получить некоторое облегчение. Я провожу кончиками пальцев прямо по краям ее трусиков, которые слегка впиваются в ее кожу.

— Давай посмотрим, насколько мокрая моя девочка.

— Я не твоя девочка, — протестует она с рычанием, сжимая в кулаках одеяло.

Я смеюсь.

— Конечно, нет, милая. Продолжай говорить себе это.

Погружая пальцы между ее бедер, я провожу ими по ее щели и нахожу, что она промокла. Всегда есть время для прелюдии, но сегодня вечером я не думаю, что у меня хватит духу ждать дольше. Прелюдией было ударить Брэндона и наблюдать, как Милли отчитывает меня, как будто она босс в этом маленьком соглашении, которое мы заключили.

Возясь с пуговицей и молнией, я вытаскиваю член и оставляю его тяжелым и горячим на ее заднице, пока тянусь к прикроватному столику и роюсь в нем в поисках презерватива. Я открываю его зубами и надеваю, прежде чем отодвинуть ее трусики в сторону.

— Подними свою задницу для меня, Милли.

Она замирает, и я понимаю, что она думает, что я собираюсь сделать что-то еще.

— Не сегодня, Милли, — успокаиваю я, проводя рукой вверх и вниз по ее спине, позволяя ногтям слегка царапать ее кожу. — Однажды эта задница будет моей, — обещаю я. — Но не сегодня. Теперь подними бедра, детка.

Милли издает тихий стон и на мгновение колеблется, прежде чем ее великолепная задница слегка приподнимается в воздух.

— Такая хорошая девочка. Всегда делает то, что ей говорят.

Я наклоняюсь над ней и выпрямляюсь. Я проскальзываю внутрь так чертовски легко, ее тепло и влажность затягивают меня по самые яйца. Милли вздыхает и толкается обратно на меня, когда одна из ее рук исчезает у нее под животом. Я сжимаю в кулак ее волосы, собирая их у основания шеи и дергая их, когда выхожу и врываюсь обратно. Она стонет и извивается подо мной с каждым толчком.

Боже, она чертовски великолепна в таком виде.

Нам обоим не требуется много времени, чтобы достичь кульминации, мы кончаем почти одновременно, прежде чем я расслабляюсь на ней, мой член все еще подергивается внутри нее, когда я прихожу в себя после оргазма. Надеюсь, когда-нибудь она позволит мне кончить в нее без презерватива. Одна только мысль об этом почти заставляет меня готовиться ко второму раунду.

— Я все еще не твоя девушка, — говорит она сквозь тяжелое дыхание.

— Конечно, это не так, малышка, — я тихо смеюсь, прижимаясь к ней, прежде чем выйти и скатиться с нее. Шлепнув ее в последний раз по заднице, встаю, чтобы пойти в ванную. — Продолжай повторять это вслух, и, может быть, однажды ты в это поверишь.

Милли

С Ноа под боком все лето у меня никогда не будет ни минуты покоя. Он постоянно пробирается в мою постель посреди ночи или приносит мне завтрак, когда просыпается раньше. Он планирует для нас небольшие экскурсии в перерывах между работой и свадебными хлопотами.

Сегодня запланировал поездку на материк. Ноа сказал, что нашел музыкальный магазин, в который хочет сводить меня. Я уверена, что бывала там раньше, но я знаю, что он старается и знает, что я люблю собирать и слушать старые пластинки. Итак, мы собираемся совершить небольшое однодневное путешествие за пределы острова и продолжить попытки снова стать друзьями.

Я в трудном положении. Действительно, большая часть меня хочет пожалеть о той маленькой сделке, которую мы заключили. Но когда мы вместе в постели, эта часть отодвигается на задворки моего мозга и заглушается. Ноа так чертовски хорош. Он может заставить мое тело петь так, как никто другой не может.

Но потом, когда все заканчивается, и я лежу в постели рядом с ним, смеясь и шутя, эта маленькая змейка сожаления начинает выползать на передний план моего сознания. Я думаю, она пытается предупредить меня. Предупредить, чтобы я не подходила слишком близко или не была слишком счастлива, потому что только бог знает, что случилось в последний раз. И это может повториться.

Ноа — это куча разбитых сердец в очень красивой упаковке.

Мне нельзя ее открывать. Я могу любоваться им, трогать его, слегка встряхивать, но ни при каких обстоятельствах не могу разорвать красивую оберточную бумагу.

— Ты готова, Миллс? — спрашивает он, высовывая голову из-за дверного косяка.

— Эй! Что мы обсуждали? — спрашиваю я его укоризненным тоном.

— Не соваться к тебе, ведь ты можешь переодеться, — повторяет он, как отчитанный маленький мальчик.

— Я могла быть голой. Снова. В четвертый раз.

— Я не понимаю этого правила, — говорит он, плюхаясь на кровать. Я роюсь в своем шкафу, пытаюсь найти пару сандалий, которые хочу надеть, но не могу найти ничего подходящего. — Я буквально вижу тебя обнаженной каждую ночь. Я был внутри тебя. Какая разница, если я увижу тебя голой, пока ты переодеваешься?

— Это принцип, — говорю я, когда, наконец, нахожу обувь и вытаскиваю, обувая. — Видеть меня голой, когда мы занимаемся сексом — это одно. Видеть меня обнаженной при свете дня, когда я переодеваюсь — это совсем другое. Это намекает на определенную близость, которую мы пытаемся избежать.

Когда я выхожу из своего гардероба, слышу тихий щелчок его камеры. Я поднимаю глаза и свирепо смотрю на него. В последнее время он стал щелкать меня всякий раз, когда я не обращаю внимание. Будь то пока я готовлю, сижу на теперь уже закрепленных качелях на крыльце или смеюсь с широко открытым ртом над какой-нибудь глупостью, которую он сказал.

Последнее мне меньше всего нравится.

— Я за рулем! — Я выхожу вслед за ним из дома, целуя Энни на выходе.

Нам требуется около часа, чтобы добраться до материка и найти музыкальный магазин, о котором Ноа говорил. И правда, я уже бывала здесь раньше. Но это нормально. Они всегда привозят что-то новое, и я люблю владельцев. Внутри у них также есть кафе и большие удобные кожаные диваны, где вы можете расслабиться и послушать их личную коллекцию.

— Я люблю это место, — говорю я, вылезая из его машины.

— Ты была здесь? Я должен был догадаться. Мне следовало поискать что-нибудь подальше.

— Нет, мне здесь нравится, — говорю я ему, когда Ноа обходит автомобиль. Я беру его за руку и веду внутрь, прямо к источнику удивительного запаха.

— Сначала я хочу кофе.

— Итак, расскажи мне о своей жизни, Милли. Я хочу знать, что пропустил, — говорит он, пока мы идем по проходам. Я выбираю место и начинаю просматривать сотни записей. — Я пропустил довольно большой период. Тедди ничего не говорил.

— Это, наверное, потому, что я сказала ему не делать этого.

— А он знает? — спрашивает меня Ноа, его лицо немного побледнело от беспокойства.

— Нет, — говорю я, избавляя его от страданий после минутной паузы. — Но мне не нужно было ничего ему говорить. Он мой старший брат, он знает, когда что-то не так.

— Он ничего не говорил мне, — Ноа вздыхает, делая вид, что просматривает коробку рядом со мной.

— Он бы не стал, Ноа. — Я поворачиваюсь к нему, опираясь бедром о стол. — Хотя Тедди твой лучший друг, он мой брат. И он не знал точно, что было не так, он просто знал, что по какой-то причине я была расстроена, и я хотела, чтобы ты на некоторое время исчез из моей жизни. — Пожимаю плечами. — Он любит нас обоих и не стал бы ни во что вмешиваться. Поэтому молчал и держал меня подальше от тебя.

Ноа кивает, его лицо выглядит на удивление печальным. Я не думала, что когда-нибудь увижу Ноа Хардинга таким раскаивающимся. И не могу решить, потому ли это, что он причинил мне боль, или потому, что мой брат догадывается. Тедди не знает о том, что произошло. Но когда сестра бежит к тебе в слезах, и единственное, что ты слышишь — это имя «Ноа»... Я уверена, что он подозревал.

И как не убил Ноа, я не узнаю.

— Ты спрашивал меня о моей жизни, да? — напоминаю я, пытаюсь сменить тему. Предполагается, что это будет небольшая прогулка, и я не хочу портить настроение.

— Да. Расскажи мне, как прошла учеба в колледже, как ты получила работу и как, черт возьми, ты решила переехать через всю страну к совершенно другому океану. — Ноа улыбается и тихо смеется, на его щеках появляются ямочки. — Я думал, Тихий океан у тебя в крови, как и у твоего брата.

— Не-а, — начинаю я, переходя к следующей коробке с записями, когда снова слышу щелчок камеры. — Я получила степень бакалавра, потом умерла бабушка, оставив дом мне. Я всегда чувствовала особую связь с ней и этим домом. Поскольку дедушка умер несколькими годами ранее, дом остался пустым.

Я вздыхаю, вспоминая, как больно было впервые войти в пустой коттедж. Все по-

прежнему пахло бабушкой. Иногда, даже сейчас, я открываю дверцу шкафа или достаю одеяло из ящика, который давно не открывали, и меня окутывает ее запах и воспоминания, которые приходят вместе с ним.

— Я не могла позволить никому другому переехать сюда. Это же их дом. Он построил его для нее, когда они только поженились, и он сохранился до сих пор... я чувствовала, что должна продолжать в том же духе.

Ноа кивает и уделяет мне все свое внимание.

— Итак, в любом случае, я искала работу, которая оплачивала бы счета и позволяла мне либо постоянно, либо большую часть времени работать из дома. Наконец-то наткнулась на эту карьеру хедхантера, и оказалось, что я чертовски хороша в этом.

— Держу пари, что так и есть. Ты немного нахальнее, чем когда я видел тебя в последний раз, — говорит он, ухмыляясь мне.

Я закатываю глаза.

— И под нахальством ты подразумеваешь большую уверенность в себе и в том, кто я есть? Готова постоять за себя, вместо того, чтобы позволять людям топтаться по мне?

— Именно так, — соглашается он, притягивая меня под руку и целуя в макушку. За последние пару недель, что он живет со мной, мне стало немного не по себе в плане прикосновений.

Я знаю, что мы трахаемся почти каждую ночь, но когда это выливается в случайные прикосновения в течение дня, меня это беспокоит. Я на самом деле не доверяю своей собственной решимости больше не попадаться на удочку этого придурка.

Поэтому вместо того, чтобы купаться в нежности, как мне очень хотелось, я мягко отстраняюсь, подхожу к зоне отдыха и плюхаюсь на пол, чтобы порыться в маленькой музыкальной библиотеке. Ноа следует за мной и садится на кожаный диван рядом со мной, раздвигает ноги.

Сосредоточься, Милли. Сосредоточься. Не отвлекайся на кусок человеческого мяса, сидящего в двух футах от тебя.

Покопавшись с минуту в коробках, я нахожу сборник Фрэнка Синатры и ставлю его на проигрыватель. Этот особенный скребущий звук наполняет воздух, и я ложусь обратно на ковер у его ног и закрываю глаза. Я постукиваю пальцами по потертому полу и пытаюсь не обращать внимания на постоянное щелканье его камеры.

— Знаешь, это портит момент, — говорю я ему.

— Это запечатлевает момент, — говорит он. — Когда ты расстанешься со мной после свадьбы, у меня будут все эти воспоминания. Я могу добавить их в «раздел Милли»

Я смотрю на него, притворяясь, что смущена и, возможно, немного раздражена тем, что у него есть «раздел Милли». Но бабочки порхают у меня в животе, и я не могу не думать, может быть, только может быть, у него действительно есть место, где он хранит все мои откровенные снимки. Может быть, у него действительно есть эмоции под маской.

— У тебя есть... раздел Милли? — спрашиваю я его.

Как раз в этот момент песня меняется на «Witchcraft».

— Твоя любимая, — говорит он, улыбаясь мне сверху вниз. К черту мое гребаное сердце за то, что оно раздувается и делает глупые маленькие сальто, потому что он вспомнил одну из моих любимых песен. — Потанцуй со мной.

Фрэнк Синатра продолжает играть на проигрывателе рядом с нами, и когда Ноа наклоняется, чтобы взять меня за руку, я сдаюсь.

Один танец не разрушит нашу маленькую сделку... верно?

Один танец не заставит меня влюбиться снова...

Милли

— Почему ты всегда так вкусно пахнешь? — спрашивает Ноа, притягивая меня ближе, и мы раскачиваемся в такт музыке. Он не держит меня так, будто мы на танцах в средней школе. Прижимает к себе всем телом, его левая рука держит мою правую возле своей груди. — Кокос и лайм, сладко и нежно.

— Я принимаю душ один раз в день. Попробуй как-нибудь.

Он смеется, а затем отталкивает меня и снова тянет к себе. Я прижимаюсь спиной к нему и не могу удержаться, чтобы не положить голову ему на плечо, пока мы двигаемся взад-вперед. Его тело почти накрывает мое, я чувствую себя в безопасности и желанной. Лично я считаю, что нет ничего лучше, чем чувствовать себя маленькой в чьих-то объятиях. Его подбородок на мгновение оказывается на моей макушке, прежде чем он снова поворачивает меня, и мы оказываемся лицом друг к другу.

— У меня такое чувство, что это лето пролетит незаметно, — его голос низкий, как будто он рассказывает мне секрет. И хотя мне уже следовало бы знать лучше, я смотрю в эти карие глаза. Искренность в них бьет меня прямо по лицу.

— Время летит незаметно, когда тебе весело, — шучу я. — И в спальне происходит много интересного. — Подмигиваю ему и снова поворачиваюсь. — И в кухне. И в гостиной. И на парадном крыльце, которое однажды... — Когда я замолкаю, он улыбается мне сверху вниз и хватает меня за задницу и слегка шлепает.

— Почему мы не занимаемся сексом прямо сейчас?

— Потому что мы на публике, — говорю я ему, как будто это совершенно очевидно.

— Почему это имеет значение? — Ноа наклоняется ближе.

— Потому что мы не пара.

То, что мы делаем, остается конфиденциальным, за закрытыми дверями, и определенно не там, где нас кто-либо может увидеть. Мы не пара.

— Заткнись и поцелуй меня, злючка.

Его руки внезапно обхватывают мое лицо с обеих сторон, большой палец проводит по моей нижней губе. Моя решимость слабеет. Его глаза заставляют мое сердце трепетать, и когда он смотрит на меня вот так, кажется, что я единственный человек в мире. Ноа так чертовски хорош в том, чтобы заставить женщин поверить в это.

— Милли, — шепчет он, наклоняется ближе и касается своими губами моих.

— Хорошо, — уступаю я, сокращая небольшое расстояние и целуя его. Это длится дольше, чем мне бы хотелось для публичного проявления чувств, но слишком трудно сказать этому идиоту «нет».

— Знаешь, — говорит Ноа, когда мы, наконец, отрываемся друг от друга. Он снова заключает меня в объятия и раскачивается в такт новой песне. Прижимает мое лицо к своей груди, чтобы я не могла видеть его. — Это не обязательно должно быть только лето.

— Что ты имеешь в виду? — спрашиваю я, потрясенная тем, что он думает, будто это может длиться дольше, чем два месяца.

Я отстраняюсь от него, чтобы посмотреть на его лицо. Ноа выглядит шокирующе серьезным. Господи Иисусе, мы трахались всего несколько недель, а он уже пытается снова

подсадить меня к себе на шею. Я отказываюсь идти по этому пути. Я стала старше. У меня есть свои мозги. Я не собираюсь снова попадаться на эту удочку. Это интрижка. Никаких эмоций. Никаких чувств. Просто секс.

— Я вижу по твоему лицу, ты поняла мой намек, и ты очень против.

Его мягкая улыбка приводит в бешенство. Как будто он внезапно стал всепонимающим и зрелым, больше не тот дебильный мальчишка, которому наплевать на всех, кроме себя.

— Ноа, — начинаю я, но он перебивает меня.

— Все в порядке, Миллс, — говорит он, целуя меня в лоб, а затем отходит от меня, чтобы забрать свой кофе и фотоаппарат.

Когда Ноа поворачивается спиной, я чувствую, что во мне начинает зарождаться чувство вины. Чертовски несправедливо.

— Я все понимаю. Мы заключили это соглашение всего несколько недель назад, а я уже вношу в него свою лепту, — он поворачивается ко мне и улыбается. Но улыбка не достигает глаз.

— Ноа, я...

— Серьезно, Милли. — На этот раз он улыбается немного более уверенно. — Я действительно понимаю. Это всего лишь небольшое летнее увлечение, и я не заслуживаю от тебя большего. И это нормально. Я возьму то, что смогу получить, и использую по максимуму. — Нежно целует меня в губы. — Я вообще-то забыл, что мне нужно сделать быстрый рабочий звонок. Это займет всего пять минут. Я сейчас вернусь, хорошо?

Я киваю. Он улыбается. Смотрю, как он выходит из магазина, Фрэнк Синатра все еще играет на заднем плане. Почему я чувствую себя такой виноватой? Черт.

Провожу руками по волосам и стону, расхаживая вокруг мягкого ковра. Я не должна так себя чувствовать. Во всяком случае, это он должен чувствовать себя виноватым. Он разорвал мое сердце на гребаные кусочки годы назад. Не я. А он.

Так почему же я испытываю чувство вины? Я вздыхаю. Не думаю, что он специально. Он казался таким искренним, когда сказал, что мы могли бы продолжить так жить. Но это... слишком. Почему, черт возьми, НОА думает, что это нормально?

— Черт возьми, Ноа, — ругаюсь я себе под нос, наклоняясь и выключая проигрыватель. Убрав пластинку обратно в футляр и прибравшись, возвращаюсь в переднюю часть магазина со своим кофе и, поблагодарив девушку за кассой, выхожу на поиски Ноа. Мне нужно с кем-нибудь поговорить об этом.

Достав свой телефон, отправляю сообщение своей подруге Тиффани, спрашивая, можем ли мы встретиться за ужином сегодня вечером. Я не рассказывала ни ей, ни кому-либо из своих друзей о том, что происходит, но начинаю думать, что немного перегнула палку. отправляю сообщение и выхожу на жаркое послеполуденное солнце. К счастью, дует легкий ветерок, но это не сильно помогает. Свадьба будет жаркой.

— Я здесь! — Ноа машет рукой на пару магазинов дальше от меня. Солнце подсвечивает его волосы, и у него даже появилось несколько веснушек на загорелых руках и лице. — Мой друг хочет приехать на остров, чтобы встретиться с тобой и обсудить видео и фото-съемку для свадьбы.

— Я думала, вы с Тедди уже все уладили? Он же твой друг, — говорю я, подходя к нему.

— Я знаю тебя и понял, что ты сначала захочешь проверить его. Смешно, если ты думаешь, что мы стали бы что-то планировать, не предупредив тебя.

Он обнимает меня за плечи, и я просто закатываю глаза. нОА не ошибся. Я была

немного раздражена, когда Тедди сказал, что они все это организуют без меня. Не буду врать, это заставило меня немного вздрогнуть. Но я не собиралась давать Ноа понять, что он был прав.

— Ладно, что ж, звучит заманчиво. Он увидит место проведения и все такое. Может подготовиться заранее.

— Вот именно, — говорит Ноа, улыбаясь мне сверху вниз. — Давай сходим на поздний ланч. Я навел справки перед тем, как мы приехали, и нашел кафе дальше по дороге, которое известно своими суперскими молочными коктейлями.

— Черт возьми. Да. Обожаю молочные коктейли.

— Я знаю, милая. Вот почему мы туда идем.

Он подмигивает мне, и мы удаляемся в направлении кафе. Я стараюсь не переосмысливать то, что он сказал ранее, и не заикливаться на том, как он выглядел, когда говорил это.

Предполагалось, что это будет веселое летнее развлечение. Просто какой-то случайный секс между двумя людьми, которым действительно очень хорошо вместе в этом плане.

Мой телефон вибрирует, и я быстро читаю сообщение Тиффани. Она говорит, что может встретиться со мной в семь. Я расскажу Ноа после обеда, и, надеюсь, встреча с подругой поможет мне разобраться в том, что, черт возьми, происходит у меня в голове. Я начинаю немного беспокоиться о том, что мое влагалище имеет прямую связь с моим сердцем, из-за чего я вовлекаюсь в эту сделку сильнее, чем хотела бы.

Милли

— Разливай, — говорит Тиффани, наклоняясь над своей маргаритой и слизывая соль с края. — Что заставило тебя так отчаянно хотеть увидеть мое великолепное лицо?

Тиффани — моя лучшая подруга, а также первый друг, которого я завела, когда переехала на остров. Она воспитательница дошкольного учреждения, с ней я совершенно случайно познакомилась в хозяйственном магазине, когда пыталась найти новые цвета краски для коттеджа. Она на пару лет старше меня, у нее самые красивые светлые волосы и зеленые глаза. И она невероятно чуткая, что делает ее лучшим учителем для маленьких детей. Она любит каждого из них, как своих собственных.

— У меня такая ситуация, — говорю я ей. — Ты знаешь, что я планирую свадьбу для своего брата, верно?

Она кивает, и я делаю очень большой глоток маргариты для храбрости.

— Ну, ладно, боже... я даже не знаю, с чего начать.

— Как насчет самого начала? — спрашивает она, отодвигая свой бокал в сторону и уделяя мне все свое внимание. Я знаю, она может сказать, что это не просто какая-то мелочь, которая меня беспокоит. Это что-то большее. И теперь, когда я собираюсь все рассказать, чувствую, что меня может стошнить на этот стол.

— В детстве у Тедди был лучший друг. Ноа. И поскольку мы были так близки по возрасту, он был в некотором роде еще и моим другом. Мы проводили много времени вместе, тусовались, смотрели фильмы и гуляли.

Тиффани снова кивает.

— Но как только я стала достаточно взрослой, чтобы видеть в мальчиках нечто большее, чем друзей, я начала понимать, что Ноа на самом деле очень, очень милый. Но мы были детьми, понимаешь? И в детстве, тем более рядом с братом, такие вещи становятся странными.

— Даже в подростковом возрасте? — спрашивает она меня. — Ты никогда не говорила ему, не намекала или что-то в этом роде? Я имею в виду, ты тот еще персик, Миллс. Не может быть, чтобы он этого не заметил.

— Он никогда этого не делал. Ну, по крайней мере, я так думала. Были времена, конечно, когда я думала, что он, возможно, флиртует со мной или понимал, что я флиртую с ним... но это никогда ни к чему не приводило. Меня не смущал тот факт, что он был лучшим другом моего брата, но иногда я задаюсь вопросом, не по этой ли причине он всегда видел во мне всего лишь маленького ребенка. Это было до тех пор, пока...

— Пока?.. — она подсказывает.

— Я навещала своего брата в колледже летом после того, как окончила среднюю школу. Они с Ноа учились вместе, так что мы все тусовались, пили и просто наверстывали упущенное.

— О, понятно. Здесь замешан алкоголь. Хороший выбор всегда делается, когда речь идет об алкоголе.

Я бросаю на нее взгляд и продолжаю:

— Тедди ушел спать в другую комнату, а мы с Ноа не спали, болтали и смотрели фильм

в гостиной. Сидели на диване. Прямо рядом друг с другом.

— О, мое влагалище уже трепещет. Что произошло дальше?

Я закатываю на нее глаза, и официант выбирает именно этот момент, чтобы принести нашу еду. Он раскладывает все на стол, и я начинаю есть так для эмоциональной поддержки, набираясь смелости рассказать ей, что произошло дальше.

— Итак, кое-что произошло. Его рука коснулась моего бедра. Моя рука коснулась его руки. Он посмотрел на меня. Он поцеловал меня. Потом прикасался ко мне, и не успела я опомниться, как мы занялись сексом на диване моего брата.

— О черт, — хихикает она и делает несколько глотков своей маргариты. — Это было хорошо?

— Это было... потрясающе. Я всегда слышала, что первый раз — отстой, — бормочу я, набивая рот тако.

— Подожди, вау. Миллисент. Подожди. — Она наклоняется и шепчет: — он лишил тебя девственности?

Я киваю, морщась, когда ее челюсть почти ударяется о стол.

— Он знал, что лишил тебя девственности? — шепчет Тиффани, хотя достаточно громко, чтобы ее услышал весь ресторан.

— Сначала он не знал. Это моя вина. Наверное, мне следовало сказать ему. Но когда он узнал... — Я вздыхаю. — Пф.

— Что случилось, Милли? — Теперь ее голос стал серьезным. Она готова перейти в режим матери.

— Он взбесился. Встал и вышел. Не сказал мне ни единого слова, просто оделся и ушел. Я все еще была голой на диване, когда дверь закрылась.

Я тяжело сглатываю от болезненного воспоминания, борясь со слезами, которые хотят вырваться на поверхность. Это дерьмо причиняло боль, и повторный рассказ истории только снова разбередил рану.

— Милли, — говорит она, хватая мою руку через стол и сжимая ее.

— В любом случае, — продолжаю я, стряхивая с себя это и улыбаясь ей. — Это предыстория, которую тебе нужно было знать перед тем, что происходит с моей жизнью прямо сейчас.

— А что происходит с твоей жизнью прямо сейчас? — спрашивает она.

— Я трахаюсь с ним, — выпаливаю я. — Опять.

Она кашляет с набитым ртом, и ее глаза расширяются.

— Прости, что? — Тиффани сглатывает. — О чем ты говоришь?

— Он приехал сюда неожиданно, чтобы помочь мне со свадьбой Тедди. Он извинился. И Тедди с Бет подослали его, думая, что мне нужна помощь. Честно говоря, мне нравится, что он рядом.

— Ты имеешь в виду, когда его член рядом, — шутит она. — Как произошло, что он приехал сюда, чтобы помочь тебе, но оказался у тебя в штанах? Это кажется довольно большим скачком после того, что он сделал с тобой. Тем более что ты не из тех, кто позволяет другому человеку такие издевки.

— Да, ну, на самом деле у меня нет оправдания, кроме того, что он действительно секси, у него ноги в татушках, и он доставляет мне много оргазмов...

— Ну, тогда ладно. — Она смеется. — Рада за тебя. Тогда в чем проблема?

— Проблема в том, что предполагается, что это просто интрижка. Секс-приятели.

Друзья с выгодой, не знаю. Только на лето, пока он здесь, чтобы помочь мне со свадьбой... а потом он уедет. — Машу рукой в воздухе. — Но сегодня он, возможно, как бы упомянул, что мы могли бы продлить наше маленькое соглашение.

— О-о-о, — протягивает она, ее улыбка становится шире. — Теперь я понимаю.

— Понимаешь что?

— Ты влюбляешься в него.

— Нет. Нет, нет. — Я смеюсь. — Мы занимаемся этим всего около трех недель, и это была моя идея — оставить все без эмоций. Я сильная, независимая, взрослая женщина, Тифф. Я не буду влюбляться в Ноа Хардинга.

— О, хорошо, конечно, детка. — Она прищелкивает языком. — Так, значит, проблема в Ноа? Он подсел на тебя, но ты не подседа на него?

— Я не... он не... Тиффани, послушай меня. Это проблема. С какой стати, черт возьми, ему хотеть продолжать дружбу с привилегиями в обозримом будущем? Как это вообще будет? Мы просто будем встречаться в свободное время? И что будет, когда один из нас встретит другого человека? Или нам больше ни с кем нельзя? Зачем ему просить меня об этом?

— Ладно, успокойся. Я понимаю, что он причинил тебе боль много лет назад, но ты не знаешь, почему он взбесился. Я имею в виду, он только что сорвал вишенку с сестры своего лучшего друга. Кроме того, он извинился, и все это дерьмо произошло почти десять лет назад. Люди становятся старше и взрослеют. Знаешь, ты полностью отвергаешь возможность того, что он испытывает к тебе больше чувств, чем показывает.

Я начинаю перебивать ее и вставляю свои два цента, но она не слушает. Тиффани поднимает руку, чтобы остановить меня.

— Ты! Ты думала об этом в течение многих лет. Кто сказал, что он не хотел тебя и просто использовал эту маленькую возможность, которую ты ему дала, как способ сблизиться с тобой?

Я просто улыбаюсь и закатываю глаза. Не хочу спорить с ней по этому поводу. И, по правде говоря, если честно, мысль о том, что он делает все это, потому что, возможно, он чувствовал то же самое, что и я...

— Видишь? — спрашивает она, допивая свой напиток. — Ты думаешь об этом. Просто будь все как будет. Продолжай трахаться с ним. Хоть кто-то из нас занимается сексом. И посмотрим, к чему это приведет. — Она пожимает плечами. — Худшее, что может случиться, — это то, что он действительно захочет, чтобы это продлилось только на лето. И ты просто пойдешь дальше. Как ты и сказала, ты большая девочка.

Я вздыхаю и откидываюсь на спинку стула, потягивая свой напиток и любясь видом на океан.

— Просто пустить все на самотек, — говорю я вслух, в основном самой себе.

— Вот именно. — Тиффани заказывает еще два напитка, когда официант подходит проверить, как у нас дела, и как только их приносят, она полностью переключается на сплетни. — Ну давай, — она ухмыляется мне, устраиваясь поудобнее, — выкладывай подробности. Расскажи мне все обо всех непристойных вещах, которые вы двое вытворяли. Видит бог, мне нужно немного веселья в жизни.

Ноа

Она опаздывает.

Я не пытаюсь быть ревнивым парнем. Я определенно не такой. Знаю, что мы не вместе, и знаю, что она может позаботиться о себе. Но она сказала, что просто поужинает и выпьет со своей подругой Тиффани. И не похоже, что на этом маленьком захудалом острове есть рестораны, которые работают так поздно. Так что Милли либо мертва на обочине дороги, либо напилась где-нибудь в баре.

Мне действительно не нравится идея ни того, ни другого.

Если она в баре, я знаю, что найдутся парни, которые за ней приударят. И это пробуждает во мне что-то такое, чего я не ожидал почувствовать. После того времени, которое я провел с ней, то случайное влечение, которое всегда испытывал к ней, переросло во что-то более сильное. Я даже пытался затронуть эту тему сегодня, когда мы были в музыкальном магазине, но, судя по выражению ее лица, она не готова к такому разговору.

Даже мысль о продлении нашей маленькой сделки дольше, чем на лето, казалось, отталкивала ее.

А сейчас два часа ночи, и я не могу уснуть, потому что все, о чем могу думать, — это она. Поэтому решаю разыграть карту дружелюбного соседа по комнате и отправляю ей сообщение, спрашивая, все ли с ней в порядке и нужен ли ей водитель, чтобы забрать ее.

Милли: Бармен сказал, что отвезет меня домой.

Я громко смеюсь, всего лишь один громкий саркастический смешок. Потому что я ни за что на свете не позволю какому-то чуваку соблазнить ее.

У нас сделка. Я не делюсь.

Я: В каком баре ты находишься?

Милли: Лол, ревнуешь Ноа?

Я усмехаюсь.

Я: Милли. Скажи мне, в каком гребаном баре ты находишься.

Милли: Успокойся, пещерный человек. Я как раз по дороге в «Ром Раннерс». Скоро буду дома. Иди спать.

Я даже не утруждаю себя ответным сообщением, потому что я уже одной ногой за дверью. Мне требуется всего несколько минут, чтобы добраться до бара, и я, черт возьми, чуть не вбегаю внутрь, чтобы найти ее. Но Милли трудно не заметить, как только переступаю порог.

Потому что она танцует посреди зала, окруженная слишком большим количеством мужчин. Ее голова откинута назад, улыбка освещает всю чертову комнату, пока она двигает бедрами в такт музыке. Если бы обстоятельства сложились иначе, и она не была бы

окружена мужчинами, которых мне хотелось придушить, я бы пожалел, что у меня нет с собой фотоаппарата.

Милли выглядит прекрасно при слабом освещении, погруженная в музыку с закрытыми глазами и в обтягивающих джинсах, демонстрирующих те изгибы, к которым я так пристрастился. Черт, я хочу ее всю. И быть с ней дольше, чем на лето. Она моя. Я нутром чувствую, что она должна быть со мной.

Меня начинает не так сильно волновать, что ее брат, вероятно, убьет меня. Конечно, Тедди понял, если бы я просто объяснил все. Я знаю, что у меня не самая лучшая репутация, когда дело касается женщин. И он знает об этом все, потому что к нему я бежал, когда хотел похвастаться своими победами. Но я мог бы измениться ради нее. Я бы изменился ради нее. Я бы все исправил.

Делаю глубокий вдох, пытаюсь остудить свой пыл, проталкиваясь сквозь толпу, чтобы добраться до нее. Меня уже выгнали из одного места на этом острове, я бы не хотел полностью разрушать свою репутацию, вырубая всех, кто прикасался к ней сегодня вечером.

Ее глаза все еще закрыты, когда я подхожу к ней, одаривая всех парней вокруг нее взглядом, который заставляет их немедленно убраться восвояси. Я не вижу среди них ни одной девушки, так что предполагаю, что Тиффани ушла или занялась своими делами.

Медленно обнимаю ее за талию и притягиваю к своему телу. Алкоголь делает ее тело податливым по отношению к моему собственному. Милли пахнет как обычно — сладко, с легким привкусом пота, — и ее кожа такая теплая.

— Милли, — тихо говорю я ей на ухо.

— О, это ты, — поет она, открывая свои ярко-голубые глаза. Она смотрит на меня снизу вверх и еще сильнее прижимается ко мне. Большая часть моего гнева проходит, когда я вижу, как она счастлива, что я здесь. Возможно, она отрицает то, что есть между нами, перед собой и передо мной — отрицает, что это нечто большее, чем просто физическая связь, — но ее тело выдает ее тем, как оно расслабляется, когда я рядом.

— Это я, дорогая. — Целую ее волосы, затем висок, а затем щеку. Милли поворачивает голову, чтобы встретиться с моими губами своими, и целует меня долго и медленно, забыв о своем правиле не целоваться на публике. — Ты на вкус как текила.

— Я выпила много текилы, — подтверждает она, смеясь и целуя меня в последний раз.

— Где Тиффани?

— Она ушла несколько минут назад. Сказала, что ты прибежишь забрать меня вскоре после того, что я тебе написала. — Когда она хихикает, у нее вырывается икота. — Думаю, она была права насчет тебя. — Милли поворачивается в моих объятиях, и ее руки пробегают по моей спине под рубашкой.

— Что она сказала обо мне? — Я провожу руками по ее волосам и убираю их с шеи. Ее лицо покраснелось от жары и алкоголя, и я беспокоюсь, что в конечном итоге она заболит прежде, чем я смогу отвезти ее домой.

— Что ты попался на крючок! — восклицает Милли, смеясь, и отворачивается от меня.

Я хватаю ее за руку и тяну назад. Она влетает обратно в мое тело, и столкновение заставляет ее споткнуться, но я держу ее.

— У вас есть счет, который нужно закрыть?

— Тифф оплатила, — бормочет она мне в шею, прежде чем вдохнуть мой запах.

— Надеюсь, я хорошо пахну, — говорю я, вынося ее из бара. — Это был глубокий вдох.

Она молчит, пока мы идем через парковку к моему грузовику. Я предполагаю, что

Милли заснула, но когда открываю дверь, чтобы усадить ее на пассажирское сиденье, она поднимает голову.

— Ты всегда хорошо пахнешь. Думаю, может быть, я тоже немного подседа на тебя.

Сажая ее в грузовик, пристегиваю и целую в щеку.

— Я тоже подсел на тебя, Злючка. А теперь давай отвезем тебя домой?

Как только привожу ее домой, сажаю в душ, а затем надеваю удобную пижаму. Милли жадно выпивает стакан воды с небольшим количеством Адвила. Улыбается мне, когда я укладываю ее в постель.

— Оставайся здесь. Ты все равно попытаешься прокрасться позже.

— Это справедливое замечание, — говорю я ей, целуя ее в лоб. — Позволь мне сходить за одеялом с дивана, а потом я вернусь.

Я роюсь в своем чемодане в гостиной, пытаюсь найти пару чистых боксеров. Мне нужна стирка. Схватив любимое одеяло Энни, возвращаюсь в спальню, и меня встречают обе девочки, которые тихо похрапывают.

Я укрываю Энни, а затем как можно осторожнее забираюсь на кровать с другой стороны. Милли просыпается ровно настолько, чтобы перевернуться и оказаться в моих объятиях. Я мог бы привыкнуть к этому. Не к тому, чтобы находить ее пьяной баре в окружении других мужчин. А обнимашками перед сном — это здорово.

— Завтра у меня будет очень, очень сильное похмелье, — говорит она хриплым со сна голосом.

— Да, еще как.

— Может быть, мы сможем просто валяться и смотреть фильмы весь день. И заказать много еды. Тогда нам не придется готовить.

— По-моему, это звучит прекрасно, Миллс. Все, что ты захочешь.

Она вздыхает, прижимаясь ко мне еще крепче. Я целую ее в макушку. Мы погружаемся в тишину, наше дыхание и храп Энни — единственные звуки, наполняющие комнату.

— Тиффани была права? — внезапно спрашивает она, почти заставляя меня подпрыгнуть.

— По поводу чего?

— О том, что ты подсел на меня?

Милли смотрит на меня снизу вверх, темнота скрывает большую часть черт ее лица. Алкоголь придал ей смелости, потому что трезвая Милли ни за что не стала бы спрашивать меня об этом.

Я решаю сказать ей правду.

— Ты всегда меня привлекала, красотка.

Хотя я, возможно, не тосковал по ней каждый день, как влюбленный щенок, она всегда была в глубине моего сознания. Каждый раз, когда встречал кого-то нового, Милли витала рядом, заставляя меня всех сравнивать с ней. И каждый раз, когда я разговаривал с Тедди, разговор всегда возвращался к ней. Не то чтобы он много о ней болтал. Но я все равно спрашивал.

— Тогда почему ты ушел?

Все мое тело холодеет.

Я знаю, о чем она говорит. Но не знаю, смогу ли я ответить. Честно говоря, не знаю, есть ли у меня для нее ответ. Какого хрена я ушел той ночью? Боялся ли я Тедди? В ужасе был от того, что это значило для нее больше, чем для меня? Потому что, черт возьми, я бы никогда не переспал с ней, если бы знал, что она девственница.

Я был так молод. Не то что бы это оправдание, но я не был готов к своим чувствам по отношению к ней. Или каково это — быть внутри нее. Это был лучший секс, и мы все еще хороши в этом плане. Но эмоционально я был отсталым. Всегда был таким.

Похоже, сейчас все меняется.

Когда я собираюсь ответить, ее дыхание затихает, и я понимаю, что она спит.

Действительно большая часть меня надеется, что Милли забудет спросить об этом утром. Но я знаю, что рано или поздно мне придется на это ответить. Нам придется поговорить, иначе мы никогда не пройдем через это.

Я убираю прядь ее волос с лица и некоторое время смотрю, как она спит. Ее лицо такое нежное. Ее стены рушатся, и проявляется вся ее уязвимость. Милли выглядит моложе, больше похожа на ту, какой была в роковую ночь.

Переворачиваясь на спину, смотрю в потолок, раздумывая, стоит ли это того? Готов ли я к тому, чего она хочет от жизни? Милли не из тех девушек, с которыми можно только порезвиться. Несмотря на то, что ей нравится выставлять себя напоказ, как будто она теперь сильнее и старше, она все еще человек. Она все еще Милли.

Я действительно не хочу все испортить.

Могу ли я быть таким, как она хочет? Что ей нужно? Могу ли я быть тем парнем, который станет женихом, а потом мужем?

Улыбаюсь, когда думаю о том, если у нас будут дети, как мы будем бегать и играть с Энни на пляже. Мы бы все вместе путешествовали по ее работе и по моей, навещая Тедди на Западном побережье. Но мы все равно приезжали бы обратно сюда, в эту маленькую лачугу на берегу моря.

Да, я мог бы это сделать.

Если она позволит.

Ноа

Когда я просыпаюсь утром, она все еще крепко спит, отсыпаясь от похмелья. Поэтому я оставляю ее и встаю, чтобы позаботиться об Энни, покормить ее, а потом выпустить на улицу, Милли любит нежиться по утрам на веранде.

Возвращаясь в спальню со стаканом воды, вижу, что Милли все еще крепко спит, похрапывая. Я хватаю свою камеру, не желая пропустить этот момент и то, как красиво она выглядит в теплом утреннем свете. Ее кожа почти сияет, а веснушки видны во всей красе без скрывающего макияжа. Рыжие волосы падают на лицо, а рука прикрывает лоб.

Она выглядит чертовски сногшибательно.

И, кажется, я знаю идеальный способ разбудить ее.

Медленно и так тихо, как только могу, я опускаю камеру и возвращаюсь под одеяло. Пройшей ночью я надел на нее пижамные штаны, что немного усложнит задачу. Кажется, что это длится целую вечность, но я пока не хочу ее будить.

Как только я их снимаю, покрываю поцелуями нежную кожу каждого бедра, прежде чем мягко раздвинуть их. Мили немного шевелится, когда я, наконец, добираюсь до ее промежности, но мне удается запечатлеть несколько поцелуев, прежде чем она начинает стонать, а ее руки тянутся к моим волосам.

— Ноа, — блаженно вздыхает она, сбрасывая покрывала, чтобы посмотреть на меня.

— Доброе утро, детка, — говорю я, прежде чем вернуться к работе. Она такая влажная для меня, мой член пульсирует, прижимаясь к матрасу. Однако сегодня я намерен позаботиться только о ней.

Я использую кончик своего пальца, чтобы подразнить ее вход и увлажнить ее смазкой задницу. Надавливаю там, просто дразня, в то время как мой язык все ближе и ближе подводит ее к оргазму.

— Ноа, — говорит Милли предупреждающим тоном, когда я нажимаю немного сильнее.

— Ш-ш-ш, позволь мне доставить тебе удовольствие, — бормочу я ей в кожу.

Она хнычет, когда я прорываюсь и вхожу в нее только на одну фалангу. Останавливаюсь на этом, удерживая палец неподвижно, пока создаю ритм на ее клиторе, который, я знаю, сводит ее с ума. Я делаю несколько кругов, посасываю, а затем слегка покусываю. И продолжаю делать это снова и снова, пока она не начинает задыхаться, ее бедра сдавливают мою голову, а ее пальцы почти вырывают волосы у меня из головы.

Вот тогда я начинаю двигаться, проникая все дальше в нее, а затем вырываюсь, чтобы сделать это снова. Двигаюсь медленно, позволяя ее телу привыкнуть к ощущениям, в то же время удерживая ее на грани.

— Ноа, — шепчет она между стоном. Черт, мне нравится, как звучит мое имя на ее языке. — Ноа, пожалуйста.

— Тебе нравится, злючка?

— Черт возьми, да, — стонет она.

Я улыбаюсь ей, продолжая делать именно то, что ей нравится. Я полон решимости, чтобы Милли кончила, пока трахаю ее задницу своим пальцем. Ее звуки, ее вкус и то, как ее

тугая попка сжимает мой палец, приводят меня в неистовство. Я прижимаюсь бедрами к матрасу в такт своим толчкам внутри нее.

Я кончу в гребаные боксеры, но она сводит меня с ума, что мне все равно. Я просто хочу услышать, как она выкрикнет мое имя, когда ее тело, наконец, отпустит.

— Я сейчас кончу.

Я смотрю на нее снизу вверх, когда ее спина выгибается дугой, а идеальные сиськи задираются вверх. Ее ноги удерживают меня, а ее попка плотно пульсирует вокруг моего пальца. Вид слишком завораживающий, и я не могу остановиться. У моего тела свой собственный разум, поскольку оно продолжает извиваться на матрасе.

Еще через несколько толчков я кончаю... сильно.

Все мое тело напрягается от удовольствия, которое проносится по моему телу. Я стону и опускаю голову на ее бедро, когда кончаю. Мы оба тяжело дышим, и ее рука рассеянно проводит по моим волосам.

— Ноа, — наконец произносит она.

— Милли, — отвечаю я.

— Неужели ты... ты кончил?

— Да. — Я смеюсь. — Упс.

Она тоже смеется вместе со мной.

— В молодости я был бы сейчас унижен, — говорю я ей, поднимаясь по ее телу, чтобы поцеловать. — Но я теперь мужчина, и могу наслаждаться оргазмом с твоим вкусом на моем языке. — Снова целую ее. — Даже если из-за того, что я трахнул матрас в боксерах.

Милли хихикает, и от этого звука мое сердце раздувается до смешных размеров. Она выглядит так чертовски мило, когда ее носик сморщен от смеха, и немного краснеет от смущения.

— Лежи здесь в своем блаженстве после оргазма, — говорю я. — Я приведу себя в порядок, а потом приготовлю тебе завтрак. Выпей это. — Указываю на стакан с водой, скатываюсь с нее и направляюсь в ванную.

— Ты святой! — Милли стонет, переворачивается на другой бок и хватается стакан с водой, как будто это ее единственный спасательный круг. Проглатывает воду залпом, а затем падает обратно на кровать, накрывая все свое тело, даже голову, одеялом. — Блинчики, пожалуйста! — кричит она из-под одеяла.

— Хорошо, принцесса Миллисент. Позволь мне принять душ. Отдохни.

Она встречает меня на кухне, как только аромат кофе врывается в спальню. Энни сейчас внутри, лежит на полу у моих ног, пока я достаю все ингредиенты для блинчиков.

— Бекон или сосиски? — спрашиваю я Милли.

— Бекон.

Она переделалась из пижамы в одну из моих футболок. В последнее время предпочитает быть в моих футболках, которые ей слишком велики. И не буду врать, это раздувает мое эго. Мне нравится видеть ее в своей одежде.

— Спасибо за добрый утренний оргазм, — говорит она, прежде чем запрыгнуть на стойку рядом с тем местом, где я собираюсь готовить. Она делает глоток своего кофе и улыбается мне.

— Не за что, — я целую ее в нос и принимаюсь за работу.

— Итак, насчет прошлой ночи, — начинает Милли, кажется, немного не решаясь говорить об этом. Я, честно говоря, тоже. Не хочу говорить прямо сейчас. Утро началось так хорошо. Я не готов говорить о том дерьме, о котором она хотела поговорить прошлой ночью.

— А что такое? — спрашиваю я ее, выкладывая бекон на сковороду.

— Насколько я была плоха? — спрашивает она. Когда я поднимаю на нее взгляд, она избегает зрительного контакта, и все ее лицо свекольно-красное.

Я вопросительно смотрю на нее, потому что не знаю, к чему она клонит с этим вопросом, и не хочу напоминать ей о чем-то, чего она, возможно, не помнит.

— Я, э-э... ну, на самом деле я мало что помню. Я выпила много текилы. — Милли смеется, а затем морщится, потирая лоб.

Делаю пару шагов к ней и устраиваюсь между ее бедер, забираю ее стакан и ставлю рядом с ней. Беру ее лицо в свои ладони и целую. Она наклоняется ко мне, и поцелуй становится глубже.

— На самом деле, ты была очаровательна, — говорю я ей после того, как прерываю поцелуй. — Хотя, — продолжаю, возвращаясь к тому месту, где вся еда. — Ты заставила меня краснеть, когда я зашел за тобой в бар.

— Почему? — Она выглядит искренне смущенной, продолжая потягивать огромную чашку кофе.

— Ты танцевала с другими мужчинами. — Мой голос звучит немного грубее, чем я намеревался.

— Ой.

— Я был готов драться с каждым в том баре, кто смотрел на тебя. Особенно бармен, который так любезно сказал, что отвезет тебя домой. — Бросаю на нее взгляд, и у нее хватает порядочности выглядеть смущенной, что успокаивает мои раны.

— Я... я просто рассказала все Тиффани, а потом один напиток привел к другому, и внезапно мы оказались в баре, и, честно говоря, это все, что я помню. Пока не проснулась с тобой между бедер.

— Довольно отличный способ проснуться, не так ли? — Я подмигиваю ей, и она смеется.

— Все было в порядке, Милли. Для чего нужны друзья с привилегиями, если не для того, чтобы забирать твою пьяную задницу посреди ночи.

Ее плечи расслабляются.

Я тоже расслабился. Нам не обязательно говорить о прошлом... пока.

— И... моя одежда? Ты переделал меня?

— И помыл.

— Боже, это неловко, — говорит она, закатывая глаза. — Больше не пью в течение долгого, долгого времени. У меня такое чувство, что голова сейчас взорвется.

— Ну, прошлой ночью ты сказала, что хочешь валяться весь день и заказать еду. Все еще хочешь? Переждем твое похмелье и дадим тебе отдохнуть весь день.

— Это, честно говоря, звучит потрясающе.

Она вздыхает.

Я наклоняюсь и целую ее волосы. Если бы у комфорта был запах, это была бы вся Милли.

— Иди немного пообнимайся с Энни на диване. Я принесу завтрак, когда он будет

готов.

Она соскальзывает со стойки и обнимает меня сзади, ее голова на минуту ложится мне на спину. Это тихий момент, который мы разделяем вместе. Я провожу руками по ее предплечьям. Думаю, мы оба сейчас пытаемся многое сказать — вещи, которые ни один из нас не знает, как произнести вслух.

— Спасибо, Ноа.

Она отпускает меня, и я чувствую отсутствие ее тела, как недостающую конечность.

Вздыхаю и вытягиваю шею, когда она сидит на диване с Энни, они обе укрыты одним из старых одеял ее бабушки. Я наблюдаю за ними мгновение, пока Милли переключает каналы, пытаюсь найти что-нибудь хорошее для просмотра.

Вот что значит быть счастливым? Быть с кем-то рядом? Потому что, черт возьми, это приятно.

Но глубоко в моем животе все еще сидит семя беспокойства, потому что я не могу этого допустить, по крайней мере, до тех пор, пока мы должным образом не избавимся от того, что произошло между нами столько лет назад. Здесь мне нужно сделать выбор.

Я могу выложить все на кон, обсудив наше прошлое, должным образом извинившись и дав ей точно понять, чего я стою. Я могу попытаться все исправить. Наконец-то я могу попытаться заполучить то, что ускользало от меня все эти годы.

Или могу вернуться к тому, как все было. Уехать на Западное побережье и жить своей одинокой жизнью, не обращая внимания на то, как дерьмово я обращался с ней тогда, и пытаюсь игнорировать то, как дерьмово я все еще чувствую себя из-за этого каждый божий день.

Милли наклоняется вперед и целует Энни в макушку, потирая за уши.

— Милая малышка, — воркует она.

Я улыбаюсь и поворачиваюсь, чтобы вернуться к готовке. Я должен взять себя в руки и понять, что здесь делаю. Свадьба через месяц, и у меня должен быть план для Тедди. Потому что, если я хочу, чтобы у нас с Милли все получилось, Тедди тоже должен быть согласен с этим.

И кажется, что я правда хочу попытаться все исправить.

Я надеюсь, что она тоже.

Милли

— Приятно познакомиться! — говорю я другу Ноа, Роману, когда мы пожимаем руки.

Он высокий — очень высокий — с одним из самых добрых лиц, которые, мне кажется, я когда-либо видела. Его кожа темно-коричневого цвета, и он покрыт черными и серыми татуировками. Роман улыбается мне сверху вниз и тянет меня за руку, чтобы обнять, поднимая в воздух.

— Ноа так много рассказывал мне о тебе! — говорит он, крепко обнимая меня.

— Надеюсь, только хорошее? — спрашиваю я его, как только он ставит меня обратно.

— Восторженные отзывы, правда. — Роман подмигивает мне, а затем они с Ноа заключают друг друга в странные мальчишеские объятия, хлопают друг друга по спине с такой силой, что у меня от подобного разорвалось бы легкое.

— Скучал по тебе, приятель, — говорит ему Ноа, когда они отрываются друг от друга.

— И я, братан. Но рад быть здесь и помогать. Тедди сказал, что это великолепный остров, и он не врал. — Он поворачивается ко мне. — У тебя прекрасный дом. И этот частный доступ к пляжу? — Целует свои пальцы. — Белиссимо.

— Спасибо, — говорю я, смеясь. — Мы могли бы показать тебе окрестности, пока светло, а потом пойти поужинать?

— По-моему, звучит неплохо, — говорит он.

— Я донимал Милли, чтобы она отвела нас на пароход, потому что там лучшая еда на острове, — говорит Ноа, обнимая меня за плечи и притягивая к себе. — Но в прошлый раз, когда я там ударил ее бывшего, теперь меня могут не пустить.

Роман смеется.

— Всегда джентльмен.

Мы немного разговариваем, прогуливаясь по дому. Показываем ему разные места, которые Ноа выбрал для фотографий, а затем провожаем его на пляж. Я указываю, где все будет находиться, давая ему знать, где будет организована церемония и установлены палатки для приема.

Довольно сложно нарисовать картину того, как все будет выглядеть, когда есть лишь чистый холст, но я хотела, чтобы он был максимально осведомлен. Я слышала, что он потрясающий фотограф и от Ноа, и от Тедди. Но я хочу, чтобы все было идеально, и мой разум не даст мне покоя, пока я не укажу ему на каждую мелочь.

— Я хотел показать тебе свое портфолио, — говорит мне Роман, когда мы выходим на улицу. — Знаю, что Тедди и Ноа меня уговорили, но я бы хотел отнестись к этому как к любому другому клиенту. И это включает в себя доказательство того, что я, черт возьми, лучший фотограф на этом острове.

Ноа хватается за грудь, как будто оскорблен.

— Да, даже лучше, чем я.

Роман улыбается и хлопает его по спине.

— Тогда давайте зайдем внутрь. Честно говоря, хочу посидеть перед кондиционером, чтобы освежиться, прежде чем мы куда-нибудь пойдём.

Энни ждет нас у двери, ее хвост виляет так сильно, что вся ее задница ходит из стороны

в сторону. Мы все взволнованно разговариваем с ней, чтобы она поигралась, и как только дверь открывается, она выбегает поприветствовать нас, приносиваясь и облизываясь, пока мы гладим ее в знак приветствия.

— Этот дом принадлежал твоим бабушке и дедушке? — спрашивает меня Роман, когда мы заходим внутрь.

— Да. В детстве я проводила здесь много времени, и когда они оставили его нам с Тедди, я захотела жить здесь.

— Не могу представить, чтобы Тедди жил на Восточном побережье. — Смеется Роман.

— Вот именно. — Я улыбаюсь. — Не хочешь чего-нибудь выпить? У меня в холодильнике есть лимонад и фруктовая вода, и, кажется, у Ноа есть немного пива.

Когда я оборачиваюсь, он бросает на Ноа взгляд, который я не могу толком расшифровать. Но когда он ловит мой взгляд, то просто улыбается.

— Вода подойдет, спасибо.

Я наливаю нам всем по стакану воды, которая настаивалась весь день.

— Пойду приведу себя в порядок, а потом взглянем на твоё портфолио.

— Отлично, — говорит он, беря стакан.

Я протягиваю бокал Ноа, и когда его пальцы скользят по моей руке, у меня в груди порхают маленькие бабочки. На прошлой неделе так было часто, но теперь хуже, чем раньше. Я не просто волнуюсь в важные моменты. Теперь мое сердце трепещет, когда Ноа прикасается ко мне — как сейчас — или когда смотрит в мою сторону. Каждая мелочь, которую он делает, заставляет меня чувствовать себя более увлеченной.

После того, как я переодеваюсь в сухую одежду и подправляю макияж, возвращаюсь в гостиную. Но когда слышу, как они разговаривают вполголоса, ничего не могу с собой поделать. Уважительно ли подслушивать? Определенно нет. Но я все равно это сделаю. Особенно когда слышу, как в разговоре упоминают мое имя.

— Я никогда не видела тебя таким, Ноа. Милли обвела тебя вокруг пальца.

Ноа вздыхает.

— Мы с ней через многое прошли, Ром. Наша история сложная и... — Он делает паузу, и я пытаюсь перестать дышать. Беспokoюсь, что они меня услышали. — Я все испортил. У нас могло все сложиться хорошо ... у нас кое-что было, но я все испортил.

— По-моему, не похоже, что ты все испортил, чувак. Она смотрит на тебя со звездами в глазах.

Я закатываю глаза. Здорово. Приятно знать, что чувства написаны у меня на лице.

— Нет, она помнит. Ей все еще больно. Она изрядно напилась на прошлой неделе, и когда я забрал ее и привез домой, она спросила меня об этом.

— Черт.

— Но, наверное, она не помнит, что говорила.

О, я, черт побери, помню.

— Что ты сделал? Видимо, что-то плохое, если вы оба так долго держитесь за это.

— Я не хочу вдаваться в подробности. Это личное для нее. Но, по сути, я просто провернул типичный «трюк Ноа». Трахнул и свалил. Свалил нах*й сразу после сеска, — он стонет, и я представляю, как проводит пальцами по своим волосам, отчего мягкие каштановые пряди торчат во все стороны.

— Здорово, чувак, — говорит Роман с изрядной долей сарказма.

— Я был напуган. Она младшая сестра моего лучшего друга. Что, черт возьми, я бы

делал, если бы он узнал? И я все еще был ребенком. Не настолько зрелым, чтобы справиться с нашими чувствами в тот момент.

— Это не оправдание, Ноа, и ты это знаешь. Ты пытаешься придумать оправдание, которое заставит тебя не выглядеть плохим парнем. И ты знаешь, что я люблю тебя, но ты облажался. Если она и тогда смотрела на тебя так, как смотрит сейчас... ты облажался.

— Я пытаюсь это исправить, чувак. Клянусь, я пытаюсь исправить. Пытаюсь придумать, как с ней поговорить, как дать ей понять, насколько мне жаль, — Ноа снова стонет.

— И ты делаешь это, фактически живя здесь и трахая ее каждую ночь?

Ладно, хватит.

Я прочищаю горло и стараюсь производить как можно больше шума, пока прохожу остаток пути по коридору в гостиную. Я улыбаюсь им обоим, очевидно, пытаюсь доказать, что я не слушала весь этот разговор.

— Готов показать свои фотографии? — спрашиваю я Романа, присаживаясь рядом с ним.

Его теплая улыбка освещает всю чертову комнату. Любой девушке повезло, если бы у нее был такой мужчина. Я могу утверждать это за тот короткий промежуток времени, что я знаю, и за то, как Тедди и Ноа говорили о нем.

Может, мне стоит познакомить его с Тифф...

— Родился готовым, — говорит он, доставая свой iPad.

Его портфолио наполнено захватывающими дух фотографиями самых разных стилей. Все свадьбы, которые он фотографировал, получились великолепными, и следующие полчаса мы проводим, обсуждая проекты, которые у него есть на руках, чтобы показать. Он не лучше Ноа, но определенно так же хорош.

— Получу ли я знаменитую печать одобрения Милли? — спрашивает он, как только мы все обсудили.

— Печально известную, ты имеешь в виду? — Ноа шутит. Я протягиваю руку и толкаю его.

— Из-за тебя я кажусь какой-то помешанной на контроле, — говорю я ему, закатывая глаза, когда Ноа подмигивает мне в ответ. Гребаное подмигивание. И, да, вот эта гребаная ямочка. Я закатываю глаза и поворачиваюсь обратно к Роману, который наблюдает за нами со слишком большим интересом.

— Да. Ты получаешь огромную печать одобрения. Могу даже подарить тебе мемориальную доску, если хочешь.

— Можем отдать это ему после ужина? Я сейчас с голода умру, — жалуется Ноа, потирая живот и дуюсь на нас обоих.

— Ты такой драматичный, — говорю я ему. — Да, поехали. О, ничего, если моя подруга Тиффани присоединится? Она написала, что хочет потусоваться.

Я не очень хорошая лгунья. Знаю, что у меня плохо получается лгать, и Ноа тоже знает. Так что ему интересно, какого черта я лгу об этом сейчас, но расскажу ему позже. Мне нужно отправить сообщение Тиффани после того, как я получу согласие от этих двоих, и попросить ее встретиться с нами там.

Видишь потребность — удовлетворяй ее, как говорится.

— Да, конечно. Могу я воспользоваться твоей ванной, прежде чем мы уйдем?

Я говорю ему, куда идти, а затем быстро отправляю сообщение Тиффани, умоляя ее встретиться сегодня вечером. Просто чтобы забить последний гвоздь в крышку гроба, я

говорю ей, что уже сообщила обоим парням, что она там будет.

— Есть ли причина, по которой ты лжешь нашему другу? — спрашивает Ноа, обнимая меня за талию и притягивая к своему крепкому телу. Я вдыхаю его запах, который успокаивает даже после того, как я услышала, как он говорил с Романом обо мне.

— Разве они не будут мило смотреться вместе? — спрашиваю я Ноа, засовывая телефон в задний карман, чтобы на мгновение уделить ему все свое внимание. Он целует меня, и от этого у меня сводит пальцы на ногах. Я полностью наклоняюсь к нему, когда он слегка приподнимает меня над полом.

— Интриги и сватовство? — спрашивает он.

— Надеюсь, все хорошо сложится, — говорю я ему, целуя в последний раз, прежде чем высвободиться из его объятий.

Нам придется поговорить об этом. Я знаю. И он, очевидно, тоже. Но мы оба слишком боимся первыми поднять вопрос о том, что произошло. Может быть, мне придется снова выпить, чтобы набраться храбрости.

Нет, к черту. Пусть сам начинает. Это он причинил мне боль, а не наоборот. Я не должна прилагать усилия.

Ноа

Неудивительно, что Тиффани и Роман поладили. Я с интересом наблюдаю за ними, делая заметки о том, как Роман взаимодействует с ней, так что, возможно, смогу использовать что-то из этого себе на пользу.

Он всегда был самым зрелым в нашей компашке. Это не значит, что Тедди не такой, но подростком точно таким не был. Он был таким же игроком, как и я, может быть, даже хуже. Но как только встретил Бет, все было кончено. Я помню, как он вернулся с того свидания и сразу же сказал мне, что собирается «жениться на этой девушке».

Тогда мы посмеялись над этим, но посмотрите на него сейчас. Я улыбаюсь про себя и делаю глоток своего пива. Старшеклассник Тедди расхохотался бы до упаду, если бы мы сказали ему, что он остепенится.

— Чего улыбаешься? — спрашивает Милли, наклоняясь.

— Думал о том, каким бабником был твой брат в старшей школе.

— О, фу, Ноа. Я не хочу слушать это.

Роман смеется.

— Когда я встретил его в колледже, он уже немного остепенился с Бет, но, черт возьми... у него много прикольных историй.

— Мы говорим об одном и том же Тедди? Милый, восхитительный Тедди, который рассказывает анекдоты? — в шоке говорит Тиффани, и я бы тоже был в шоке, если бы не знал его в детстве.

— Слишком много раз мне приходилось развлекать эту девчонку, пока Тедди разговаривал с какой-нибудь девушкой на вечеринке или уводил ее наверх. — Я толкаю Милли в плечо, и она съеживается.

— Отвратительно, Ноа. Но приятно знать, что мы тусовались именно поэтому, а не потому, что тебе нравилось мое общество. — Милли закатывает глаза, и хотя двум другим людям за столом это маленькое действие может показаться саркастичным или в шутку, я знаю мою Милли. И вижу, что разозлил ее.

— Так вы двое выросли вместе? — спрашивает Тиффани, снимая внезапное напряжение.

Я знаю, она в курсе всего. Не может быть, чтобы они тусовались той ночью, выпили столько и не говорили о том, что происходит между нами. Но мне не помешало бы отвлечься, поэтому я подыгрываю.

— Да. Я знаю Милли с тех пор, как ей было... сколько? Пять?

Она опускается на спинку и закидывает ноги на мои бедра, прежде чем кивнуть и сделать глоток своей колы. Сейчас больше никакого алкоголя. Я думаю, у нее остались шрамы от той ночи.

— Она всегда болталась со мной и Тедди. Бегала все лето со своими косичками и веснушками. — Провожу пальцами по ее голени маленькими кругами под столом, и не упускаю улыбку Тиффани, когда она видит. Может быть, она болеет за меня.

— Тедди не хотел, чтобы я была с вами, — говорит Милли. — Однажды вы потеряли меня, когда мы играли в прятки с другими детьми по соседству.

— Ничего подобного!

— Было, было! — Милли смеется. — Я была еще слишком мала, не понимала, что мальчики могут быть придурками. Вы оба отправили меня в укромное место, сказав, что это лучшее место, и что вернетесь и заберете меня, а я сидела там целый час, ожидая, когда вы, придурки, вернетесь.

Все смеются над ее историей. Мы правда так делали? Черт, я не помню. Хотя, похоже на меня.

— Но ты все равно приглашал меня на все свои вечера фильмов, — говорит она, улыбаясь мне, как будто сейчас наслаждается воспоминаниями. — И у тебя дома всегда был мой любимый попкорн, посыпанный шоколадной крошкой, теплый, чтобы все растаяло.

Ее любимая закуска. Соленый, очень маслянистый попкорн с растопленной шоколадной крошкой. Милли до сих пор ест его примерно раз в неделю, и запах всегда напоминает мне о наших вечерах. Я всегда старался, чтобы у нее было место на диване рядом со мной, а не с братом. Даже когда мне было десять, я был немного влюблен в нее. А когда стали подростками... эх.

Мне приходилось ежедневно напоминать себе, что она была младшей сестрой моего лучшего друга, а не просто очередной девушкой, в которую мне было позволено влюбиться. Хотя определенно были моменты, когда я думал о том, чтобы сказать «к черту все» и пойти на это. Что, очевидно, я и сделал, как только ей исполнилось восемнадцать. И сейчас опять...

Черт.

— Я чувствую себя, как слон в комнате, — внезапно говорит Тиффани. Замечаю, как вся краска отливает от лица Милли. — Очевидно, что у вас двоих, — она указывает пальцем между нами двумя, — сейчас происходит что-то особенное. А Тедди что думает по этому поводу?

Роман раздражается смехом, и это так громко, что окружающие столики оборачиваются в нашу сторону.

— Смелая, — говорит он между смехом, обнимая Тиффани за плечи. Она краснеет, но наклоняется к нему. — Мне нравится.

— Он не знает. И ты в курсе этого, — говорит Милли сквозь стиснутые зубы. Вся ее грудь, шея и лицо расцвели самым красивым розовым цветом. Она убирает ноги с моих и начинает отодвигаться все дальше от меня. Но Милли так легко не отделается.

— Теперь-то мы на виду, Миллис, — говорю я ей, заключая ее в свои объятия и притягивая к себе. Я целую ее в макушку, и она стонет.

— Кажется, мне действительно нужно выпить, — бормочет она и вырывается из моих объятий. — Он не знает. И он ничего не узнает. — Она поднимает руки вверх, как будто больше никаких обсуждений по этому поводу. Но мне не нравится этот ответ, потому что это означает, что она не смотрит в будущее. У нее есть ограничение по времени.

Мне это не нравится.

— Я думаю, вы оба забываете, что Тедди — взрослый человек, — говорит Тиффани нам обоим.

— Я думаю, все забывают, что Тедди чертовски заботится о своей младшей сестре. Я слышал, как он говорит о тебе, Милли. Ноа лучше серьезно подготовиться, если вы все решите, что это будет продолжаться.

— Спасибо, Роман, — саркастически говорю я, закатывая глаза и допивая остатки

своего пива. — Следующие напитки за мой счет, если вы пообещаете сменить тему.

Они смеются, но соглашаются.

Я направляюсь к бару и замечаю, что Милли следует за мной. Но вместо того, чтобы присоединиться ко мне, она направляется в уборную. Я ничего не могу с собой поделаться. Следую за ней.

Она входит, и я жду минуту, чтобы посмотреть, выйдет ли кто-нибудь еще. Никого нет, я вхожу внутрь. Не вижу никаких других ног ни под одной кабинкой, и моя девушка стоит одна у раковин. Я запираю дверь ванной и подхожу к ней. Милли просто закатывает глаза, когда видит меня.

— Чем тебе помочь? — Она пытается, чтобы ее голос звучал раздраженно, но я знаю лучше. Ее глаза налиты кровью, в ее голосе слышится дрожь.

Я встаю позади нее и поворачиваю ее так, чтобы притянуть ее к себе для объятий.

— Что случилось, принцесса? — Провожу пальцами по мягким волнам ее волос, когда она обхватывает руками мой торс. Приятно сознавать, что она позволяет мне немного утешить ее.

— Просто слишком много всего. Я беспокоюсь обо всем. И если Тедди узнает, боюсь, что он может убить тебя. — Милли тихо смеется, уткнувшись мне в грудь.

Я вздыхаю и целую ее в макушку. Она не говорила со мной о том, как отреагировал бы Тедди, если бы узнал.

— Все будет хорошо, Милли. — Пытаюсь успокоить ее, но, честно говоря, не знаю, что делать. Мы оба на неизведанной территории, и у меня нет ответов, в которых она нуждается.

Милли смотрит на меня, прося поцелуя, и я даю ей его. Он быстро углубляется, ее руки двигаются, чтобы обвиться вокруг моей шеи, а мои руки движутся вниз, чтобы схватить ее за задницу. Черт, я люблю ее задницу. Мне нравятся все ее изгибы. Честно говоря, ее тело просто создано для меня.

Стук в дверь заставляет нас разлететься в разные стороны.

— Я видела, как вы оба вошли сюда! — Тиффани зовет через дверь. Милли раздражается смехом и прикрывает рот рукой. — Я люблю и уважаю свою подругу, и не позволяю ей трахаться в грязном туалете бара!

Я оглядываюсь вокруг и понимаю, что она действительно права. Здесь довольно скверно пахнет, раковины покрыты грязью, а на зеркалах повсюду отпечатки ладоней и брызги воды.

— Мы скоро! — Милли кричит в ответ.

— Надеюсь, ты имеешь в виду, что скоро выйдешь из туалета, а не то, что ты скоро кончишь на его длинный, толстый...

Как раз перед тем, как Тиффани произносит последнее слово, Милли бежит на звук ее голоса и рывком открывает дверь, закрывая рот подруге. Я просто смеюсь и наблюдаю за ними, пока Тиффани притворяется, что все еще пытается выкрикнуть последнее слово, чтобы его услышали все в баре.

— Пошлите за напитками? — спрашиваю я их обоих, пытаюсь вытолкать за дверь, чтобы меня не застукали в женском туалете.

Они обе смягчаются, пытаюсь отдышаться от громкого смеха. Я прогоняю их обратно к столу и иду в бар, где Тайлер снова работает сегодня вечером.

— Вижу, тебе разрешили зайти сюда.

— Я был удивлен, что они смягчились. Думаю, девочки показали свои щенячьи глазки.

Он смеется.

— Ну и Брэндон, как известно, ведет себя как мудака, когда выпивает слишком много за одну ночь. Уверен, что они все очень хорошо знакомы с тем дерьмом, которое он наговорил.

— Могу я спросить, как они с Милли сошлись? Я знаю ее с детства, и она никогда не позволяла к себе такое отношение.

Он вздыхает, когда делает наш заказ на выпивку.

— Не знаю, чувак. Я знаю ее только то время, пока она живет здесь, а Брэндона со школы, он был придурковатым квотербеком. Просто в нем есть что-то особенное. Он довольно хорошо скрывает, кто есть на самом деле, когда хочет чего-то добиться.

Я киваю и даю ему наличные, чтобы заплатить за напитки.

— Однако, что я знаю о Милли, — говорит он, прежде чем я уйду. — Она хорошая девушка. Вложилась в этот остров, заполнив пустоту, которую оставила после себя ее бабушка. Она всегда готова добровольно участвовать в общественных мероприятиях и обязательно проводит время с друзьями своей бабушки. Она заслуживала гораздо лучшего, чем Брэндон. И если ты намного лучше, тогда здорово. Но я не хочу больше видеть, как ей больно, ясно, чувак?

Я киваю.

— Я тоже, — говорю я ему.

Это правда. Не хочу быть тем парнем, который причинит ей боль. Снова.

Милли

— Я говорил тебе, что это ужасное бикини, — говорит Ноа, загоняя меня внутрь. Энни следует за нами по пятам, вбегая в комнату с кондиционером, спасаясь от летней жары. Я смеюсь и пытаюсь войти внутрь, не споткнувшись о собаку.

Мы провели целый день на пляже после долгой недели, когда он ездил на работу, а я в перерывах между своей повседневной работой помогала гостям со свадьбы обустроить жилье. Ноа пообещал вместе отдохнуть в выходные и не подвел. Но когда я вышла в этом маленьком бикини, то подумала, что его глаза вот-вот выскочат из орбит.

И он весь день не мог отвести от меня взгляда.

Я кричу, когда он ловит меня, прижимая к стене в коридоре. Ноа уже тверд, его член упирается в изгиб моей задницы, когда он поднимает мои руки над головой. Я стону и снова толкаюсь в него.

— Грязная маленькая шлюшка, — стонет он мне на ухо, кусая за мочку. — Ты напрашиваешься на мой член, да, принцесса? — Он снова толкается в меня для пущей убедительности, и я не могу сдержать стон.

Ноа тихо смеется мне в ухо, пока держит меня за руки одной рукой, другая его рука скользит вниз по моему телу, воспаляя кожу везде, где прикасается. Он не торопится, стараясь попасть в каждое место, которое сводит меня с ума. Когда, наконец, добирается до трусиков, его рука перемещается к моей заднице и сильно ее щупает.

— Сегодня это будет моим.

Когда он это говорит, мое тело переполняют противоречивые эмоции, но главная из них — возбуждение. Меня заводит мысль о том, что Ноа претендует на ту часть меня, которой больше ни у кого никогда не было. И думаю, для него тоже приятно быть моим первым и в этом смысле...

— Кто-нибудь еще был здесь, Милли?

— Нет, — шепчу я, когда он стягивает мои трусики с задницы и спускает их вниз по бедрам.

— Хорошо. Я буду двигаться медленно, детка, — бормочет он мне в шею, оставляя дорожку поцелуев на месте пульса.

Внезапно разворачивает меня и целует, подхватывает на руки и несет в спальню. Когда бросает меня на кровать, я быстро двигаюсь, чтобы стянуть свои и его плавки вниз, его член свободно болтается.

У него правда офигенный член. Он тяжелый, когда я сжимаю его в ладони и провожу языком по щели, откуда выходят бусинки смазки. Ноа вздыхает, и его бедра слегка приподнимаются. Я позволяю его головке скользнуть мимо моих губ и втягиваю его в рот, пока он не достигает задней стенки моего горла. Подавляю рефлекс и продолжаю.

Мой нос касается его лобковых волос, и стон, который вырывается из его рта, доносится прямо до моей киски. Я сосу несколько минут, наслаждаясь его вкусом и ощущением на языке.

— Милли, — стонет Ноа через некоторое время. — Я кончу тебе в рот, если ты будешь продолжать в том же духе.

Я улыбаюсь, отрываясь от него с хлюпаньем.

Достав из ящика презерватив, разрываю зубами маленькую серебристую упаковку.

— Кажется, я еще не показывала тебе этот маленький трюк, — говорю я ему, снова наклоняясь.

Надев презерватив на его кончик, я губами и языком прижимаюсь к его члену. Его хватка за мои волосы почти болезненна, на глаза наворачиваются слезы. Но мне все равно, потому что боль смешивается с удовольствием, моя киска пульсирует и сочится для него. И стоны и вздохи, которые он издает, наблюдая за мной, лучшее, что я когда-либо слышала.

Как только заканчиваю, Ноа хватает меня и переворачивает, прижимая к матрасу весом своего тела. Его член прижимается к моему входу и легко проскальзывает внутрь. Я настолько мокрая, что, даже учитывая его размер, мне достаточно одного движения бедрами, и он погружается внутрь до конца.

— О, как хорошо, — говорю я ему, улыбаясь, закрываю глаза и позволяю ему задавать ритм.

— Я заставлю тебя кончить вот так, — говорит он, входя в меня в восхитительном темпе, от которого поджимаются пальцы на ногах. — А потом заставлю тебя кончить снова с моим членом в твоей заднице.

— Черт, Ноа, — стону я, его слова пробуждают что-то внутри меня. Я никогда не думала, что буду девушкой, которая в восторге от анала, но с Ноа я в восторге от чего угодно.

Он большим пальцем играет с моим клитором, и я чувствую, что оргазм уже нарастает. Электричество распространяется по моему телу, вызывая мурашки по коже. Я уже близко. И чем больше его большой палец обводит мой клитор, тем быстрее он нарастает. Через несколько секунд я выкрикиваю его имя, и все мое тело напрягается от удовольствия.

На мгновение я вижу звезды, прежде чем вернуться в свое тело. И вот Ноа, все еще между моих ног, все еще внутри меня, но смотрит на меня сверху вниз так, словно я самое прекрасное, что он когда-либо видел. Я улыбаюсь ему, и он наклоняется надо мной, чтобы одарить самым нежным и сладким поцелуем, прежде чем перевернуть меня на живот, как тряпичную куклу.

— Смазка? — спрашивает он, сжимая мою попку и дразня меня, раздвигая большими пальцами. Это небольшое растяжение творит с моим влагалищем самые разные вещи.

— Тот же ящик, — стону я, приподнимая свою задницу вверх.

Он шлепает по ней.

— Нетерпеливая девчонка.

Следующее, что я чувствую, — это как смазка разливается по моим булочкам. Затем он медленно начинает проталкивать кончик одного пальца внутрь меня. Это обжигает, и мне трудно позволить себе расслабиться. В данный момент это кажется чужеродным и не очень приятным. Но я пытаюсь напомнить своему телу, каково ощущать его член внутри себя.

— Расслабься ради меня, Злючка. Я буду нежен, и тебе это понравится. — Его свободная рука тянется к моему клитору и начинает играть с ним. Мое тело почти мгновенно расслабляется, позволяя его пальцу скользнуть глубже.

— Хорошая девочка, — мурлычет он, медленно вытаскивая член из вагины, а затем вводя два пальца в задницу. — Нужно немного размять тебя, детка. Не хочу причинять тебе боль своим членом. Хочу, чтобы твое тело расслабилось и впустило меня. Дыши.

Ноа знакомит меня с каждым ощущением, напоминая мне дышать и позволить своему телу подчиниться ему. Он как будто уводит меня в некое подпространство, давая знать, что я

в безопасности, что он не сделает ничего плохого и не сделает ничего такого, чего я бы не хотела.

Как только оба пальца оказываются внутри меня, мое тело реагирует восхитительным образом. Соски затвердели и трутся о мягкую ткань одеяла. Моя киска горит от потребности в еще одном оргазме. Мое тело желает этого, но я хочу, чтобы он был внутри меня. Я хочу знать, каково ощущать его первым.

— Я хочу, чтобы ты был внутри меня, Ноа, — говорю я в перерывах между выдохами.

— Я нужен тебе, милая? — спрашивает он. — Твое тело хочет, чтобы мой член был внутри? Заставлял тебя кончать, растягивая твою задницу? Маленькая шлюшка, — Ноа стонет. — Ты не можешь насытиться, да?

Черт, я могла бы кончить только от его слов.

Он вытаскивает свои пальцы из моей задницы, и я слышу, как добавляет еще смазки. Я поворачиваю голову, чтобы посмотреть, как он смазывает себя. Мне нравится смотреть, как Ноа трогает себя. Есть что-то такое эротичное в том, чтобы наблюдать друг за другом, когда мы доставляем себе удовольствие.

Я продолжаю наблюдать, пока он не наклоняется вперед и не поднимает меня на колени, так что я оказываюсь лицом вниз и задницей вверх. Головка его члена упирается в мою попку. На ощущение она намного больше, чем его пальцы, и я знаю, как бы медленно он ни двигался, все равно будет больно.

— Хорошо, милая. Ты готова принять меня?

Я киваю в одеяло и сжимаю его в кулаке, готовясь.

— Нет, нет, — говорит он, проводя ладонями вверх и вниз по моей спине. — Мне нужно это услышать, Милли. Мне нужно услышать, как ты скажешь «да».

— Да, я готова, — хнычу я, слегка покачивая задницей.

— Ты идеально подходишь мне, Милли, — говорит он, начиная проталкивать кончик своего члена внутрь меня.

Это обжигает. Так сильно жжет. Но слова, которые он только что произнес, проносятся у меня в голове и вызывают вихрь эмоций.

Я идеально подхожу ему.

— Так идеально, — повторяет он, разрывая плотное кольцо, и головка его члена проскальзывает внутрь меня.

— Ооох, — стону я. — Черт, это так приятно, Ноа.

— Ты чертовски тугая, Милли. Я долго не продержусь.

Я чувствую, как мое тело пульсирует вокруг него, заставляя его снова застонать. Я улыбаюсь в простыни, зная, что он едва может удержаться из-за меня. И то, что я с ним делаю, так заводит. Сделав несколько глубоких вдохов, мое тело расслабляется, и он погружается в меня еще на несколько дюймов. Внутри еще горит, но когда я опускаю руку под свое тело, чтобы поиграть с клитором, это жжение превращается в удовольствие.

— Ты играешь сама с собой, милая? — спрашивает Ноа, толкаясь и погружаясь до конца. Я растягиваюсь вокруг него и вскрикиваю, когда оргазм обрушивается на меня без предупреждения. Мои мышцы сжимаются и трепещут вокруг него.

Но это его не останавливает. Он так близок к своему собственному освобождению, что начинает трахать меня. Его толчки медленные и равномерные, но постоянное движение притягивает меня в еще один оргазм, из-за чего становится трудно дышать.

— Я сейчас кончу, — выдавливает он, его толчки становятся неровными и более

быстрыми. Теперь, когда он ускорил темп, мне немного больно, но я заставляю свое тело расслабиться, потому что хочу этого. Я хочу быть лучшей для него.

Я хочу быть идеальной.

— Милли, — стонет он, его тело изгибается, когда я чувствую, как его член набухает внутри меня.

Как только Ноа успокаивается, то очень медленно выходит и сразу же притягивает меня к себе. Он баюкает меня так, словно я драгоценна и любима. Это проникает прямо в мое сердце, и я должна остановить себя, не позволить этой части меня открыться ему. Я воздвигаю стены и запираю эти эмоции.

— Ладно, на самом деле это было чертовски приятно, — говорю я, желая отвлечься от того, что я чувствую.

Он целует меня везде, куда может дотянуться, а его руки крепко прижимают меня к своему потному телу.

— Идеальная, потрясающая женщина, — бормочет он, продолжая целовать меня всю.

Я щекочу его предплечья ногтями, наслаждаясь маленькими мурашками, которые пробегают по ним. С каждой минутой его дыхание становится тяжелее, и я чувствую, что мои глаза тоже изо всех сил стараются не закрыться

— Я устал, — его голос полон сна, и я улыбаюсь. В последнее время все, что связано с Ноа, вызывает у меня улыбку.

Опасная концепция.

— Иди спать, — шепчу я.

Ноа протягивает руку между нами, теребя что-то. Я не понимаю, что это, пока он не бросает презерватив, и мокрый звук эхом отскакивает от деревянного пола.

— Прелестно. Моя твердая древесина благодарит тебя за это, — говорю я саркастически.

— Моя твердая древесина благодарит тебя за это, — шутит он, шлепая меня по заднице.

Я ничего не могу с собой поделать, раздражаюсь смехом и шлепаю его в ответ.

Вечно со своими глупыми шутками. Всегда заставляет меня смеяться. Всегда заставляет меня улыбаться. Всегда заставляет меня чувствовать себя особенной.

Всегда, всегда, всегда.

Бл*дь. Я по уши в дерьме. Может быть, я еще недостаточно повзрослела для подобного.

Милли

Я лежала здесь, прислушиваясь к тяжелому дыханию Ноа, пока он спал, пытаюсь позволить ему усыпить мою тревогу. Но на самом деле это мало что дает. Я не могла перестать думать о разговоре, который подслушала между ним и Романом в прошлые выходные.

Я не могу больше сдерживаться. Мы похоронили то, что произошло между нами, единственным извинением. И хотя я не хочу отказываться от извинений, которые он мне принес, мне нужно нечто большее. Мне нужно выговориться и получить ответы на то, почему это произошло.

— Ты очень напряженно думаешь, — говорит он хриплым ото сна голосом. Ноа крепко прижимает меня к себе, и мне приходится бороться с желанием заплакать. Я не знаю, почему так переживаю из-за этого. Я думала, что достаточно исцелилась и дистанцировалась, но, судя по моей реакции, это не так. Я не хочу, чтобы это на меня влияло, но ничего не могу с собой поделать.

— Ноа, — начинаю я. — Мне нужно тебя кое о чем спросить.

Я чувствую, как напрягаются его мышцы.

— Спрашивай, Миллс. — Он целует меня в затылок, и я делаю глубокий вдох.

— Почему ты оставил меня в ту ночь?

Я переворачиваюсь, чтобы посмотреть ему в лицо. В его чертах так много эмоций, что их трудно распознать. Но я наблюдаю за ним, пока он пытается подобрать слова, и даю ему время, в котором Ноа нуждается, потому что в этом разговоре мы нуждались с тех пор, как он вернулся в мою жизнь.

— Я не знаю, — наконец говорит он со вздохом.

Не знаю, чего я ожидала, но точно не это. Он не знает? Он, бл*дь, не знает? Что это за ответ такой? У него были годы, чтобы подумать об этом и понять, какого черта он оставил меня лежать на диване, все еще липкую от его пота и спермы, с разбитым сердцем.

— Ты не знаешь? — мне удастся прийти в себя.

Ноа вздыхает, как будто разочарован тем, что этот разговор вообще происходит. Я думала, что все будет не так. То, как он говорил обо мне Роману, навело на мысль, что, возможно, он уже достаточно взрослый, чтобы начать дискуссию сейчас. Он дал понять, что уважает меня больше, чем раньше.

— Ох, прости, — говорю я, невесело смеясь. — Я раздражаю тебя такими расспросами?

Я сажусь и отталкиваюсь от него. Чувствую, как мои эмоции поднимаются на поверхность, гнев вырывается наружу.

— Я тебя бешу?

— Нет, Милли, просто... подожди секунду, пожалуйста, — говорит он, садясь на край кровати и проводя руками по волосам.

— О, что ты, не торопись. Я ждала объяснений всего девять лет. — Боже, мой голос звучит язвительно. Но я ничего не могу с собой поделать. Я думала, что после всего, через что мы прошли вместе этим летом, он сможет сформулировать, что произошло, и дать мне какой-то ответ.

— Милли, — стонет он, глядя на меня, — ты хочешь услышать то, чего я не могу тебе сказать.

— И что бы это могло быть?

— Ты хочешь получить ответ, который даст тебе завершение. Ты хочешь услышать, что меня убило то, что я ушел от тебя той ночью. Ты хочешь, чтобы я придумал какое-нибудь оправдание, которое все исправит. И я, черт возьми, не могу дать тебе этого!

Я усмехаюсь, пытаюсь скрыть тот факт, что я примерно в пяти секундах от полного срыва. Подтягиваю колени к груди и обхватываю их руками, стараясь физически защитить себя от боли, которая грядет.

— Я должна была знать лучше, — шепчу я. — Я должна была знать, что твое появление на острове и на моем гребаном пороге не приведет ни к чему, кроме сердечной боли и разочарования.

— Милли, это нечестно. — Его голос дрожит с каждым словом, но мне нужно стоять на своем.

— Знаешь, что нечестно, Ноа? Ты извиняешься передо мной так, словно это нужно только мне. Ты заставил меня повестись на это глупое извинение и твою глупую улыбку. Ты заставил меня влюбиться в тебя снова, это нечестно, Ноа. Это так несправедливо.

— Я тебя ни к чему не принуждал, Милли. Если правильно помню, это ты набросилась на меня той ночью на кухне. Я мирно спал на диване, и тут вваливаешься ты со своими растрепанными ото сна волосами и предложениями о летней интрижке.

Я смотрю на него, моя челюсть отвисает, а глаза щиплет от слез. Он бросил это мне в лицо с такой силой, что я будто почувствовала пощечину.

— Это ты сказала, верно, Милли? Просто интрижка. Никаких эмоций. Никаких привязанностей. Никаких чувств. Просто секс. Это то, о чем ты просила.

— Боже, кто ты такой, Ноа? Кто этот мужчина-ребенок, сидящий передо мной? У нас все было хорошо. Мы смеялись, шутили и ладили последние шесть недель, и вдруг ты превращаешься в подростка, и все потому, что я задала тебе один вопрос.

— Ты не просто задала мне один вопрос, Милли. Ты задала мне вопрос, на который, как ты знаешь, у меня нет ответа. Я был пьян в ту ночь, а ты просто была... там. Ты улыбалась мне и лежала на мне, а потом я не смог остановиться, я трахнул сестру-девственницу моего лучшего друга.

— Ты ведешь себя подло без всякой гребаной причины, Ноа. Я слышала, как ты разговаривал с Романом на прошлой неделе. Я знаю, той ночью ты почувствовал что-то такое, что тебя напугало. И я слышала, как ты сказал ему, что пытаешься исправить все, что произошло между нами. — Мой голос срывается от эмоций, и слезы начинают капать. Я вытираю их, и Ноа съеживается. — Так зачем же ты роешь яму глубже, когда я просто пытаюсь дать тебе способ начать процесс исцеления для нас обоих?

Ноа встает, и я боюсь, что он сейчас порвет на себе волосы, потому что так сильно их тянет, но затем снова поворачивается ко мне лицом. Оно искажено гневом, а кожа покраснела от злости.

Я никогда не была объектом гнева Ноа. Я видела это раньше. Он избил парня в старшей школе за то, что тот издевался надо мной. И однажды по-настоящему разозлился на своего отца на глазах у нас с Тедди. И потом, недавно был случай, когда он ударил Брэндона. Но я никогда не думала, что хоть часть этого гнева может быть направлена — или будет направлена — на меня. Он всегда относился ко мне с уважением и добротой. Так что я не

знаю, откуда все это берется.

— Милли, я был слишком, бл*дь, молод для того, чего ты хотела от меня той ночью, ясно? Когда все было сделано, и я посмотрел на тебя сверху вниз, я увидел в твоих глазах все, что ты пыталась скрыть от меня с тех пор, как тебе исполнилось десять.

Теперь моя очередь краснеть. Потому что я думала, что проделала достойную работу, скрывая тот факт, что была влюблена в него почти всю свою жизнь.

— Я не был готов к этому, Милли. У меня был эмоциональный диапазон дождевого червя. И ты смотрела на меня так, словно я принес луну. Ты смотрела на меня так, словно я был единственным, что существовало для тебя в тот момент. И я никогда не испытывал ничего подобного. Я никогда не знал, каково это — когда на тебя так смотрят.

— И ты не мог просто поговорить со мной? — я почти кричу на него. — Ты не мог просто найти гребаный момент и сказать мне, что у тебя на уме? Я бы справилась, Ноа. Я больше не была ребенком. И мой брат тоже. Он бы выслушал нас.

— Вот тут ты ошибаешься, Милли. — Его смех злой и издевательский. — Ты лжешь себе, если думаешь, что смогла бы справиться с моим отказом в тот момент, потому что нет никакого гребаного способа. Ни за что. Ты не была готова к сексу и определенно не была готова к разбитому сердцу. И, в самом деле? Ты думаешь, что двадцатилетний Тедди был бы не против, если бы его лучший друг лишил девственности его сестру? — Он смеется.

— О, но ты все равно разбил мне сердце, да, Ноа? — теперь я точно кричу. — После того, как я сказала тебе, что девственница, ты промолчал. Ты оделся и вышел через парадную дверь. Ты так и не вернулся в ту ночь. Ты просто ушел из моей жизни, как будто я была чем-то незапоминающимся. Как будто я ничего для тебя не значила. — Я подавляю рыдание. — Как будто мы даже не были друзьями!

— Милли, — он вздыхает, подходит к кровати и садится передо мной. Ноа протягивает руку, чтобы дотронуться до меня, но я отдергиваюсь, отползая от него.

— Нет, ты не имеешь права прикасаться ко мне. Ты не можешь утешать меня или пытаться отговорить. Ты можешь пытаться убедить себя, что я ничего не значила для тебя, Ноа. Но я была, по крайней мере, твоим другом. Нельзя так обращаться со своими друзьями.

— Милли...

Он замолкает, когда боль распространяется по его лицу. Я жду, что он скажет что-нибудь — что угодно, — чтобы это прекратить. Я ругаю себя за то, что вообще заговорила об этом. Почему я просто не оставила это до свадьбы? Теперь еще две недели мучиться с ним здесь. Черт, он живет в моем чертовом доме.

— Той ночью ты кое-что отнял у меня, Ноа. И я поклялась себе, что никогда больше не позволю тебе ничего у меня отнять. — Я смеюсь. — Но вот мы здесь. Наверное, я такая же слабая, какой была тогда, и поддаюсь на каждую ложь, слетающую с твоих прелестных уст.

— Я не шутил, когда извинялся, Милли. Это не было ложью.

— Конечно, — говорю я, кивая.

— Милли, не делай этого. Это съедает меня каждый день, когда я думаю о том, что сделал с тобой. И когда я извинился перед тобой... мне правда жаль.

— Я больше не хочу извинений, Ноа. Я хотела... я не знаю, чего хотела. — Вытираю слезы и убираю волосы с лица. Мое горло все еще болит от усилий сдержать рыдания. — Думаю, я просто хотела знать правду, и, похоже, это то, что я получила, спасибо.

Я встаю и начинаю ходить по комнате, собирая кое-какую одежду и туалетные принадлежности.

— Что, черт возьми, ты делаешь? — спрашивает Ноа, наблюдая за мной с кровати, пока я поспешно собираю свои вещи.

— Тебе негде остановиться, — говорю я ему, снова вытирая лицо, чтобы убрать слезы. — Итак, ты можешь остаться здесь до свадьбы Тедди. Мы с Энни пока поживем у Тиффани.

— Милли, не неси бред. Я не буду выгонять тебя из твоего собственного дома. Я могу найти, где остановиться. Или договоримся, чтобы я спал на диване! Это глупо.

— Ох? — Я смеюсь, бросая все, что разложила, в сумку. — Я веду себя глупо? — спрашиваю его. — Круто. Это чертовски круто звучит из твоих уст, Ноа. Но, да, я действительно согласна, что это глупо. Это глупо, что я все еще считаю тебя близким другом, чтобы оставить тебя у себя дома. И это определенно глупо, что я все еще достаточно забочусь о том, чтобы Тедди ни о чем не узнал.

— Милли, пожалуйста, не уходи вот так, — умоляет он.

Ноа следует за мной по коридору, пока я беру любимое одеяло Энни и зову ее подняться с дивана. Я открываю входную дверь и выпускаю Энни. Она терпеливо ждет меня на ступеньках.

— Пожалуйста, не уходи, Милли.

— Пожалуйста, не уходи. — Я смеюсь ему в лицо. — Забавно. Вот о чем я думала, когда ты ушел от меня. Думаю, теперь мы оба знаем, каково это.

Захлопываю за собой дверь и сбегая вниз по ступенькам. Энни следует за мной по пятам, понимая, что что-то не так. Я сажаю ее в машину и срываюсь, как только сажусь на водительское сиденье. Ударяя кулаком по рулю, я кричу как можно громче в пустоту своего автомобиля.

Энни стоит на центральной консоли и лижет мне лицо, пытаясь хоть как-то утешить. Я крепко прижимаю ее голову к своей, целую ее до тех пор, пока не беру себя в руки.

— Мы едем к Тиффани, — говорю я ей. — Небольшой отпуск перед свадьбой.

Я треплю ее за ушки, вытираю глаза, кажется, в миллионный раз за последний час, а затем уезжаю, убегаю от человека, который теперь изменился.

Я глупая.

Ноа

— Черт! — кричу я в дверь после того, как она ее закрывает. Я беру ближайшую к себе вещь, которая по счастливой случайности оказывается кофейной чашкой, из которой мы пили этим утром, и швыряю ее в дверь. Он разбивается и разлетается на тонны крошечных кусочков по деревянному полу.

Я оставляю ее и прохаживаюсь по гостиной и коридору. Мои шаги тяжело отдаются по полу, и картины на стенах дребезжат о гипсокартон. Зачем я это сделал? Зачем я все это сказал? Почему просто не мог дать ей то, в чем она нуждалась?

Еще когда эти слова слетали с моих губ, я знал, что облажался. Но не мог их остановить. Это было похоже на прорыв плотины, без остановки. Это было так, словно я физически наблюдал, как ее сердце мало-помалу разбивалось с каждой фразой, слетавшей с моих губ.

Я подвел себя. Я подвел ее. И я подвел Тедди.

— Бл*дь! — снова кричу, хватаясь за мраморную столешницу.

Я делаю несколько глубоких вдохов, пытаюсь разобраться в своих быстро кружащихся мыслях. Мне придется что-нибудь придумать, чтобы это исправить. Я отказываюсь оставлять ее в таком состоянии.

Чувствуя себя почти на автопилоте, я начинаю обыскивать дом в поисках метлы. Как только нахожу, убираю беспорядок, который наделал с ее кофейной кружкой, а затем перехожу к остальной части дома. Я никогда не мог бездействовать в таком состоянии, особенно когда мне нужно что-то обдумать.

Я убираю все помещение сверху донизу, заглядывая в каждый укромный уголок и трещинку, которые только могу найти. И к тому времени, когда заканчиваю, мои мысли становятся более уравновешенными, а эмоции — под контролем. Я знаю, что единственный способ начать исправлять это — поговорить с Тедди. Он — самое большое препятствие, которое с самого начала отдаляло меня от нее. Страх его осуждения и неодобрения, потому что он знает, кем я был тогда.

Но это как раз то, что я должен с ним обсудить. Я теперь не такой, как раньше. Я изменился, и мне нужно заставить его понять, что я постараюсь быть хорошим для его сестры. Я буду работать над этим каждый чертов день, лишь бы сохранить их обоих в своей жизни.

Выхожу на улицу и сажусь на качели на крыльце, набирая номер Тедди и пытаюсь справиться с нервами, от которых дрожит все мое тело. Моя нога подпрыгивает на полу, отчего качели скрипят от постоянного движения.

— Эй, чувак! — говорит Тедди, когда берет трубку.

— Привет, Тедди.

— Странный голос. — Я слышу, как он говорит Бет, что выходит на улицу, а затем дверь закрывается, и я представляю, как он выходит на их балкон. — Что не так? С Милли все в порядке?

Я невесело усмехаюсь.

— Именно поэтому я и звоню. Мне неприятно вызывать тебя на этот разговор, но... это не могло подождать, пока ты не приедешь в город для личной встречи.

— Ла-адно, — растягивает он слово.

— Послушай, кое-что произошло между мной и Милли, пока я был здесь этим летом, и... — Замолкаю, не уверенный, как, черт возьми, сказать ему.

— И ты снова все испортил? — спрашивает он.

Я молчу.

— Да, чувак. Я не идиот. Когда Милли приехала погостить у нас на выходные, а потом вдруг не захотела иметь с тобой ничего общего... не нужно быть гением, чтобы понять, что между вами что-то произошло.

— Но ты ничего не сказал. Почему ты не выбил из меня все дерьмо, или не накричал на меня, или еще что-нибудь в этом роде? Что угодно! Я это заслужил.

— Заслужил, — признает он. — Но ты мой лучший друг, поэтому я знал, что бы ты ни сделал, это было не по злomu умыслу. И хотя я старший брат Милли, а она один из самых важных людей в моей жизни, в мои обязанности не входит влиять на ее решения. Она всегда сама отвечала за свое тело и разум. Я видел, как вы всегда флиртовали и трахали друг друга глазами, пока мы росли. Это должно было случиться.

Он вздыхает, а я сижу с минуту, уставившись на океан, пытаюсь понять, каким будет мой следующий шаг.

— Ноа? — спрашивает он.

— Да, я здесь.

— Не хочешь рассказать мне, что случилось и как ты все исправишь?

Я рассказываю ему обо всем, что произошло. Я рассказываю все, начиная с того, как я появился, и заканчивая тем, как я начал здесь жить, и как я все испортил. Меня буквально разорвало на эмоции, я доверился ему, как психотерапевту.

— Я люблю ее, Тедди, — признаюсь я, как грешник в церкви. — Я люблю ее.

Горло сжимается. Меня переполняют эмоции, когда я осознаю, что влюблен в эту девушку. И думаю, что был влюблен в нее с детства. Часть меня всегда знала, что она создана для меня, но я просто был слишком напуган, чтобы признать это. До сих пор.

Тедди смеется.

— Честно говоря, тебе давно пора с этим смириться, — говорит он. — Теперь, как мы это исправим, Ноа?

— Нужно сказать ей правду.

Может быть, она простит меня, а может быть, и нет. Но я должен попытаться. Я не могу уйти, не попробовав.

— Может быть, слишком поздно, Ноа. Тебе нужно подготовиться к худшему. Она уже не та девушка, какой была тогда. У нее есть собственное мнение, и она выросла. Милли знает, что для нее хорошо, она знает, чего хочет. И ты должен знать, что я поддержу любое решение, которое она примет, независимо от того, хочешь ты этого или нет.

— Я разберусь с этим, Тедди. Я все улажу.

— Надеюсь.

Мы прощаемся, и я вешаю трубку. В доме слишком тихо без бегающих вокруг Милли и Энни. Без громких песен Милли, чтобы слышали соседи. Я бросаю взгляд на ступеньки, и мое сердце сжимается, когда я не вижу милого личика Энни, смотрящего на меня в ответ.

— Пора все исправить, Ноа, — говорю я вслух самому себе.

Милли

Я сижу на диване у Тиффани, Энни у моих ног, а Тифф с другой стороны. Мы укрыты кучей одеял, а по телевизору показывают «Практическую магию». Я в значительной степени рассказала ей обо всем, что произошло, и она приняла меня с распростертыми объятиями.

Не знаю, что бы я делала без нее.

Я наконец-то перестала плакать, мое единственное внимание полностью сосредоточилось на истории любви Сандры Буллок на экране. Мое лицо покраснело от вытирания слез, и я все еще шмыгаю носом. Тиффани ничего не говорит, просто позволяет мне ненадолго погрузиться в себя.

Она живет в маленькой квартирке в центре города, так что свободной спальни у нее нет. Следующие две недели я буду жить на ее диване, и моя спина не одобряет это. Но все лучше, чем оставаться под одной крышей с Ноа.

Я сдерживаю рыдание, когда его имя всплывает у меня в голове. Тиффани берет меня за руку. Этот маленький акт утешения открывает шлюзы, и мои слезы снова начинают литься рекой. И я знаю, о чем вы думаете.

Милли, ты сама вляпалась в эту историю. Ты сказала, что твоя задница достаточно взрослая, чтобы справиться с этим, и ты думала вагиной.

Я знаю. Ладно? Я, бл*дь, знаю.

Очевидно, я не была готова к такому соглашению с Ноа.

В глубине моего сознания Майли поет «Wrecking Ball» прямо в ухо.

— Извини, — говорит Тифф, поднимая трубку своего телефона, который довольно часто звонит с тех пор, как я приехала сюда. — Это Роман. — Ее лицо слегка розовеет при признании, но это идеальное средство отвлечься.

— Роман? — визжу я, вытирая слезы и выдавая искреннюю улыбку.

— Да, — говорит она, закатывая глаза в пренебрежительном жесте. — Мы немного поболтали после того, как вы ушли той ночью, он дал мне свой номер, прежде чем отправиться обратно в свой отель на материке. С тех пор он пишет мне сообщения. Он даже позвонил на следующий день, сообщить, что благополучно добрался домой.

Тиффани выглядит по-настоящему счастливой, и я не так уж много знаю о Романе, но Тедди и Ноа очень хорошо отзываются о нем. Если они, в конечном итоге, начнут встречаться, я думаю, это будет здорово для Тиффани.

— Посмотри, какая ты счастливая! — говорю я ей. — Ты улыбаешься, как идиотка.

Мы обе смеемся.

— Но он живет в Калифорнии. И я не представляю, как покину этот остров. Это мой дом.

— Ну, не все обязательно должно быть серьезно. Небольшой флирт в сообщениях — это не так уж плохо. И кто знает? Может быть, у тебя будет небольшой роман на одну ночь после свадьбы? — Я приподнимаю брови, глядя на нее, и она смеется.

— Он такой красивый, — взволнованно шепчет она, как будто он может ее услышать. — И очень заботливый, — Тифф колеблется секунду. — Он спрашивал о тебе...

— Обо мне? Почему?

— Ну, думаю, Ноа позвонил твоему брату, а затем сказал Роману, что что-то случилось. Он беспокоится о тебе. Он знает, что Ноа облажался по-крупному.

— Прости... он что? — Мой голос становится таким высоким и громким, что я почти уверена, что достиг совершенно новых децибел, неизвестных человеку.

— Он... э-э... позвонил твоему брату.

— Да как он посмел! — я стону и опускаю голову на руки, яростно протирая глаза тыльной стороной ладоней. — Теперь я должна объяснить своему брату, почему я позволила его лучшему другу трахнуть меня шестью способами до воскресенья!

— Ладно тебе, — говорит она, поглаживая мою руку. — Ты не обязана объяснять это своему брату, потому что это отвратительно, и могу гарантировать, он не захочет знать. И это не его дело, честно говоря, Милли. Вы с Ноа два взрослых человека, сделали это по обоюдному согласию, и то, что будет дальше, никак не повлияет на твоего брата.

Я снова стону и откидываю голову назад. Не имеет значения, что Тедди не должен переживать обо мне и Ноа. Мне не все равно. Я не хотела, чтобы все это выплыло наружу прямо перед свадьбой. Это только усилит стресс для Тедди. А если он почувствует, что ему придется выбрать чью-то сторону? Я не хочу, чтобы он проходил через что-то подобное.

Вот почему нельзя связываться с друзьями своего брата. Если что-то пойдет не так, это может погубить всех. Я никогда не хотела говорить ему об этом, если только мы с Ноа не решили сделать все по-серьезному.

— Послушай, уже поздно, — говорит Тифф, наклоняясь, чтобы обнять меня. — И у тебя был длинный и дерьмовый день. Поспи немного.

Я сижу и почесываю Энни, пока Тифф приносит мне пару подушек.

— Угощайся всем, что нужно. И если понадобятся объятия, ты знаешь, где я. — Она подмигивает, а затем целует Энни, прежде чем направиться обратно по своему маленькому коридору.

Я вывожу Энни на улицу, чтобы она сходила по своим делам, а я подышала свежим воздухом. Я вдыхаю соленый аромат, витающий в воздухе, и прислоняюсь спиной к перилам крыльца. Еще две недели. Я должна продержаться еще две недели, а потом мне больше никогда не придется разговаривать с Ноа или видеть его.

Единственное, чего я боюсь делать дальше — это звонить своему брату. Обсуждать это с ним — последнее, что я хочу делать, особенно по телефону. Я думала, Ноа почувствовал бы то же самое, но, видимо, нет. Не знаю, почему он позвонил Тедди, но если он намеревается использовать его, чтобы добраться до меня, то это не сработает.

— Давай, девочка, — зову я Энни.

Мы заходим внутрь, и я сворачиваюсь калачиком на диване, в то время как она устраивается рядом со мной на полу. Я изо всех сил стараюсь не думать о Ноа, когда засыпаю, но мне снятся сны обо всем, что он сказал, как будто даже мое подсознание не остановится ни перед чем, лишь бы помучить меня.

Милли

После недели сна на диване у Тиффани я чувствую, что мое тело постарело лет на двадцать. Каждое утро я практически скатываюсь с дивана только для того, чтобы несколько минут полежать на ровном твердом полу и попытаться вправить свой чертов позвоночник.

Ноа задолжал мне прием у хиропрактика.

Я наконец-то написала ему сегодня утром, сообщив, что мне нужно заехать домой, чтобы взять кое-какие вещи. На прошлой неделе я собирала вещи в такой спешке, что не захватила достаточно одежды, и мне не хватает некоторых удобных нарядов.

Все, что я получила в ответ — это то, что он уйдет для моего удобства. Я знаю, Ноа делает это, потому что думает, будто я дам ему дополнительные баллы за уважение к моим желаниям и границам, но, честно говоря, это самый минимум. В наши дни все буквально сходят с ума из-за того, как должны вести себя мужчины.

Я оставляю Энни у Тифф, а сама бегу домой, и хотя грузовика Ноа нет на подъездной дорожке, у меня все еще трепещут бабочки в животе от волнения.

Я волнуюсь, что он каким-то образом удивит меня или вернется слишком рано, и мне придется встретиться с ним лицом к лицу.

Я осторожно обхожу дом сбоку, заглядывая в окна, убеждаюсь, что он не прячется где-нибудь там. Я чувствую себя нелепо, когда делаю это, но ничего не могу с собой поделать. Доверия между нами просто не существует.

Дом безукоризненно чист. Когда я вхожу внутрь, это даже не кажется моим домом. Он вычищен сверху донизу и кажется чужеродным. Не поймите меня неправильно, я не живу в грязи. Но считаю, что в доме нужно жить. Ну ладно, я не возражаю. В любом случае это нужно было сделать до свадьбы, но я планировала приехать и сделать это сама через несколько дней.

Думаю, можно вычеркнуть это из своего списка дел.

Войдя в свою спальню, я вижу, что он разложил вещи по всей моей кровати. Там мои любимые наряды, пижамы и даже несколько его футболок, в которых я спала. Все сложено и разложено стопками, чтобы я могла упаковать вещи. Я провожу пальцами по мягким футболкам, которые он оставил для меня, и сдерживаю слезы.

Даже сейчас хочу взять что-нибудь и надеть. Вместо этого просто подношу футболку к лицу и вдыхаю. Она все еще пахнет им, и у меня болит горло. Я не хотела признаваться себе в этом с тех пор, как уехала, но я скучаю по нему. Есть так много вещей, по которым я скучаю в нем. И быть без него каждый день было тяжело. Я даже представить себе не могу, на что это будет похоже, когда он уйдет навсегда, и мне снова придется спать в своей постели без него...

Я положила его футболку обратно в стопку, которую он оставил для меня. Я не буду брать ни одну из них. Если Ноа покидает меня навсегда, я не могу продолжать скучать по нему и носить его футболки. Я просто буду сидеть там, вдыхая его теплый аромат, и скучать, как влюбленный подросток.

Смотрю на то, что еще он мне оставил, и вижу коробку попкорна с добавлением сливочного масла и пакетик шоколадной стружки. Мои глаза пробегают по стикеру,

который он оставил поверх.

На всякий случай, если у Тифф нет твоей любимой закуски.

Ублюдок.

Теперь слезы текут по моим щекам. Как будто он ударил меня кулаком в живот. Когда я собираю попкорн и шоколадную стружку и засовываю их в сумку, то вижу под ними конверт с моим именем.

Я вздыхаю.

— Черт, Ноа, — говорю я вслух.

Побежденная и уставшая от пребывания здесь, я хватаю то, что он оставил для меня, потому что он был прав, разложил все, что я хотела, и кладу письмо поверх всего остального. Я не могу читать это здесь, не в доме, который мы делили последние полтора месяца, и уж точно не тогда, когда он может вернуться в любую минуту.

Бросаю все в свою машину и мчусь обратно к Тиффани, надеясь, что ее там не будет. Я хочу побыть одна минутку, чтобы прочитать письмо и осмыслить то, что он мне оставил, без наблюдателей. Я люблю ее до смерти, но сейчас мне нужно побыть наедине с этим письмом.

Когда я заезжаю на стоянку, я не вижу ее машины. Мчусь наверх, таща за собой сумку с вещами, и уделяю Энни минутку внимания, прежде чем устраиваюсь поудобнее. Нужно прочитать письмо. Я пытаюсь сама себя подбодрить. Я сижу на диване и просто смотрю на его почерк на белом конверте. Провожу по нему кончиками пальцев и замечаю, что внутри есть что-то еще.

Открыв его, я нахожу флешку, засунутую вместе с бумагой. Кладу ее на кофейный столик и медленно разворачиваю бумагу, исписанную его корявым почерком.

Клянусь, он не изменился с восьми лет, и я улыбаюсь тому, насколько все плохо на самом деле.

Милли,

Я многое хочу тебе сказать, но, очевидно, что, когда я пытаюсь заговорить с тобой, у меня ничего не выходит. Единственные слова, которые слетают с моих губ, — обидные и нечестные. Потому что, давай посмотрим правде в глаза, я думаю, мы оба знаем, что все, что я сказал тебе на днях, было ложью.

Я переспал с тобой не только потому, что ты была там, а я был пьян. Я переспал с тобой, потому что ты мне нравилась. По правде говоря, Милли, ты мне нравишься с детства. Это я всегда хотел затащить тебя с собой поиграть в прятки, я хотел, чтобы ты ходила на все эти вечеринки в старшей школе. Я искал любой предлог, чтобы пригласить тебя с нами.

Я позаботился о том, чтобы ты сидела рядом со мной на вечерах кино, чтобы я мог вдыхать запах твоих волос и «случайно» касаться твоей ноги своей. Я заставлял Тедди водить тебя на все эти вечеринки, потому что знал, что он куда-нибудь свалит и оставит нас наедине. Это я посоветовал Тедди пригласить тебя к нам домой в те выходные в колледже, потому что давно тогда не видел твое лицо или слышал твой смех.

И когда ты появилась, эмоции, которые я испытал, напугали меня до усрачки. Потому что мне пришлось сдержаться, чтобы не заключить тебя в объятия и не поцеловать прямо

там, на глазах у Тедди. Я был так ошеломлен тем, как сильно скучал по тебе и как счастлив был снова тебя увидеть.

Честно говоря, Милли, это напугало меня. Я знал, что не смогу. Ты была младшей сестрой Тедди. Ты была под запретом, а я был просто каким-то идиотом, недостойным тебя.

Поэтому, когда ты сказала мне, что ты девственница, я опять испугался. Я убежал, потому что мне было страшно.

Это не оправдание, Милли. Я знаю. Страх — не причина убежать от чего-то такого хорошего. Но я это сделал. Оставил тебя там, обиженную и сбитую с толку, а потом позволил тебе вычеркнуть меня из своей жизни. Я думал, что так будет лучше для тебя. Потому что в ту ночь я забрал у тебя то, чего не заслуживал. И думал, что единственный способ исцелить тебя — оставить в покое.

Но, боже мой, Милли. Когда я увидел тебя прошлым летом на вечеринке по случаю помолвки Тедди... я никогда в жизни не видел никого более великолепно. Летнее солнце садилось у тебя за спиной, и платье подчеркивало каждый изгиб твоего тела. Ты потратила так много времени на укладку волос, а глаза-то как сияли. Я много пропустил за те годы, что не видел тебя.

Ты выросла и стала уверенной в себе женщиной. Я все еще видел маленькую девочку, которая пробегала через разбрызгиватели в купальнике, но там было что-то новое. Я сфотографировал тебя перед тем, как подойти к тебе. Ты знала об этом? Я знаю, ты всегда замечаешь, когда я тебя фотографирую. Но, думаю, в ту ночь я наконец-то запечатлел тебя по-настоящему искренней. Я должен был это сделать. Не было другого выбора, кроме как запечатлеть этот момент. Я не хотел его терять.

И последние полтора месяца, которые я провел с тобой, были лучшими неделями в моей жизни. Я не знаю, как выразить словами то, что ты заставила меня почувствовать. Я вырос, Милли. За те несколько коротких недель, что провел здесь, в этом маленьком пляжном коттедже, с тобой и Энни, я стал тем, кем и не подозревал, что могу стать. Я смотрю на вас обоих каждое утро и думаю о том, что хочу видеть это всю оставшуюся жизнь.

Я не хочу просыпаться без тебя, Милли. Я хочу готовить тебе завтрак, пока ты смотришь мультики по выходным, медленно трахать тебя в душе после долгого дня на пляже, а потом держать тебя в своих объятиях каждую ночь, когда мы засыпаем.

Ты для меня все.

Я знаю, мы договорились, что это будет летняя интрижка, что-то мимолетное, где мы не привязываемся друг к другу, ничего не чувствуем друг к другу и что это не продлится дольше пары месяцев, которые я пробуду в городе. Но я хочу большего. И думаю, что ты тоже так думаешь.

Если есть хоть какой-то способ, которым ты можешь простить меня, Милли... пожалуйста. Мне так невероятно жаль. Я боялся того, что чувствовал к тебе, боялся хотеть чего-то постоянного в своей жизни. Но теперь я знаю, что вечность — это не страшно, когда рядом с тобой тот, кого ты любишь.

Да. Я люблю тебя, Милли. Мне кажется, я любил тебя большую часть своей жизни. Мы созданы друг для друга. Просто мне потребовалось больше времени, чтобы понять это, чем тебе. И я сожалею об этом.

Я готов пытаться загладить свою вину перед тобой каждый день до конца наших

жизней, если ты мне позволишь. Ты — мой дом, и я хочу быть твоим.

Тем временем, пока ты обдумываешь это, вставь флешку в свой ноутбук. Может быть, это поможет тебе увидеть себя такой, какой вижу тебя я. Надеюсь, это покажет, как сильно я любил тебя с тех пор, как взял в руки свой первый фотоаппарат и выбрал тебя в качестве своего первого объекта съемки.

Возвращайся домой, Милли. Я буду ждать тебя. Я буду ждать столько, сколько потребуется.

Ноа.

Я вытираю глаза и роюсь в поисках флешки, которую бросила на кофейный столик. Руки дрожат, когда я открываю свой ноутбук и вставляю флешку в USB-накопитель. Моя нога дрожит, когда тот загружается и открывается.

Я задыхаюсь.

Она заполнена фотографиями. Моими фотографиями. Их было почти тысяча. Что-то я не помню, а что-то помню. Здесь есть мои фотографии в детстве, подростком и фотографии, сделанные этим летом. Он сохранил все мои фотографии, которые когда-либо делал.

Я всхлипываю, изо всех сил стараюсь сделать глубокий вдох, когда из меня вырываются болезненные звуки. Есть фотографии, на которых я смеюсь, плачу, смотрю в никуда, концентрируюсь, пытаюсь научиться играть на фортепиано, и пью свой утренний кофе. Ему удалось превратить глупые повседневные переживания во что-то прекрасное.

Он сделал меня красивой.

Я захопываю ноутбук и откидываюсь на спинку дивана, подтягивая колени к груди и позволяя каждому обидному чувству выйти из меня. Я рыдаю в подушку до тех пор, пока не перестану дышать, пока мое тело не устает и не начинает болеть. И я лежу там, пока не засыпаю.

Ноа

— Ты что-нибудь слышал о ней? — спрашивает меня Тедди, когда мы сидим в его гостиничном номере. Ночь перед его свадьбой, остальные шаферы разошлись по своим комнатам. Я остался, чтобы провести еще немного времени с Тедди.

— Нет, — говорю я, проводя большим пальцем по краю своего стакана с виски. — Я не думаю, что она простит меня.

— Ты написал ей письмо, о котором говорил?

Я киваю.

Я не сержусь из-за того, что ничего не слышал от Милли. По правде говоря, я не надеялся, что она даст о себе знать. Я не думаю, что будет справедливо с моей стороны предполагать, что она захочет простить меня после всего, что я наговорил, как бы мне ни было жаль. Я хотел бы отмотать и вернуть все назад, но не могу. Так что мне просто нужно подождать и посмотреть, сможет ли время залечить то, что порвалось между нами.

— Мне жаль, Ноа, — говорит Тедди, вздыхая в свой стакан.

— Знаешь, я ее фотографировал, — говорю я ему.

— Мне не нужно знать...

Я перебиваю его со смехом.

— Не такие фотографии, чувак. Просто фотки. Я всегда ее фотографировал. С того самого момента, как впервые взял в руки фотоаппарат, она была единственной вещью, на которой я был зациклен. И я хранил снимки все эти годы. Отдал их ей вместе с письмом.

Я встаю, чтобы налить себе еще выпить.

— Наверное, я надеялся, что, если бы она увидела, как сильно я люблю ее, через объектив камеры, возможно, она будет более склонна простить меня. Может быть, это было бы достаточным доказательством того, что я не хотел интрижки. Надеялся, что она поговорит со мной, даст еще один шанс.

— Не стоит терять надежду, — говорит Тедди, когда я снова сажусь в кожаное кресло напротив него.

Я улыбаюсь ему снизу вверх.

— Знаешь, ты отреагировал на все это совсем не так, как мы оба ожидали. Она тебе звонила?

— Да, — говорит он, ничего не выдавая. — На следующий день после того, как все случилось, мне позвонила очень сердитая Милли. — Он смеется. — Она разозлилась, что ты решил позвонить и рассказать мне все раньше, чем она.

— Мы боялись, что ты не одобришь, — говорю я ему. — Ну, оглядываясь назад, я боялся больше, чем она. До сих пор я, честно говоря, не думал, что достаточно хорош для твоей сестры. И определенно не думал, что это изменится.

— Ноа, никто и никогда не будет достаточно хорош для моей сестры. — Тедди улыбается мне. — Но то, что ты беспокоишься об этом, просто тупость, чувак.

Я бросаю на него растерянный взгляд.

— Ты мой лучший друг, — говорит он, как будто это должно что-то изменить.

— Это значит, что ты знаешь все мои недостатки и все дерьмо, которое я натворил, —

объясняю я ему, как будто он идиот.

— Это значит, что я видел, как ты растешь и учишься на каждой совершенной тобой глупости. Я видел, как ты становишься мужчиной и берешь на себя ответственность за происходящее. Я видел, как ты учишься любить себя и любить других. Я видел, как ты вырослел и помогал мне вовлекать Милли во все, что мы делали. Даже если у тебя были скрытые мотивы.

— Виновен. — Я смеюсь.

— Может быть, ты не видел этого, потому что слишком боялся того, что я подумаю. Но я видел, как ты всегда смотрел на нее, Ноа. Видел, как ты заботился о ней и вовлекал во все наши делишки. Ты защищал ее так же сильно, как и я. И даже после того, как облажался в первый раз, ты не переставал спрашивать о ней. Неважно, сколько раз я пытался ненавязчиво послать тебя на х*й.

— Мог бы сразу сказать... — Я закатываю глаза. — Это могло бы избавить меня от кучи гребаных огорчений.

— Тебе нужно было разобраться в этом дерьме самостоятельно, — говорит он с юмором в голосе. — Может, я и не одобрял вас вместе, но готов был к тому, чтобы ты старался.

— Как брат, так и сестра. Она заставит меня стараться всю оставшуюся жизнь. Я это чувствую.

Тедди смеется.

— Как и следовало ожидать. Но не волнуйся, если она все-таки решит простить тебя и дать третий шанс, не думаю, что она будет слишком долго держать на тебя обиду.

— Я не буду держать на нее зла. У нас была сделка. Только на лето. Мы не должны были влюбляться друг в друга. И у меня останутся воспоминания, которые мы создали вместе, этого будет достаточно. Поскольку я люблю ее, то смогу отпустить.

Откидываю голову назад, думая о том, как сильно хочу этот третий шанс. Знаю, что не заслуживаю этого, но, черт возьми, очень хочу.

— Я также слышал, что ты ударил ее бывшего?

Я съеживаюсь.

— Не самый лучший момент.

Тедди пожимает плечами.

— Ты не сделал ничего такого, чего бы не сделал я. Похоже, придурак это заслужил. Хотя, должно быть, давненько ты не дрался. — Тедди улыбается и кивает на мою все еще покрытую синяками руку. — Ушибся?

— Да, чувак, — признаюсь я. — Чертовски больно. Я и забыл, как сильно болят потом костяшки.

— Ты готов встретиться с ней завтра? — спрашивает Тедди.

— Хватит обо мне, — говорю я, пытаясь сменить тему, потому что даже думать не хочу о том, что мне придется встретиться с ней. — Ты готов к завтрашнему дню?

— Я был готов к этому с того самого дня, как встретил ее, чувак. Я не хочу быть нигде, кроме как здесь.

— Милли организовала для вас фантастическую свадьбу, ребята. Скорее бы ты увидел.

— Я знаю, что вы работали над этим все лето, и не могу выразить, как я благодарен вам обоим. Да, и тебе тоже. Потому что, несмотря на всю эту драму, ты был здесь, помогал ей все организовать, давал ей свободное для себя время. В прошлом году я сильно пожалел о

том, что попросил ее взять все это на себя.

— Что? Почему? Ей это понравилось, Тедди. Ей было весело.

— Потому что она моя младшая сестра. Я не должен зависеть от нее в таких вещах. Это я должен заботиться о ней.

— Поверь, она хотела сделать это, чтобы отплатить тебе за все то время, что ты заботился о ней на протяжении многих лет. Не чувствуй себя виноватым. Я помогал ей, она рада, что ты доверяешь ей настолько, что позволил сделать все. Милли даже не хотела моей помощи. Она была полна решимости все делать сама.

— Она унаследовала это от мамы, — говорит Тедди, улыбаясь и отворачиваясь, чтобы посмотреть в окно. — Я надеюсь, что за эти годы я сделал достаточно.

— Ты многое сделал. — Я протягиваю руку и толкаю его в колено.

Он делает глубокий вдох и меняет тему.

— Я еще слышал, что Роман и подруга Милли, Тифф, поладили? — спрашивает он, одаривая меня понимающей ухмылкой.

— Это все сделала Милли, — говорю я со смехом. — Она думала, что они поладят, поэтому мы оставили их в тот вечер, когда ужинали. Роман, как всегда джентльмен, просто проводил ее домой, а потом ушел.

— Похоже на него.

Я опускаю взгляд на свой телефон. Это вошло в привычку с тех пор, как Милли ушла в тот день. Я всегда проверяю, писала ли она мне смс или пыталась позвонить. Ничего. Но я замечаю, что уже поздно, и мне нужно оставить Тедди в покое, чтобы утром он не был похож на енота. Бет меня убьет.

— Ладно, чувак. Я оставлю тебя. Поспи немного. — Я встаю и оставляю свой стакан на стойке. — Вернусь утром.

— Только не рано, — говорит он, съезживаясь. Он никогда не был жаворонком.

— Десять — это самое большее, что я могу тебе предложить, — говорю я ему.

— Хорошо, — он стонет. — Увидимся утром. И постарайся не зацикливаться на том, что может случиться с Милли завтра. Просто пусти все на самотек. Она умная. Я верю, что она поговорит с тобой.

Мы прощаемся, и я отправляюсь пешком обратно к дому Милли. Я знал, что буду пить, поэтому даже не потрудился доехать до отеля. И не похоже, что этот остров такой уж большой. Я практически могу дойти пешком куда угодно от ее дома.

Я теряюсь в своих мыслях, настолько, что не замечаю, как Брэндон, спотыкаясь, направляется ко мне, пока не становится слишком поздно. Он делает один хороший замах, сильно ударя меня по скуле. Черт возьми, Бет вряд ли обрадуется, что я буду с синяком на фотках.

— Что за хрень! — я кричу на него, отступая назад, чтобы попытаться избежать драки, а он продолжает приближаться ко мне. Я даже отсюда чувствую исходящий от него запах спиртного. Он выпил столько, что я мог бы зажечь спичку, и он бы выдохнул огонь.

— Я надеюсь, ты с этой шлюхой счастливы вместе, — выплевывает он. — Наслаждайся. Я ее для тебя намарафетил.

Он усмехается, и все. Клянусь богом, я просто теряю сознание. Потому что следующее, что я помню — он лежит на земле, изо рта у него течет кровь, а вокруг глаза образуется темный круг. Должно быть, я сделал несколько хороших ударов, прежде чем он упал на землю.

Он стонет и переворачивается, сплевывая кровь, когда пара его друзей выбегает из бара на другой стороне дороги.

— Отведите его обратно внутрь! — я кричу им. — И если ты еще раз попробуешь подойти, или я когда-нибудь хотя бы услышу имя Милли из твоей пасти, — я наклоняюсь к его лицу и сжимаю его челюсть, — я не позволю тебе больше уйти. Понял?

Он стонет.

— Еще раз. Отвечай.

— Да! Да, я, бл*дь, все понял, отпусти меня, чувак!

Я отпускаю его, когда к нам подходят его друзья. Они ничего не говорят, даже не смотрят на меня. Так что я тоже игнорирую их и продолжаю идти пешком остаток пути к дому.

Это последнее, черт возьми, что мне было нужно перед завтрашней свадьбой. Если у меня будет синяк под глазом, не думаю, что визажист сможет его замаскировать, и Бет разозлится. Никому не нужен идиот с подбитым глазом на свадебных фотографиях. Это навсегда.

Когда я, наконец, возвращаюсь, то сразу подхожу к зеркалу в ванной, чтобы оценить повреждения. Не так уж плохо. Болит сильнее, чем кажется, но точно останется небольшая припухлость и небольшое темное пятно.

Я вздыхаю.

Я снимаю рубашку и джинсы и возвращаюсь к дивану. Я не спал в постели с тех пор, как ушла Милли. Я не могу. Мне кажется неправильным находиться там без нее. Поэтому стелю импровизированную кровать и включаю телевизор, чтобы заглушить фоновый шум. Здесь трудно заснуть без храпа Энни или негромкого бормотания Милли, которое она издает во сне.

Я закрываю лицо рукой, не забывая о своем глазу, и пытаюсь заснуть. Завтра все решится само собой, поэтому я просто повторяю в уме небольшую речь, которую приготовил для нее, снова и снова, пока не засыпаю.

Ноа

День свадьбы

Милли выглядит великолепно. Я не могу дышать всякий раз, когда она оказывается в пределах видимости. Я не могу перестать пялиться на нее. Ее волосы идеально завиты и убраны с лица, ярко-голубые глаза сияют на солнце. Платье подружки невесты темно-синего цвета сшито из струящегося материала, который наилучшим образом облегает ее тело.

Она выглядит такой счастливой, когда разговаривает со всеми, смеется над их шутками и оживленно жестикулирует руками.

Но когда дело касается меня, я как будто не существую. На самом деле, все гораздо хуже. Как будто Милли знает, что я существую, и целенаправленно показывает мне то, что я ее не достоин. Она уделяет внимание всем, прямо у меня на глазах.

Иногда она бросает взгляд в мою сторону, и я думаю, что она могла бы посмотреть на меня, заговорить со мной, улыбнуться мне... все, что угодно. Но Милли этого не делает. Ее взгляд всегда скользит мимо или сквозь меня, как будто меня там нет. Но для меня она единственная, кто здесь есть. Никого больше не существует, кроме нее.

Кто-то прочищает горло, и я оборачиваюсь, видя, что Бет смотрит на меня, приподняв одну бровь.

— Я вижу, они смогли скрыть этот синяк, — говорит она.

— Да, спасибо, что одолжила мне своего визажиста.

Она секунду смотрит на меня, а затем улыбается и притягивает к себе, чтобы обнять.

— Спасибо за то, что помог Милли этим летом. — От имени Милли, произнесенного мне на ухо, у меня внутри все переворачивается. — Просто дай ей немного времени, Ноа, — говорит она, отстраняясь и сжимая мои руки.

Я киваю.

— В любом случае, — продолжает она, — я пришла сказать, что Роман готов к отдельной фотке парней, и тогда мы, наконец, закончим. И слава богу, потому что я умираю с голоду.

Я смеюсь и целую ее в щеку.

— Мы быстро, — говорю я ей. — Я позабочусь о том, чтобы Роман не устроил целую фотосессию.

Кто-то зовет Бет по имени, и я быстро убегаю, проходя через приемную, чтобы найти других парней. Я не обращаю внимания и в итоге сталкиваюсь с Милли. Ее бокал разлетается в стороны, и она, спотыкаясь, отступает назад, размахивая руками.

Я хватаю ее за талию как раз перед тем, как она падает. Прижимая ее к своему телу, стараюсь удержать ее от падения на задницу. Милейший удивленный писк слетает с ее губ, ее руки крепко сжимают мои бицепсы.

Пока она не понимает, кто я такой.

— Прости. Я тебя не видел, — говорю я ей, когда она отстраняется от меня, как будто я дал ей пощечину.

— Странно, — бормочет она себе под нос, поправляя платье. Черт, она выглядит

потрясающе. — Могу поклясться, что ты весь день не смотрел ни на что, кроме меня.

Милли одаривает меня легчайшей улыбкой, когда снова поднимает на меня взгляд. Мое сердце воспаряет от той единственной маленькой победы, которую она мне подарила. Она подшутила надо мной, и я вижу гребаную улыбку. Я мог бы разразиться песней и танцем прямо здесь.

— Ты прекрасно выглядишь, — говорю ей. Я сопротивляюсь тому, чтобы протянуть руку и прикоснуться к ней, хотя мне этого очень хочется. У нее выбившаяся прядь волос, которая все время падает на лицо, и мне хочется заправить ее за ухо. Но я знаю, что еще слишком рано. Я еще не сказал того, что должен был сказать.

— Спасибо. — Ее голос тих, и она больше не смотрит на меня. Мили пытается смотреть куда угодно, только не на меня. И я просто смотрю на нее, потому что не могу перестать смотреть на нее. На этой свадьбе для меня больше никого не существует. Для меня больше никого и нигде не существует. Она — это все.

— Ты получила мое письмо? — спрашиваю я ее, стараясь подольше удержать ее поближе к себе. Я знаю, что должен идти, но не хочу оставлять ее одну.

— Ноа! Быстрее! — кричит Роман оттуда, где собираются все ребята.

Она игнорирует мой вопрос, все еще пытаюсь найти что-нибудь, на что можно посмотреть.

— Милли, я скучаю по тебе, — говорю я в то же время, когда она говорит:

— Тебе пора идти.

— Милли, пожалуйста, удели мне время попозже? Всего пять. Это все, что мне нужно.

— Две, — возражает она. Уголок ее рта угрожающе приподнимается, но она быстро его прикрывает.

— Четыре, — выпаливаю я в ответ, отодвигаясь так, чтобы она была вынуждена посмотреть на меня.

Ее глаза с вызовом шуряют на меня.

— Три.

— Договорились. — Я улыбаюсь ей сверху вниз и протягиваю руку. Я хочу, чтобы она взяла, пожала мне руку, прикоснулась ко мне любым физическим способом. Хоть как. Что-нибудь.

Ну же, Милли.

Она закатывает глаза и одаривает меня еще одной легкой улыбкой, прежде чем пожать мне руку, а затем уходит, чтобы поговорить с кем-то еще. У меня есть шанс. Это будет моя последняя возможность все исправить, позволить ей увидеть, как я искренне сожалею и как сильно люблю.

— Ноа! — Роман снова кричит. Я в последний раз смотрю на удаляющуюся фигуру Милли, прежде чем бежать трусцой к другим парням.

Я даже не обращаю внимания на то, что происходит. У меня лишь на уме то, что я буду говорить Милли и как изложить все за три минуты. Я повторяю это снова и снова, улыбаясь в камеру и пытаюсь отпраздновать женитьбу лучшего друга.

Но за спиной Романа Милли наблюдает за нами краем глаза, отвлекая все мое внимание. Она разговаривает с людьми, смеется вместе с Бет и потягивает новый бокал шампанского.

Она кажется такой непринужденной. Но эти глаза... эти прекрасные голубые глаза продолжают возвращаться ко мне. И я не могу не принять это как знак того, что, возможно,

мое письмо что-то изменило. Может быть, еще есть надежда.

Милли

Весь день я чувствовала на себе этот пристальный взгляд, словно тонну кирпичей. Ноа не сводил с меня глаз. И я не знаю, как к этому относиться.

Черт, кого я обманываю? Мне это нравится. Когда он перестает смотреть на меня, чтобы заговорить с кем-то, я чувствую себя обнаженной.

Я стою посреди танцпола, пою и танцую с Тиффани. Бет и Тедди позволили мне взять ее с собой, чтобы она могла повидаться с Романом, пока он здесь. И даже несмотря на то, что он постоянно фотографирует, она танцует для него под каждую песню.

И я бы солгала, если бы сказала, что не делала того же самого. Каждый раз, когда мои волосы развеваются или покачиваются бедра, я делаю это для Ноа, надеясь, что он заметит и ему понравится. Бет сказала сегодня утром, что прошлой ночью он снова поссорился с Брэндонном из-за того, что тот что-то сказал обо мне... опять. И, судя по его взгляду, Брэндон хорошенько врезал ему, прежде чем Ноа прикончил его.

Мне интересно, когда он придет поговорить со мной. Я сказала ему, что у него есть три минуты. Когда он их использует? Ожидание убивает, желудок скручивается, как крендель, от беспокойства. Я просто хочу покончить с этим. Знаю, что сегодня вечером мне предстоит принять важное решение.

Тиффани улыбается и наклоняется, чтобы поцеловать меня в щеку.

— Выслушай его, — говорит она, отстраняясь и подмигивая.

В тот момент, когда она вырывается из моих объятий, я чувствую, как кто-то подходит ко мне сзади. Я знаю, что это Ноа, потому что никто другой не может заставить меня чувствовать себя так, просто стоя рядом. Волосы на руках встают дыбом, а по коже пробегают мурашки.

— Милли, — говорит он, когда я оборачиваюсь. Он так хорошо смотрится в своем черном костюме и галстуке. У него все еще есть загривок, но он подстрижен, каштановые волосы зачесаны назад и убраны с лица, демонстрируя скульптурные скулы. Я едва вижу синяк благодаря консилеру.

— Привет, — говорю я. Потому что это единственное, что я могу выдать из себя.

— Можешь мне сейчас уделить эти три минуты? — Ноа улыбается мне сверху вниз, отчего у него на щеке появляется дурацкая ямочка. Он протягивает руку и убирает выбившуюся прядь волос с моего лица за ухо.

Все еще играет громкая музыка, люди танцуют вокруг нас, но я чувствую, что сейчас здесь только мы, когда мы смотрим друг на друга. Это как в той сцене из «Гордости и предубеждения», когда Кира Найтли и Мэтью Макфайден танцуют вместе, а все остальные исчезают. Клянусь, я услышала, как между нами летает пыль.

Я понимаю, что просто стояла здесь и смотрела на него, вместо того чтобы ответить на вопрос. Поэтому киваю и позволяю ему взять меня за руку, чтобы увести прочь от торжественной палатки и спуститься к береговой линии. Музыка уходит на задний план, и мы остаемся наедине с грохочущими волнами.

— Ты получила мое письмо, — начинает он.

— Да. И флешку.

— Жутко? — спрашивает он, и на его лице расцветает улыбка. Но я могу сказать, что он немного смущен этим. Его щеки слегка порозовели, и я думаю, что это первый раз, когда я вижу его таким.

— Немного жутковато, — поддразниваю я.

— Ты должна знать, Милли, все, что я написал в этом письме, — чистая правда. Я так невероятно сожалею о том, что наговорил тебе в тот день. И как я относился к тебе. Это непростительно.

Ноа делает шаг ближе ко мне, и вместо того, чтобы отодвинуться, я позволяю ему вторгнуться в мое пространство. Я позволяю его запаху перебить запах океана и завладеть моими чувствами. Я так сильно скучала по нему, что сейчас мне трудно дышать, находясь рядом с ним.

— Я прощаю тебя за то, что произошло тогда, — говорю я ему. И это чистая правда. Я достаточно долго таила в себе эту обиду. Люди постоянно совершают ошибки. — Мы оба были молоды. Перекидывать всю вину на тебя было несправедливо. Мне следовало сообщить об этом заранее. Мне не следовало возлагать на тебя столько надежд в ту ночь.

— Я не заслуживаю твоего прощения, Милли. Но я эгоистичный человек, и я смирюсь с этим. — Ноа сокращает оставшееся расстояние между нами и берет мое лицо в ладони, запуская их в мои волосы. Я кладу свои руки на его предплечья, пока мы просто смотрим друг на друга.

— Милли, — продолжает он. — Пожалуйста, прости меня за то, что я наговорил в тот день в твоём доме. Прости меня за то, что я недостаточно мужественен, чтобы открыться, сказать тебе правду.

— Какую именно?

Он сказал это в письме, но я хочу услышать, как он это скажет. Мне нужно услышать эти слова из его уст, чтобы я знала, что это реально. Он снова улыбается мне и большими пальцами поглаживает мои щеки.

— Я люблю тебя, Милли. И я проведу остаток нашей жизни, пытаюсь доказать тебе это. Каждый день, который мы проведем вместе, я буду показывать, насколько это важно. — Он делает глубокий вдох. — Если ты меня простишь.

Я смотрю на него снизу вверх, у меня перехватывает дыхание, когда я пытаюсь сдержать слезы. Несколько слезинок скатываются по щекам, и на моем лице появляется улыбка.

— Пожалуйста, прости меня, Милли. Возвращайся домой.

— Ты приводишь меня в бешенство, Ноа Хардинг. — Его лицо слегка вытягивается. — Но я тоже люблю тебя. И я прощаю тебя.

— Да! — выкрикивает он, прежде чем притянуть мои губы к своим в грубом и страстном поцелуе.

Мы оба смеемся, когда наши губы отрываются друг от друга, и он заключает меня в объятия, поднимая на руки и кружа меня по кругу. Люди хлопают и подбадривают нас из палатки, наблюдая за нами.

— Отпусти меня! — говорю я ему сквозь смех. — У нас есть зрители, сегодняшний день посвящен Тедди и Бет, а не нам.

— О, заткнись, Милли, — говорит он, усаживая меня и снова целуя. — Пусть смотрят.

Милли

Читатель, я вышла за него замуж.

Ха! Шучу. Я не Джейн Эйр, которая, по моему мнению, слишком быстро вышла замуж за того парня только потому, что он ослеп во время пожара. Типа, он вообще извинился?

Прошел год с тех пор, как мы с Ноа стали парой, и мы усердно работали над нашей прошлой травмой и продвигались вперед в отношениях. После свадьбы он переехал на этот маленький остров, потому что знал, как для меня важно быть здесь, и он тоже влюбился в это место. Трудно уместить двух взрослых людей с большими задницами и шестидесятифунтовую собаку в коттедже с одной спальней, но мы справляемся.

Здесь уютно.

И у нас есть пляж. Именно там мы сейчас и находимся. Солнце садится, и я лежу у него на груди, в то время как Энни лежит с другой стороны от него, свернувшись калачиком и положив голову ему на бедро. Я бы сказала мило, что она так сильно его любит, если бы не думала, что она оставит меня, если он даст ей шанс.

Ноа только что вернулся из поездки на север, где побывал на нескольких свадьбах, и мне немного неловко от того, как сильно я по нему скучала. Дело не в том, что я больше не могу существовать сама по себе, просто этого не хочу. Я люблю нашу маленькую семью, которую мы здесь создали. И когда мы будем готовы что-то добавить к нему, обсудим пристройку к коттеджу, чтобы мне не пришлось с ним прощаться.

— О чем ты так напряженно думаешь? — спрашивает Ноа, прежде чем поцеловать меня в макушку. Я притягиваю его ближе к себе и вдыхаю его запах. Боже, как я скучала по нему на прошлой неделе.

— О тебе, — растягивая слова, произношу я. — О нашем будущем и на что оно похоже.

— О, ты наконец-то подумываешь о том, чтобы согласиться? — Слышу улыбку в его голосе.

О, да. Я забыла упомянуть, что Ноа делал предложения всякий раз с той ночи на пляже. И дело не в том, что я не хочу. Хочу. Но старая Милли продолжает подкрадываться ко мне, чтобы сказать, что это ненадолго.

Глупо, знаю.

Но не все отношения должны соответствовать образцу романтической комедии. Верно?

Мы счастливы, и это главное.

— Ты знаешь, я обдумываю это, — говорю я ему, откидывая голову назад, чтобы посмотреть ему в глаза.

Солнце высвечивает все рыжеватые-светлые пряди в его волосах, и от этого его карие глаза становятся похожими на растопленный шоколад.

— О, я знаю этот взгляд, — говорит Ноа, и на его лице появляется озорная улыбка.

— Ноа, — говорю я предупредительным тоном, прежде чем скатываюсь с него и начинаю смеяться. — Кто последний до душа, тот тухлое яйцо!

Я срываюсь с места еще до того, как он встает. Энни гонится за мной по пятам и игриво лает. Сначала я вхожу внутрь вместе с Энни, говорю ей пойти прилечь, а сам пытаюсь пробраться по коридору.

Я снимаю свой купальник, когда Ноа подбегает ко мне сзади, голый, как мать родила, и демонстрирует потрясающие татуировки на ногах. Его член подпрыгивает, когда он бежит за мной, а я слишком отвлекаюсь, чтобы пошевелиться.

Он поднимает меня и перекидывает через плечо, как пожарный. Мое лицо встречает его великолепная задница, и я вонзаю в нее зубы, заставляя его взвыть, прежде чем он сильно шлепает меня по моей заднице. Острая боль проникает прямо в мою и без того пульсирующую киску.

— Ой! — я вскрикиваю сквозь смех. — Несправедливо! Я же с нежностью!

— А я с любовью, — возражает он, еще раз шлепая, прежде чем включить душ.

Он осторожно опускает меня на туалетный столик в ванной и развязывает завязки моего бикини. Он не торопится, позволяя ванной наполниться паром, пока мы просто смотрим друг на друга, пока одежда спадает с моего тела. Я откидываюсь назад и приподнимаю бедра, чтобы Ноа мог стянуть с меня трусики.

Как только оказываюсь обнаженной, он протискивается между моими бедрами и начинает нежно водить руками по моей коже. Его прикосновение легче перышка, отчего по моему телу пробегают мурашки. Костяшки его пальцев скользят по моей ключице, вниз по груди и по соскам. Я задыхаюсь от этого ощущения и выгибаю спину, чтобы у него было больше доступа.

Он наклоняется и берет один сосок в рот, жадно посасывая и дразня бугорок кончиком языка. Мы обнаружили, что мои соски очень чувствительны, и он знает все способы свести меня с ума, посасывая и облизывая их до тех пор, пока я не превращусь в мокрую, стонущую лужицу. Я могла бы кончить просто так — и делала это раньше, — но сегодня Ноа так просто меня не отпустит.

Вместо этого он подхватывает меня на руки и несет в душ, пока мы целуемся, наши языки сплетаются, а дыхание смешивается. Я прижимаюсь бедрами к его твердому животу, пытаюсь немного потереться о свой клитор, в то время как кончик его члена играет у моего входа.

— Черт, я скучал по тебе, Милли, — он стонет мне в рот.

— Я тоже скучала по тебе, — говорю я, когда Ноа отрывается от моих губ, чтобы поцеловать подбородок и шею.

— Я хочу услышать, как ты умоляешь меня об этом, Злючка.

— Умолять тебя о чем? — Мой тон полон юмора, но он его не понимает.

Он сильно шлепает меня по заднице, которая теперь мокрая от горячей воды в душе. Жжение сильное, и оно заставляет все мое тело сжиматься от боли. Однако, как только это утихает... чистое удовольствие. Его пальцы впиваются в мою задницу, и я царапаю ногтями его верхнюю часть спины и плечи. Ноа стонет, вибрация проходит по всему моему телу.

— Умоляй меня, — рычит он, прикусывая мою нижнюю губу.

Я смотрю прямо ему в глаза, обхватываю ладонями его подбородок и провожу большим пальцем по нижней губе. Он откусывает его, проводя языком по кончику.

— Пожалуйста, мальш, — ною я. — Пожалуйста, позволь мне опуститься на этот толстый член. Мне нужно чувствовать, как ты двигаешься внутри меня, задевая все эти точки и заставляя меня кончать до тех пор, пока я не перестану дышать. — Я целую его. — Я хочу, чтобы ты почувствовал, насколько я идеальна для тебя, — шепчу я ему в губы. — Разве ты не хочешь это почувствовать? Насколько я влажная, тугая и идеально облегаю тебя?

— Черт возьми, Милли, — Ноа стонет, раздвигая меня пальцами.

Он медленно опускает меня, мучая своей сдержанностью. Его член проталкивается в меня, и хотя прошла всего неделя, он все еще такой большой, что поначалу мне больно. Я вздрагиваю, и он целует меня, чтобы отвлечь от боли.

— Ты идеальна, — говорит он мне между поцелуями, продолжая медленно опускать меня на себя, пока я не вобрала в себя все, полностью насаживаясь на его член.

Ноа прижимает меня к кафельной стене, и шок от холода достаточен, чтобы у меня перехватило дыхание. Он пользуется преимуществом и быстро выходит, прежде чем снова войти в меня. Мои ногти впиваются в его бицепсы, когда он задает идеальный ритм.

Одна из его рук двигается, чтобы поиграть с моим клитором, обводя его большим пальцем и сводя меня с ума. Я всегда в восторге от того, какой он сильный, способный поддерживать меня одной рукой, пока трахает, как чертову тряпичную куклу. Его сила возбуждает меня, а его внимание к тому, что нужно моему телу, поднимает меня еще выше.

Ноа опускает голову и начинает облизывать и посасывать точку моего пульса. Черт, мне нравится, когда он целует меня в шею. Глубоко внутри меня нарастает жар, и я делаю глубокие вдохи, когда он проходит сквозь меня. Мои пальцы на ногах подгибаются, а ногти в кровь царапают его плечи.

С криком он тоже кончает, изливаясь в меня горячими струями. Ничто не ощущается так хорошо, как-то, что Ноа обнажен внутри меня, каждая его клеточка прижимается к моим стенкам. И почувствовать, как он входит в меня?

Гребаное блаженство. Я начинаю думать, что у меня что-то вроде склонности к размножению.

Ноа крепко целует меня. Как будто пытается овладеть мной этим единственным поцелуем. Его язык борется с моим, а зубы сильно прикусывают мои губы. Он сильнее прижимает меня к стене, чтобы его руки могли зарыться в мои мокрые волосы и еще ближе прижать мое лицо к своему.

Его бедра продолжают тереться о мои, уделяя моему чувствительному клитору ровно столько внимания, сколько нужно.

Я чувствую, как его сперма начинает вытекать между нами, но он все еще твердый внутри меня. Я собираюсь кончить снова, точно так же, как сейчас. С этим всепоглощающим поцелуем и тем, как он трется о мой клитор.

— Кончи для меня снова, — приказывает Ноа, — моя маленькая шлюшка.

Я скулю, мой второй оргазм быстро нарастает.

— Кто моя хнычущая шлюшка, а? Это ты, Милли? Неужели тебе так сильно нужен этот член, что ты кончишь даже после того, как я закончу и размякну внутри тебя? Когда моя сперма вытекает из этой сладкой маленькой киски?

— Бл*дь! — я стону долго и громко, оргазм проносится по моему телу, как гребаный ураган, его непристойные речи доводят меня до предела сильно и быстро.

Он целует меня везде. Мои глаза, мои щеки, мой рот, моя челюсть. Его прикосновение становится нежным, когда он выskalывает из меня и ставит нас под струю воды. Ноа медленно ставит меня на ноги. Меня шатает, но я в порядке.

Я обхватываю его руками за талию, и он притягивает меня ближе, прижимая мою голову к своей груди. Я люблю эти короткие моменты после секса, когда он просто обнимает меня, а я обнимаю его. И я чувствую себя в безопасности, словно в мире нет ничего и никого, кроме нас.

Хотя, по правде говоря, с Ноа всегда так. Когда он со мной, он заботится о том, чтобы я

была в центре его внимания. Отдает мне каждую частичку себя, и это кажется немного нелепым каждый раз, когда я думаю о том, что я еще не согласилась.

Всю свою жизнь все, чего я когда-либо хотела — это проводить все свое время с Ноа. Помолвлена, замужем, беременна и стара. Я хочу все наши глупые маленькие ссоры из-за пустяков и наши препирательства из-за того, кого Энни любит больше.

Очевидно, что меня.

Но я хочу всего этого, и хочу этого с Ноа. Так почему же я до сих пор не сказала «да»?

Я перевожу дыхание.

— Могу я теперь сказать «да»? — я спрашиваю его.

Ноа улыбается мне сверху вниз.

— Ты хочешь сказать «да»?

Я киваю.

Он целует меня.

— Ты выйдешь за меня замуж, Злючка?

Моя улыбка такая широкая, что становится больно.

— Да.

Я разражаюсь смехом, когда он поднимает меня и целует, наши мокрые тела скользят друг по другу.

Внезапно он снова ставит меня на ноги и выбегает из душа. Ни полотенца, ничего.

Я смеюсь и кричу ему вслед, спрашивая, куда, черт возьми, он бежит. Но потом он возвращается, неся кольцо, которое прятал в доме.

Голый и мокрый, он опускается на колени на пол ванной и дарит мне кольцо с широкой, глуповатой улыбкой на лице. Я смеюсь и хватаю его за руку, подтягивая к себе и протягивая свою руку, чтобы он надел кольцо. Оно легко надевается, и я на мгновение останавливаюсь, чтобы полюбоваться прекрасным бриллиантом, прежде чем затащить его обратно в душ для поцелуя.

— Я люблю тебя, Ноа Хардинг.

— И я люблю тебя, моя маленькая Злючка.

Блаженное счастье. Это все, что я чувствую.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigoed.net